ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Tom 16

№4 · 2015

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

452015

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru Сайт журнала: http://chsu.kubsu.ru

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (зам гл. редактора); Бедерханова В.П., д-р пед. наук, проф.; Ермоленко В.В., д-р экон. наук, доц.; Жаде З.А., д-р полит. наук, проф.; Иванов А.Г., д-р ист. наук, проф.; Кимберг А.Н., канд. психол. наук, доц. (зам. гл. редактора); Кольба А.И., д-р. полит. наук, доц. (зам. гл. редактора); Курбатова Г.С., отв. секретарь; Лузаков А.А., д-р психол. наук, доц.; Нарыков Н. В., д-р филос. наук, проф.; Оберемко О.А., канд. социол. наук, доц.; Ожигова Л.Н., д-р психол. наук, проф.; Остапенко А.А., д-р пед. наук, проф.; Рябченко Н.А., канд. полит. наук (тех. директор); Рябикина З.И., д-р психол. наук, проф.; Филиппов Ю.В., канд. эконом. н., проф.: Фоменко Г.Ю., д-р психол. наук, проф.; Юрченко В.М., д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т. А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); Дмитриев А. В., д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); Дёмин А. Н., д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); Дженкинс Р., д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); Журавлев А.Л., д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); Зинченко Ю. П., д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); Знаков В. В., д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); Кесслер Юрген, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); Кузьмина Н. В., д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); Подшивалкина В. И., д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); Никовская Л.И., д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); Оркени А., д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); Поцелуев С. П., д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); Романова А. П., д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); Семененко И.С., д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); Сморгунов Л. В., д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); Фадеева Л. А., д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); Шабров О.Ф., д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); Швецов А. Н., д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); Янушкявичене О. Л., д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 30.12.2015. Уч.-изд. л. 11,85. Усл. печ. л. 12,25. Тираж 1000 экз. Заказ №

4-201.5

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ
Морозова Е. В., Мирошниченко И. В., Рябченко Н. А. Гибридные политические институты: к проблеме типологизации
<i>Шлапеко Е.А.</i> Конструирование региональной идентичности в Северной Европе: институты и инструменты
ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА
Мармилова Е.П. Государственное финансирование избирательных кампаний как способ обеспечения справедливых выборов: опыт Индии 3
Садилова А. В. Практики российского Интернет-активизма на субнациональном уровне 4
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ
Глухова А.В. Современный глобальный конфликт и его национальные проекции (конфликтологический дискурс)
<i>Чепели Д., Пражак Г.</i> Переходный процесс и конфликты: случай Венгрии $\dots 7^n$
ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ
Φ адеева Λ . A . Современный университет: конфликт ценностей и моделей 10°
психофизиология
Дикая Л.А., Кариова В.В. Нейрофизиологические корреляты создания художественного образа представителями разных профессий сферы искусства
социальная психология
Кязымзаде Λ . A . Эстетика пейзажа поселений как фактор социально-психологического самочувствия людей
НАШИ АВТОРЫ130
к сведению авторов140
ПОРЯЛОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 140

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N, Krasnodar 350040, Russian Federation tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at chsu1999@yandex.ru
Web-site: http://chsu.kubsu.ru

Editorial Board:

Prof. Tatyana T. Avdeeva, Dr. Sci. (Economics), Deputy editor-in-chief; Prof. Vera P. Bederkhanova, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. Aleksandr G. Ivanov, Dr. Sci. (History); Prof. Zuriet A. Zhade, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. Vladimir V. Yermolenko, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. Aleksandr. N. Kimberg, Cand. Sci. (Psychology), Deputy editorin-chief; Assist. Prof. Aleksey I. Kolba, Dr. Sci. (Political Science), Deputy editor-in-chief; Galina S. Kourbatova, Executive Editor; Assist. Prof. Andrey A. Louzakov, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Nikolaj V. Narykov, Dr. Sci. (Philisophy); Oleg A. Oberemko, Cand. Sci. (Sociology); Prof. Liudmila N. Ozhigova, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Andrey A. Ostapenko, Dr. Sci. (Pedagogy); Natalya A. Ryabchenko, Cand. Sci. (Political Science), Technical Director; Prof. Zinaida I. Ryabikina, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Yuri V. Filippov, Cand. Sci. (Economics); Prof. Galina Yu. Fomenko, Dr. Sci. (Psychology); Prof. Viktor M. Yurchenko, Dr. Sci. (Philisophy), Deputy Editor-in-chief

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. Anatoly V. Dmitriev, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. Andrey N. Diomin, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. Richard Jenkins, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Greate Britain; Prof. Yuri P. Zinchenko, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. Viktor V. Znakov, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. Anatoly L. Zhuravlev, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. Jürgen Keßler, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. Nina V. Kuz'mina, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. Valentina I. Podshivalkina, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. Larissa I. Nikovskava, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. Antal Orkeny, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. Sergey P. Potseluyev, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. Anna P. Romanova, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. Irina S. Semenenko, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. Leonid V. Smorgunov, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. Liubov A. Fadeeva, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. Oleg F. Shabrov, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. Aleksandr N. Shvetsov, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. Olga Januškevičienė, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

4=201.5

CONTENES

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES
Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A. Hybrid political institutions: revisiting the issue of typologization
Shlapeko E. A. Construction of regional identity in Northern Europe: institutions and instruments
PUBLIC POLICY
Marmilova E. P. State funding of electoral campaigns as a way to provide fair elections: India's experience
Sadilova A.V. Russian Internet-activizm practices on the subnational level 49
POLITICAL CONFLICTOLOGY
Glukhova A. V. Modern global conflict and its national projection (conflictology discourse)
Csepeli G., Prazsák G. Transition and conflict: the case of Hungary
PROBLEMS OF EDUCATION
Fadeeva L. A. A modern university: the conflict of values and models102
PSYCHOPHYSIOLOGY
Dikaya L.A., Karpova V.V. Neurophysiological correlates of creating an artistic image of the representatives of different professions the arts
SOCIAL PSYCHOLOGY
<i>Kazimzade L. A.</i> Aesthetics of the settlements landscape as a factor of social and psychological well-being of people
OUR AUTHORS
INFORMATION FOR THE AUTHORS145
DDOCEDUDE FOR DECEIVING AND DEVIEWING MANUSCRIPTS 1/17

ГИБРИДНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИЗАЦИИ¹

Морозова Е.В., Мирошниченко И.В., Рябченко Н.А.

Морозова Елена Васильевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: morozova_e@inbox.ru

Мирошниченко Инна Валерьевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Эл. почта: mirinna78@mail.ru

Рябченко Наталья Анатольевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: rrrnatali@mail.ru

Авторы полагают, что широкое распространение гибридных политических институтов, их разнообразные качественные характеристики ставят на повестку дня вопрос о типологизации политических гибридов. В процессе гибридизации происходит не только воспроизводство базовых свойств «родительских институтов», но и приобретение новых свойств. Интеграция и анализ накопленного эмпирического материала позволили увидеть, сколь различны исходные части, объединяемые гибридами. В статье обосновываются четыре типа гибридных политических институтов. Первый из них характеризуется объединением черт институтов, принадлежащих к двум или более различным идеал-типическим моделям, к нему авторы отнесли гибридные государства и политические режимы. Гибрид второго типа объединяет черты определенного политического института де-юре и другого политического или социального института де-факто, представлен он в статье антиистеблишментскими партиями. Третий и четвертый типы связаны с формированием новой политической реальности — сетевой публичной политики, которая представляет собой незавершенный проект нелинейного развития. Тип третий — это гибридность, обусловленная институционализацией новых акторов публичной политики в online и offline пространствах. Четвертый тип основан на функциональной интеграции различных организационных форм. Гетерархии представляют интеграцию иерархичных и сетевых структур. Перечень рассмотренных авторами типов гибридных политических институтов не является исчерпывающим. В научном осмыслении гибридности современных политических институтов можно выделить две проблемы: поиск адекватной методологии, позволяющей охватить все эмпирические измерения «гибридности» в современной политической реальности, и оценка роли гибридизации политических институтов в трансформации политических систем и про-

 $^{^{1}}$ Статья подготовлена при выполнении научно-исследовательских работ (НИР) по заданию № 2014/75 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Министерства образования и науки РФ «Гибридные субъекты публичной политики: стратегии и технологии взаимодействия с государством в условиях новой информационной реальности» (2014–2016), (внутренний шифр №14/54т).

странства публичной политики. Остается открытым вопрос о том, насколько гибридность стала устойчивой и долгосрочной моделью развития современных политических институтов

Ключевые слова: гибридность, гибридные политические институты, нетипичность в политике, гибридные государства, гибридные режимы, партии-гибриды, социальные сети, гетерархии.

Следствием глобализации становится возрастание гетерогенности политического пространства и неоднородности акторов, взаимодействующих в нем. Политологи используют для описания этого процесса атрибуты комплексности, сложносоставности, лиминальности, мозаичности. Использование понятия гибридности в политической науке становится результатом теоретических поисков, позволяющих описывать новые политические реалии, которые возникли в условиях кризисов, «переходности» или столкновения различных социокультурных практик. Фиксируя наличие гибридных, нетипичных политических институтов и выявляя их качественные характеристики, исследователи исходят из разных методологических позиций, которые позволяют им выстраивать объяснительные конструкции. Как правило, часть экспертов к гибридным относит политические институты, которые по своим характеристикам не вписываются в «чистые», идеал-типические категории.

У. Бек, говоря о гибридах, созданных человеком (man-made hybrids), имел в виду не только современные риски, но и способы, с помощью которых «гибридное общество» описывает, оценивает и критикует собственную гибридность (Beck, 2007). Гибридные формы мы находим во всех сферах жизнедеятельности современного общества — гибридные пространства, гибридные экономические организации, гибридная идентичность, гибридные войны, гибридные избирательные системы, гибридные суды. Всё чаще мы встречаемся с использованием гибридной методологии в политических исследованиях, хотя авторы обычно употребляют термин «полипарадигмальность». В отечественном научном дискурсе вполне определенно наметилась линия политологического анализа гибридных институтов. В процессе гибридизации происходит не только воспроизводство базовых свойств «родительских институтов», но и приобретение новых свойств. Интеграция и анализ накопленного эмпирического материала позволили увидеть, сколь различны исходные части, объединяемые гибридами, и, что закономерно, поставить задачу типологизации выявленных гибридных политических институтов. Рассмотрим несколько кейсов таких институтов.

Тип первый: гибрид объединяет черты институтов, принадлежащих к двум или более различным идеал-типическим моделям². К этому типу относятся гибридные государства и гибридные режимы.

² Идеал-типическая модель – это упрощенная схематическая концептуализация политических феноменов, применяемая в качестве инструмента научного исследования в целях анализа и объяснения, представляющая явление только в абстрактной, или «чистой» форме.

Термин «гибридные государства» появился в политико-правовом тезаурусе, когда возникли нетипичные формы, «не укладывающиеся» в матрицу классификаций. Хрестоматийным примером такого государства стала послефранкистская Испания, назвавшая себя «государством автономий». Это чрезвычайно децентрализованное региональное государство³ только формально остается унитарным. Испанские регионы обладают не только административными, но также и законодательными полномочиями в ряде областей. Местные языки признаны официальными наряду с испанским (кастильским) в границах соответствующих автономных сообществ.

Гибридный характер государства автономий (его иногда называют еще составным государством) проявляется в одновременном сосуществовании унитаристских и федералистских характеристик. За свое более чем 35-летнее существование оно доказало жизнеспособность, уберегло многонациональную страну от дезинтеграции (Хенкин, 2014), но в настоящее время этот баланс подвергается существенным рискам. Прежде всего это сепаратистские устремления Каталонии: правящая элита и значительная часть населения стремятся превратить автономию в новое государство ЕС.

На ноябрь 2014 г. был намечен референдум по вопросу о самоопределении региона. Однако, согласно конституции, автономии не могут проводить референдум без разрешения центра. 27 сентября 2014 г. конституционный суд Испании заморозил подготовку к референдуму по причине его несоответствия конституции страны. Вместо этого в вышеуказанную дату был проведён консультативный опрос по поводу политического будущего Каталонии, не имеющий прямой юридической силы. 9 ноября 2014 г. более 80% участников указанного опроса высказались за политическую независимость Каталонии. После того как конституционный суд Испании признал незаконным проведение референдума о независимости Каталонии, партии, выступающие за независимость региона, заявили, что в случае победы на местных выборах инициируют процесс «обретения независимости» от Испании через решение парламента.

Коалиция «Вместе — "за"» (Junts pel Si), занявшая первое место на прошедших в 2015 г. выборах парламента автономной области Каталония, объявила о намерении в 2017 г. начать процесс отделения от Испании. Министр иностранных дел Испании Хосэ Мануэль Гарсиа-Маргальо назвал ситуацию в Каталонии мятежом. 9 ноября 2015 г. в парламенте Каталонии начались дебаты по проекту резолюции, провозглашающей начало процесса создания независимого государства. Парламент Каталонии большинством голосов принял резолюцию о «начале процесса создания независимого государства с республиканской формой правления». Запланировано, что в случае одобрения документа в течение 18 месяцев будут сформированы госструктуры и разработана конститу-

 $^{^3}$ Подробнее о становлении и эволюции испанского государства автономий см.: (Прохоренко, 2010).

ция Каталонии, причём в поддержку документа высказались более половины депутатов, представляющих коалицию политических сил, выступающих за независимость автономии. Конституционный суд Испании в ответ на запрос центрального правительства королевства приостановил действие вышеназванной резолюции парламента Каталонии. До вынесения окончательного вердикта судей любые действия сторонников независимости автономии будут считаться незаконными.

Действующие правовые нормы превращают конфликт между Барселоной и Мадридом в неразрешимый. Между тем данные последних опросов населения Каталонии, проведенных агентством Metroscopia, свидетельствуют о том, что половина жителей автономии выступает против ускорения процесса отделения от Испании. Так, 51% опрошенных каталонцев признались, что не поддерживают резолюцию о независимости. Большинство каталонцев хотят, чтобы вопрос о независимости был выдвинут на официальный референдум, признаваемый Мадридом (Федякина, 2015).

Очевидно, что конфликт между центром и одним из регионов «государства автономий» является сложносоставным по своей природе и не имеет простых решений. Политические проявления феномена «неонационализма» сами по себе имеют гибридный характер, поскольку «могут вбирать партии и движения разных политических спектров, этнические, культурные, территориальные и политические, в том числе социально-классовые, идентичности. Сам выбор идейных ориентиров оказывается в этих условиях ситуативным» (Перегудов, Семененко, 2015).

Процесс деволюции в Великобритании в конце XX в. — начале XXI в. привел к появлению явных признаков федерализации государственной жизни, тем самым придав государственному устройству черты гибридности. Под деволюцией понимается процесс постепенного и неуклонного обретения историческими частями Великобритании все более широкого круга политико-управленческих полномочий, расширения сфер их финансово-экономической самостоятельности и культурного самоопределения. Как полагают И.С. Семененко и С.П. Перегудов (Перегудов, Семененко, 2015), референдум о независимости Шотландии в 2014 г. открыл качественно новый этап конституционной реформы. «Взаимодействие между институтами власти Соединенного Королевства и Шотландии стимулирует регионализацию и общий, тяготеющий к федерализму формат политического устройства страны» (Перегудов, Семененко, 2015). Результаты референдума определились следующим образом: 55% против 45%. Шотландия осталась в Соединенном Королевстве. Доводы прагматиков перевесили, «но произошло это отнюдь не случайно, а потому, и только потому, что «за спиной» избирателя была широкая экономическая и политическая автономия Шотландии, в условиях которой пребывание в составе Соединенного Королевства — это для него не минус, а плюс, причем для многих, и особенно

для бизнеса — большой плюс» (Перегудов, Семененко, 2015). Следующей на очереди в проведении политики деволюции, согласно обещаниям британских политиков, должна быть сама Англия. Но модель политико-институциональных трансформаций здесь будет — и это уже очевидно — иной. Локомотивами изменений могут стать крупные города или территориальные кластеры развития, а это создаст новую конфигурацию гибридного государства.

«Гибридность» политических режимов для исследования динамики и трансформаций современных государств стала объяснительной моделью, позволяющей «вместить» в себя все разнообразие стремительно нарастающих эмпирических «девиаций», отличающих функционирование определенных политических режимов от идеал-типических моделей. В типологических схемах исследователей появляются особые формы политических режимов, в определении которых фигурируют определения демократии и авторитаризма с различными прилагательными (Шульман, 2015).

Первый этап изучения гибридных режимов оформляется в рамках объяснительных теорий политической транзитологии (1980–2000 гг.). Эмпирические исследования перехода политических режимов от авторитаризма к демократии в странах Латинской Америки, Азии, Африки и посткоммунистических государствах не подтвердили теоретический тезис о линейности демократического транзита и его однозначном конечном результате — установлении режима «консолидированной демократии». Развивающиеся государства, вне зависимости от их регионального расположения на политической карте мира, стали демонстрировать причудливые комбинации и синтез традиционных, характерных для национальной социокультурной среды, и современных демократических форм политических институтов. Как отмечает И. М. Бусыгина, «режимы многих стран, не оправдав надежд, «застыли» где-то посередине перехода, превратившись в гибридные, то есть сочетающие демократические процедуры и механизмы управления с авторитарными» (Бусыгина, 2013).

Впервые Г. О'Донелл и Ф. Шмиттер, анализируя опыт стран Латинской Америки, предложили гибридные формы политических режимов (O'Donnell, Schmitter, 1986), являющихся субтипами демократии — «диктобланда» и «демократура»⁴. Впоследствии Г. О'Доннелл, используя методологию структурных теорий в объяснении становления и консолидации демократии, вы-

⁴ «Диктобланда» является результатом проведения либерализации без демократизации. В данных условиях правящая элита соглашается на некоторые индивидуальные и гражданские права без подотчетности обществу. Такой режим отдает предпочтение политическому меньшинству, контролирующему значительную часть ресурсов, в ущерб политическому большинству. «Демократура» возникает в результате демократического перехода без проведения либерализации. Это означает, что выборы (при условии, что они вообще проводятся), многопартийность и политическая конкуренция допускаются только в той мере, в какой они не угрожают власти правящей элиты. Фактически политическое участие большинства рассматривается как прямая демонстрация поддержки правящей элиты. См.: (O'Donnell, Schmitter, 1986).

делил и охарактеризовал новый тип гибридного режима — «делегативная демократия» 5 .

На рубеже 2000-х гг., подытоживая развитие традиции «демократия с прилагательными», В. Меркель и А. Круассан предложили концепт «дефектной демократии», в котором на основе шести критериев устанавливаются два аналитических различения: 1) относится ли демократия к дефектному типу и 2) в зависимости от того, какой из критериев трех фундаментальных измерений конституционно-правовой демократии «поврежден», выявляется подтип дефектной демократии⁷.

С начала 2000-х гг. исследование гибридных режимов основывается на теоретическом положении, что гибридные режимы не являются переходными или амальгамными фазами в процессе демократизации, а оформляются как особые автономные типы политического режима, характеризующиеся специфическими признаками и особой логикой функционирования в достаточно длительный период времени. В противовес теоретическим положениям политической транзитологии, ученые в большей степени относят гибридные политические режимы к семейству авторитаризма, а не к разновидности демократии, несмотря на наличие основных демократических атрибутов (Шнель, 2013). Наибольшее признание в политической науке получили концепты «электорального авторитаризма» (А. Шедлера), «соревновательного авторитаризма» (Л. Вэя, С. Левитски)⁸, «псевдодемократии» Л. Даймона⁹ и др. При этом в исследовании гибридных

⁵ Отличительными признаками режима «делегативной демократии» являются: регулярные выборы главы исполнительной власти, который на несколько лет становится высшим толкователем интересов нации; низкий уровень институционализации власти; отсутствие каких-либо ограничений исполнительной власти, кроме неформальных отношений и сроков переизбрания ее главы; наличие гражданских прав и свобод; формальный характер законодательной власти; радикальный характер политики, проводимой общенациональным лидером; отсутствие механизмов согласования интересов; отсутствие горизонтальной подотчетности исполнительной власти (система разделения властей). См.: (О'Донелл, 1997).

⁶ Идентификация конституционно-правовой и дефектной демократии происходит на основании трех фундаментальных критериев – конкуренция, участие и конституционализм, которые дифференцируются на шесть параметров политических режимов: легитимация господства; доступ к господству; монополия на господство; притязания на господство; структура господства; способ осуществления господства. См.: (Меркель, Круассан, 2002).

 $^{^7}$ Авторы выделяют три типа дефектных демократий: «исключающую демократию», «анклавную демократию» и «нелиберальную демократию. См.: (Меркель, Круассан, 2002).

⁸ Согласно А. Шедлеру, «электоральный авторитаризм» позволяет использовать регулярные процедуры выборов законодательной и исполнительной власти в качестве инструмента легитимации и удержания властных позиций авторитарным руководством государства. Специфика «соревновательного авторитаризма» Вэя - Левитски заключается в том, что в стране проводятся честные, но несправедливые выборы, а статус оппозиции носит открытый конкурентный, но неравный характер, См.: (Шнель, 2013).

 $^{^{9}}$ Л. Даймонд, характеризуя «псевдодемократию», отмечает, что в данных гибридных режимах отсутствует институт честного электорального соперничества, способного привести

политических режимов доминируют неоинституциональный подход и теория рационального выбора, позволяющие акцентировать внимание на процедурных параметрах устойчивости/уязвимости/выживаемости современных гибридных автократий.

Важно, что новые эмпирические данные о развитии современных политических режимов в национальных контекстах постоянно обновляются и расширяются, что обуславливает появление новых объяснительных концепций и подходов гибридных политических режимов. В то же время существование и устойчивость современных гибридных политических режимом невозможно объяснить исключительно линейным детерминизмом. Можно согласиться с мнением известного политолога Е. Шульман, что качество функционирования политических институтов в разных национальных контекстах зависит от наполнения их человеческим содержанием, которое может не совпадать с «надписью на вывеске» (Шульман, 2015).

Тип второй: гибрид объединяет черты определенного политического института де-юре и другого политического или социального института де-факто. К данному типу можно, без сомнения, отнести современные антиистеблишментские партии. Партиями-гибридами их назвал С. П. Перегудов (Перегудов, 2014), считая, что они совмещают в себе как партийные, так и групповые функции, реализуя их в рамках своего рода синтеза. Одной из первых таких организаций стало движение «Вперёд, Италия!», созданное С. Берлускони после кризиса Первой республики в Италии на базе клубов болельщиков футбольного клуба «Милан». Из современных гибридных партий выделим партию независимости Соединенного Королевства, движение «Пять звезд» в Италии, испанскую партию «Подемос», пиратские партии в различных странах.

Партия независимости Соединенного Королевства (United Kingdom Independence Party — UKIP) довольно бесцеремонно вторглась в партийно-политическое поле, монополизировавшееся тремя основными партиями британского мейнстрима. Эту партию отличает приверженность ее основного ядра «одной цели», каковой для нее является разрыв Британии с Европейским Союзом и обретение от него «независимости». «Партия клоунов, психов, кексов и сортирных расистов», как называли её недоброжелатели, стала реальной политической силой, с которой традиционным институтам надо выстраивать отношения. На выборах в Европарламент в 2014 г. она стала лидером, получив 29% голосов избирателей.

Итальянское движение «Пять звезд» (M5S) сенсационно получило более четверти голосов избирателей на парламентских выборах 2013 г. Движение, основанное актером-комиком Беппе Грилло и мобилизовавшее читателей его

к отстранению от власти правящей партии или руководства государства, при наличии других конституционных атрибутов электоральной демократии, в том числе и наличии оппозиции в стране. См.: (Шакирова, 2013).

блога, представляет собой популистскую силу, опирающуюся прежде всего на молодежь севера и центра страны. Как отметил Д. Макдонелл (McDonell, 2013), многие избиратели поддержали движение «Пять звезд» только для того, чтобы обозначить «свой окончательный разрыв с партиями мейнстрима».

Партия «Подемос» («Мы можем!») была основана в 2014 г. группой левых активистов и интеллектуалов как политическое крыло движения «Индигнадос» («Возмущённые»). На данный момент является второй по численности и третьей по парламентскому представительству партией страны. Организована на принципах горизонтальной координации, чтобы соответствовать своим требованиям прямой и партисипативной демократии. Формально партия не имеет ни центрального офиса, ни руководства, действуя через своеобразные политические клубы — представительства сторонников движения, объединённые в «круги». Внутренняя жизнь объединения подчиняется законам «электронной демократии» — голосование через интернет за кандидатов на те или иные административные должности, за утверждение предвыборных программ и т.д. Многие испанцы видят в новой партии силу, способную вывести Испанию из кризиса, покончить со «строгой экономией», очистить общественную жизнь государства от прогнившего политического класса — «политической касты», как именуют эту страту сами лидеры «Подемос» во главе с харизматичным молодым политиком Пабло Иглесиасом (Костюк, 2015).

Пиратские партии декларируют своей целью реформу законодательства в области интеллектуальной собственности, патентов, копирайта. Они выступают за свободный некоммерческий обмен информацией и недопустимость его преследования по закону, а также за неприкосновенность частной жизни. В настоящее время 64 такие партии уже созданы или находятся в процессе создания, более 600 000 людей стали участниками этого движения. Наибольших электоральных успехов добились «пираты» в Германии, где они имеют 19 мест в земельных парламентах и 163 места в городских советах (Пиратская партия, 2015). Лидер Пиратской партии Германии М. Вайсбанд разъясняет позицию партии следующим образом: «...Мы называем такую демократию "Liquid" (жидкой), потому что она может каждый день свободно перетекать из представительной в прямую и обратно. Наша внутрипартийная демократия уже сейчас обеспечивается системой, которая называется "LiquidFeedback" (Гринман, 2011).

Гибридные партии превращают политический процесс в своеобразный «политический меланж», совмещая традиционные политические практики с элементами событийного маркетинга, перфоманса, эпатажа, которые играют важную роль в мобилизации их сторонников. Возможно, к выявленным С. Рокканом и С. Липсетом расколам (город-село, центр-периферия, государство-церковь, собственники-рабочие) как факторам формирования партийных систем пришло время добавить ещё один — «управляющие-управляемые», в условиях информационного общества дающий стимул развития так называемой «неформальной

политики» и ведущий к институционализации гибридных партий. Последние претендуют на роль силы, стремящейся преодолеть отчуждение между гражданами и выступающими от их имени институтами.

Одним из онтологических оснований современной гибридизации политических институтов является формирование новой политической реальности — сетевой публичной политики, которая представляет собой незавершенный проект нелинейного развития. Именно с ним связаны два типа гибридных политических институтов, рассматриваемых далее в статье. Институциональные, процессуальные и технологические компоненты современной политики приобретают сетевые, синергетические характеристики, «прорастая» поверх рутинных практик традиционной публичной политики. В институциональной среде возникают новые организационные формы и практики разнообразных сетевых структур (новые социальные движения, протестные сообщества, гражданская журналистика, открытое правительство и т.д.), а традиционные политические институты (сетевые политические партии, некоммерческие организации, веб 2.0) под воздействием процессов сетевизации становятся гибридными.

Тип третий: гибридность, обусловленная институционализацией новых акторов публичной политики в online и offline пространствах. В современных условиях публичное пространство не просто расширяется за счет присоединения к традиционной информационно-дискурсивной сфере интернет-пространства, а приобретает иные качественные характеристики. Посредством интернетизации происходит расширение публичного пространства, так как Интернет включает в себя не только сервисные функции информирования и коммуникации, но и социальное окружение, самостоятельно участвующее в потреблении, производстве и распространении контента. Технологические принципы Интернета, такие как отсутствие иерархии, открытость доступа, ориентированность на персональных пользователей, способствуют созданию единого коммуникативного сообщества, представляющего собой сеть без коммуникативных «разрывов». Интеграция пространства Интернета (онлайн-пространства) в публичную сферу и его функциональность для продуцирования делиберативного пространства обусловлены цифровой природой (готовностью и открытостью к изменениям) и сетевым этосом политических коммуникаций. Сетевая коммуникация становится системообразующим источником репродуцирования политической сферы, определяя формат политических отношений. Благодаря сетевой коммуникации институционализация политической деятельности разнообразных акторов происходит в двух проекциях: онлайн и оффлайн.

Появление новых практик формальной институционализации сетевых онлайн-сообществ в российской публичной политике тесно связано с формированием и развитием дискурсивных сетей, новых социальных движений, мобилизующих граждан на участие в решении публичных проблем. В ряде случаев неинституционализированные сети мобилизации граждан трансформируются

в постоянно действующие общественные/политические структуры в качестве акторов публичной политики.

Например, протестные движения избирателей в период электорального цикла 2011–2012 гг. стали результатом сетевой самоорганизации многочисленных групп общественности, связанных одной целью — обеспечения соблюдения закона в день голосования. Внутренние ресурсы сетевых сообществ, такие как доступ к сети Интернет, коллективный стиль мышления, неперсонифицированное доверие, опыт социальной навигации и планирования, позволили интегрировать гражданских активистов в координационные сетевые структуры гражданских действий: «Росвыборы» (http://uik.rosvybory.org/), «Гражданин наблюдатель» (http://nabludatel.org/), «Лига избирателей» (http://ligaizbirateley.ru/).

При этом создание сетевых координационных структур проходило по двум сценариям. Первый был основан на следующем алгоритме: сетевая самоорганизация онлайн-сообществ и их мобилизация в качестве гражданских активистов требовали формирования координационного центра («Гражданин наблюдатель», «Наблюдатели Петербурга»). Второй сценарий связан с формированием спроса разрозненных сетевых сообществ гражданских активистов на координацию протестной активности, что позволило сформулировать некоторым общественным лидерам, авторитетным среди сетевой онлайн-общественности, предложения в виде электронных ресурсов, позволяющих объединить деятельность гражданских сетей в ряде проектов («Росвыборы», «Лига избирателей») (Веревкин, 2012). В то же время данные координационные площадки в онлайн-пространстве, несмотря на различные способы возникновения, не только аккумулировали информационные потоки и координировали действия региональных и локальных сетей гражданских активистов, но и согласовывали стратегии деятельности друг с другом, что говорит о формировании единого гражданского движения, образованного сетевым способом.

Протестное движение избирателей, в отличие от других сетей гражданской мобилизации, обусловило создание координационных структур, которые, институционализируясь, находят другие формы гражданской деятельности. Волонтерский проект «Гражданин наблюдатель» превратился в постоянно действующую общественную структуру, которая ведет деятельность по гражданскому образованию и обеспечению законности выборов на региональном и локальном уровнях с помощью общественных наблюдателей. Координационная структура «Наблюдатели Петербурга», прошедшая регистрацию в качестве общественной организации, помимо организации наблюдателей на муниципальных выборах реализует различные гражданские проекты, связанные с осуществлением общественного контроля над деятельностью депутатов регионального парламента и муниципальных представительных органов, в сфере ЖКХ и обустройства города. Деятельность общественной организации «Наблюдатели Петербурга» связана с реализацией общественного контроля

гражданами с целью оценки и корректировки деятельности органов государственной власти и управления, а также органов местного самоуправления в соответствии с общественными интересами. Сетевые координационные структуры «Гражданин наблюдатель» и «Наблюдатели Петербурга» оказались способными выйти из границ мобилизационного уровня движения одной проблемы и осуществили зрелый переход к формальной институционализации сетевых структур в качестве акторов российской публичной политики. Следует отметить и координационные структуры «Росвыборы» и «Лига избирателей», которые были созданы известными политическими и общественными лидерами для координации активности протестных акций избирателей («Белая лента», «За честные выборы!»), но не смогли преодолеть порог зрелости и приостановили свою деятельность.

Таким образом, политическая институционализация сетей мобилизации и самоорганизации граждан в рамках «гибридного формата» стала рассматриваться в экспертном сообществе (Программа Международной научной конференции..., 2012) как фактор формирования полноценного гражданского общества, способного расширить пространство публичной политики и предложить интерактивные каналы взаимодействия власти и граждан в новых информационных условиях.

Тип четвертый: гибридность, основанная на функциональной интеграции различных организационных форм. Изменение механизмов коммуникации и политической институционализации в публичной политике повлияли и на формирование гибридных институциональных форм в системе публичного управления. Так, в современной политико-управленческой практике все чаще стали появляться гибридные организационные формы, отличающиеся от типичных иерархических и рыночных структур. Такие формы получили название «гетерархии»¹⁰. Для гетерархических организационных форм характерна единая система, в которой разнообразные субъекты в рамках динамически изменяющегося баланса коммуникативных отношений взаимодействуют друг с другом. При этом субъекты данной системы могут иметь разнообразные комплексы этосов и векторы развития, в отличие от иерархических структур, где все субъекты системы взаимодействуют в рамках единых для всех формальных правил, оправдывающих ее (систему) как единственно «логичную», «рациональную» и «экономичную» (Hedlund, 1994). По сути гетерархия представляет собой

¹⁰ Данный термин был введен в научный оборот в 1943 г. нейропсихологом и кибернетиком У. Маккаллоком (McCulloch, 1965). Суть его разработок заключалась в создании формальной (математической) модели мозга, образованной по гетерархическому принципу сети нейронов, являющихся элементами процесса логического мышления. Термин «гетерархия» стал пониматься учеными как «распределенное управление» или «нечто целостное, обладающее внутренней разнородностью». В дальнейшем методологическая конструкция была интегрирована в научные сферы биологии, когнитивистики, прикладной математики и программирования, а также в социальные науки.

масштабируемую гибридную организационную форму, структура и функционирование которой определяются распределенным центром управления единой структуры, который является системообразующим.

Такая гибридная сетевая конфигурация дает возможность субъектам различного уровня взаимодействовать в рамках сложных коммуникаций, минуя формальные вертикальные каналы. Как отмечает О.В. Михайлова, «по сути гетерархия — это организационный диссонанс — столкновение разнообразных ценностных моделей, порождающее новые комбинации ресурсов, создающее принципиально новые решения, недоступные вертикально организованным образованиям» (Михайлова, 2014). В едином организационном пространстве в режиме сетевого взаимодействия, не исключающего вертикальные каналы коммуникации, разнообразные акторы привносят в сеть различные типы практик: коммерческие — рыночные отношения, основанные на рациональном выборе; государственные, формализующие отношения в режиме субординации; некоммерческие организации, «культивирующие» в сети принципы кооперации, сотрудничества, основанного на доверии, и партнерства.

В формирующейся реальности сетевой публичной политики, когда традиционные, привычные способы решения проблем не срабатывают, а заимствование «чужого» исторического опыта в решении «родственных» публичных проблем неэффективно, у государства возникает необходимость в поиске оптимальных инновационных решений. Важно, что возможность создания гетерархических организационных форм расширяет адаптивные возможности государства (Чистобродов, 2015) в условиях неопределенности, кризиса, трансформаций, в которых необходим многомерный поиск новых путей развития общества, инновационных идей решения публичных проблем и их имплементация в реальную практику публичного управления.

Для российской специфики характерно инкорпорирование гетерархичных структур в вертикаль власти и дальнейшее их развитие как единой структуры, имеющей иерархическую надстроенную часть и сетевую конфигурацию нижнего базового уровня. С практической точки зрения, такая конфигурация гетерархических структур позволяет решить две проблемы эффективного публичного управления. Во-первых, институционализировать и формализовать с точки зрения нормативно-правового регулирования инновационные социальные практики в сфере публичной политики и управления. Во-вторых, позволяет государству адаптироваться к изменениям окружающей среды благодаря существующему в гетерархической структуре пространству коммуникаций неопределенного круга акторов. Механизмы инкорпорирования и, соответственно, модели образования гетерогенных структур в этом случае условно можно разделить на два типа: восходящие и нисходящие.

В нисходящей модели формирования гетерархий государство берет на себя функции создания условий для формирования и проектирования сетевых

структур из среды сетевого гражданского общества для генерации идей по решению публичных проблем и их имплементации в управленческую и социальную практику. Реализация нисходящего механизма в формировании данной модели возможна посредством организации системы открытых данных и технологии краудсорсинга. Примером подобного механизма может служить опыт работы префектуры Зеленограда.

Используя краудсорсинг в конце 2012 — начале 2013 г., префектура Зеленоградского административного округа совместно с компанией «Witology» (Сайт компании «Witology», 2015) запустили краудсорсинговый пилотный проект «Новые пути развития Зеленограда». В ходе реализации проекта были определены четыре направления формирования образа будущего Зеленограда как города социальных инноваций, ведущего научно-технологического центра, удобного для жизни, города и центра промышленного туризма (Участники краудсорсинг-проекта..., 2012). На XIII форуме «Информационные технологии в госсекторе», организованном компанией AHConferences (Сайт компании AHConferences, 2015), начальник отдела информационно-технологического развития префектуры Зеленоградского АО г. Москвы Анна Коробова, выступая с докладом о реализации проекта «Новые пути развития Зеленограда», оценила прямой экономический эффект от использования инструментария краудсорсинг в тридцать часов работы среднего муниципального служащего, такой ресурс был отработан в ходе месячного функционирования проекта (Шпунт, 2013). Помимо этого она отмечает, что для эффективной реализации краудсорсинговых проектов необходима мощная организационная поддержка со стороны властноуправленческих структур и наличие технологических механизмов и инструментов (как троллинг, «накрутка» голосов при голосовании), направленных на уменьшение рисков продвижения популистского решения с долговременными отрицательными эффектами. В целом при правильном планировании краудсорсинговой деятельности положительные эффекты от принятия такого рода решений в публичной сфере превалируют над негативными.

Модель формирования гетерархиии, основанная на восходящем механизме, характеризуется тем, что вектор развития гибридной организационной структуры обусловлен инициативами сетевого гражданского общества, направленных к органам власти, что в итоге приводит к их инкорпорированию в систему публичного управления. Актуализация данных процессов связана с факторами, обусловливающими осуществление деятельности органов публичного управления в условиях неопределенности (социально-экономический и политический кризисы, возникновение чрезвычайной ситуации и т.д.). Гетерархии создаются при инициативе государства, которое формирует условие для институционализации самоорганизованных сетевым гражданским обществом структур в гетерархию. При этом государство в новом организационном пространстве выполняет роль «репутационного игрока». В качестве примера, использующего

восходящие механизмы, можно рассмотреть процесс функционирования гетерархии «Блогер против мусора».

В апреле 2011 г. в российском сегменте online-пространства было создано online сетевое сообщество «Блогер против мусора», инициатором которого выступил известный фотограф, бизнесмен, путешественник и блогер Сергей Доля, который опубликовал в Livejournal свои наблюдения по поводу обилия мусора вокруг нас. Публичное сообщение в блоге начиналось со слов: «К сожалению, не все люди в нашей стране приучены не гадить там, где живут. Многие выбрасывают мусор прямо под ноги, в результате чего...», — далее следуют весьма эмоциональные описания заваленных мусором пляжных зон и размышления по поводу «а не взять ли нам все это и привести в порядок!» (История акции..., 2013). Только в течение первых суток на это публичное сообщение появилось более 500 комментариев пользователей online-пространства, выразивших готовность выйти с мешками и перчатками на уборку. По данным рейтинга блогов Рунета, в ноябре 2013 г. Сергей Доля занял топовую позицию в рейтинге блогеров Рунета с числом подписчиков — 25424 пользователя и показателем авторитетности — 497367 пользователя.

Основная идея проекта «Блогер против мусора» заключалась в том, чтобы организовать топ-блогеров по всей стране на уборку территорий от мусора и тем самым привлечь внимание групп online-общественности к этой проблеме. Топ-блогеры выезжали в разные города для освещения акций по уборке мусора: помимо прямых трансляций в online-пространстве топ-блогеры аккумулировали усилия блогеров в регионах, тем самым запуская процесс вовлечения новых участников (журналистов, СМИ) в активную часть проекта — в offline социальное действие (уборку различных территорий от мусора). В роли СМИ выступали и информационные партнеры проекта «Блогер против мусора»: «Йополис», «Москва24», «Риа Новости», «Росфото», «Livejournal», «Журдом», «Форсми», «Артмол», «Мир». Информационные партнеры как участники любого online сетевого сообщества всегда играют особую роль.

После многочисленных репортажей, в особенности репортажей на платформе «Instagram», связанных с наличием огромного числа фотоматериалов, у online сетевого сообщества «Блогер против мусора» появились партнеры и спонсоры — т.е. в него вошли «репутационные игроки». «Репутационными игроками» стали компании «Эльдорадо», «Кока-Кола», «Билайн», «Связной».

В 2013 г. в проекте приняло участие 80 субъектов РФ с общим числом участников более 50 тысяч человек. Хэштег #blogerprotiv в Twitter вышел в тренды Рунета. Все, кто принимал и примет участие в будущих акциях проекта «Блогер против мусора», нашли друг друга в online-пространстве. В результате проведенных акций уже непосредственно в offline было собрано более 1500 тонн мусора. Параллельно с акциями в offline велась online-трансляция всероссийской акции проекта «Блогер против мусора», что позволило не только отслеживать

в режиме реального времени результаты акций, но и объединить участников из разных географических мест. Сетевая деятельность гражданской инициативы при высоком общественном резонансе привлекла внимание и представителей региональной и местных властей в различных субъектах РФ. Все координаторы проекта в своих отчетах и интервью говорили о том, что в регионах губернаторы и главы муниципальных образований охотно шли на встречу активистам проекта, предлагая объединить усилия в решении важной публичной проблемы. Главы местных администраций в своих аккаунтах в социальных сетях стали размещать фотоотчеты и видеорепортажи «с места событий» об уборке мусора. Присоединение официальных властей к гражданской инициативе, с одной стороны, давало дополнительные организационные и материальные ресурсы сетевой деятельности граждан; с другой — позволяло чиновникам наращивать свой символический капитал за счет «имиджевой чувствительности к актуальным гражданским инициативам». В ряде региональных представительств партии «Единая Россия» посчитали важным присоединиться к сетевому движению. Анализируя результаты функционирования online сетевого сообщества в период с 2012 по 2015 г., можно сказать, что власть постепенно инкорпорирует сетевое сообщество «Блогер против мусора», играя во вновь образуемой структуре роль «репутационного игрока», поддерживая и развивая конструктивные социально-политические практики.

Оба эти механизма (нисходящий и восходящий) продуцируют публичную площадку, на которой происходит либо возникновение гетерархических структур, либо их дальнейшее развитие и функционирование под патронажем какого-либо органа власти. Наиболее эффективными представляются площадки, способствующие формированию модели согласованного взаимодействия в рамках единой организационной среды на основе интеграции результатов нисходящего и восходящего механизмов. Таким образом, возникающие в новой политической реальности сетевой публичной политики гетерархиии не только становятся результатом гибридизации политических институтов, но и позволяют институциональной среде государства и гражданского общества адаптироваться к потребностям друг друга в сетевом формате взаимодействия. Это, в свою очередь, позволяет им в рамках партнерской модели взаимодействия на основе стратегии сотрудничества осуществить поиск инновационных способов их решения и имплементации в современную публичную практику.

Перечень рассмотренных типов гибридных политических институтов не является исчерпывающим — он, безусловно, будет расширяться как путем введения иных критериев типологизации (к примеру, жизнестойкость гибридов), так и путем анализа вновь появляющихся форм политических институтов. На взгляд авторов, «коллекция» политических гибридов будет стремительно пополняться по причинам объективного характера: дальнейшее развитие тенденции глокализации политической жизни и, как следствие, усиление гетерогенности

социального и политического пространства; кризис многих традиционных политических институтов и их слабость в поиске ответов на современные вызовы; дальнейшее развитие сетевого общества и утверждение сетевых форматов во всех сферах жизнедеятельности.

В научном осмыслении гибридности современных политических институтов можно выделить две проблемы: поиск адекватной методологии, позволяющей охватить все эмпирические измерения «гибридности» в современной политической реальности, и оценка роли гибридизации политических институтов в трансформации современных политических систем и пространства публичной политики.

Решение проблемы поиска адекватной методологии для исследования гибридных институтов невозможно осуществить в линейном и однозначном формате одного подхода. Изучение «гибридов» возможно только на основе гибридной методологии, в рамках которой в результате конвергенции различных подходов могут быть созданы объяснительные модели, основанные на междисциплинарных аналитических принципах их исследования. Такая методология способна предложить комплексный аналитический инструментарий, дающий возможности для реализации исследовательских задач макро- и микроуровня анализа современной политики, что позволяет одновременно давать объяснения трансформации политических институтов как с точки зрения институционального, так и социокультурного подходов.

В перспективе гибридная методология, ориентированная на осмысление новейших глобальных тенденций, способна выступить интегрирующим началом для создания разнообразных теорий среднего уровня.

Вторая проблема непосредственно связана с оценкой реальной роли гибридных политических институтов в трансформации современных политических систем. Исследование различных типов политических институтов показало, что гибридные институты, возникающие в период различных трансформационных процессов, могут проявлять жизнеспособность в различных условиях, даже при радикальной перестройке институциональной модели политической системы, имея различный по содержанию функциональный потенциал. Одни гибридные политические институты, становясь универсальными в любых национальных условиях, реализуют инновационные функции, позволяющие адаптироваться политической системе к глобальным и национальным вызовам; другие, имитируя реальную деятельность, скрывают реальное содержание политических институтов под фасадом «формальных вывесок», отражая партикулярные потребности политических элит и политического режима. В данном контексте остается открытым вопрос о том, насколько гибридность стала устойчивой и долгосрочной моделью развития современных политических институтов.

Библиографический список

- 1. Бусыгина, И. М. (2013). Как российский политический режим доказывает свою привлекательность. *Отечественные записки*, 57 (6). Режим доступа http://www.strana-oz.ru/2013/6/kak-rossiyskiy-politicheskiy-rezhim-dokazyvaet-svoyu-privlekatelnost
- 2. Веревкин, А. И. (2012). Сетевые формы электорального протеста в современной России. В Е. В. Морозова, Л. В. Сморгунов (ред.) Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всерос. конф. молодых политологов (с. 37–42). Краснодар: Просвещение-Юг.
- 3. Гринман, Р. (2011). Интервью с политическим руководителем Пиратской партии Германии М. Вайсбанд. *Партнер*, 11 (170). Режим доступа http://www.partner-inform. de/index.php/partner/detail/2011/11/170/5160
- 4. История акции «Блогер против мусора» 2011 (2013). Режим доступа: http://www.bloggerprotiv.ru/about-move
- 5. Костюк, Р. (2015, 1 июня). Испания уходит влево. Страна устала от старых политических партий. *Lenta.ru*. Режим доступа http://lenta.ru/articles/2015/05/29/spainlefties/
- 6. Меркель, В., Круассан, А. (2002). Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях (I). *Полис*, 1, 7–15.
- 7. Михайлова, О.В. (2014). Сетевая архитектура государственного управления: проблемы концептуализации и практики. (Докторская диссертация). Москва.
- 8. О'Донелл, Г. (1997). Делегативная демократия. *Пределы власти*, (2–3). Режим доступа http://old.russ.ru/antolog/predely/2–3/dem01.htm
- 9. Перегудов, С. П. (2014). Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия. *Полис*, 1, 45–59.
- 10. Перегудов, С. П., Семененко, И. С. (2015). Референдум о независимости Шотландии и проблемы британской государственности. *Мировая экономика и международные отношения*, 3, 64–75.
- 11. Пиратская партия (2015). *Википедия свободная энциклопедия*. Режим доступа https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0 %BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F
- 12. Программа Международной научной конференции «Сети в глобальном мире: структурные трансформации в Европе, США и России». Санкт-Петербург, 22–24 июня 2012 г. (2012). Режим доступа http://cp-rapn.ru/system/files/NGW_Full_RUS.pdf
- 13. Прохоренко, И. Л. (2010). Территориальные сообщества в политическом пространстве современной Испании. Москва: ИМЭМО РАН.
- 14. Сайт компании «Witology» (2015). Режим доступа: http://witology.com
- 15. Сайт компании AHConferences (2015). Режим доступа: http://www.ahconferences.com
- 16. 16. Участники краудсорсинг-проекта «Новые пути развития» сформулировали условия реализации образов будущего Зеленограда (2012, 5 декабря). *Zelao.ru*. Режим доступа: http://www.zelao.ru/13/48/11826-uchastniki-kraudsorsing-proekta-novyie-putirazvitiya-sformulirovali-usloviya-realizatsii-obrazov-buduschego-zelenograda.
- 17. Федякина, А. (2015, 2 ноября). Глава МИД Испании назвал ситуацию в Каталонии мятежом. *Российская газета*. Режим доступа http://www.rg.ru/2015/11/02/ispania-site-anons.html

- 18. Хенкин, С. М. (2014). Испания в тисках системного кризиса. *Глобальный мир: к новым моделям национального и регионального развития*. Монография: в 2 т. Т. 2. Москва: ИМЭМО РАН.
- 19. Чистобродов, И. Г. (2015). Гетерархическая форма государственного управления избирательным процессов в Российской Федерации. Режим доступа: http://alrf.msk.ru/journal/publikacii/chistoborodov-ig-geterarhicheskaja-forma-gosudartsvennogo
- 20. Шакирова, Э. В. (2013). Концепт гибридного политического режима в современной политологии как аналитическая рамка анализа российской политики. Исторические, философские, политологические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики, 32 (6–2), 203–210.
- 21. Шнель, С. Н. (2013). Новая волна: многообразие авторитаризма в отражении современной политической науки. *PolitBook*, 4, 126–127.
- 22. Шпунт, Я. (2013, январь). Краудсорсинг в управлении городом. *Intelligent Enterprise*, 1 (247). Режим доступа: http://www.iemag.ru/projects/detail.php? ID=27814
- 23. Шульман, Е. (2015, 27 октября). Авторитарные режимы: мутанты, бастарды, гибриды... *Стрічка.ком*. Режим доступа http://strichka.com/article/36215844
- 24. Beck, U. (2007). Risk Society Revisired: Theory, Politics and Research Programmes. In B. Adam; U. Beck & J. Van Loon (Eds.) *The Risk Society and Beyound: Critical Issues for Social Theory* (pp. 211–230). London: Sage Publications.
- 25. Hedlund, C.A (1994). Model of Knowledge Management and the N-Form Corporation. Strategic *Management Journal*, 15, 73–90.
- 26. McCulloch, W. S. (1965). A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets. In W. S. McCulloch *Embodiments of Mind* (pp. 40–44). Cambridge: MIT Press.
- 27. McDonell, D. (2013, March 13) Too Much Too Young for Italy's Five-Star Movement? *The Conversation*. Retrieved from http://theconversation.com/too-much-too-young-for-italys-five-star-movement-12491
- 28. O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.

Статья поступила в редакцию 12.09.2015.

HYBRID POLITICAL INSTITUTIONS: REVISITING THE ISSUE OF TYPOLOGIZATION

Morozova E. V., Miroshnichenko I. V., Ryabchenko N. A.

Morozova Elena Vasilyvna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: morozova_e@inbox.ru.

Miroshnichenko Inna Valeryevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: mirinna78@mail.ru

Ryabchenko Natalya Anatolyevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: rrrnatali@mail.ru.

The article is written within the research and development under the statement of the public work No 2014/75 in the sphere of scientific research within the framework of the basic

part of the state statement of work of the RF Ministry of education and science titled "Hybrid Subjects of Public Policy: Strategies and Technologies of Interaction with the state in the Context of a new Information Reality" (2014–2016), (inner code No 14/54T).

In the authors' opinion the wide spread occurrence of political institutions and their various qualitative characteristics make the issue of the political hybrids typologization urgent. During the hybridization the institutions not only reproduce the basic features of the "parental institutions", but also acquire new characteristics. Integration and analysis of the empiric material enabled to see how different the initial parts united in the hybrids are. The article substantiates four types of hybrid political institutions. The first of them is characterized by uniting features of institutions belonging to two or more different ideal and typical models; the authors place hybrid states and political regimes here. The second type hybrids combine features of a certain political institution de jure and of another political or social institution de facto, they are presented in the article by antiestablishment parties. The third and forth types relate to the formation of a new political reality — network public policy, which is an uncompleted project of nonlinear development. The third type is the hybridity, caused by institutionalization of new actors of public policy in online and offline spaces. The forth type is based on the functional integration of different organizational forms. Heterarchies are an integration of hierarchy and network structures. The list of the hybrid political institutions considered by the authors is not complete. The scientific understanding of the modern political institutions hybridity faces two main problems: search of an adequate methodology enclosing all the empiric measurements of "hybridity" in modern political reality, and estimation of the role of political institutions hybridization in the transformation of political systems and space of the public policy. Whether the hybridity has become a stable and long-term model of development of the modern political institutions is still an open question.

Key words: hybridity, hybrid political institutions, atypicality in politics, hybrid states, hybrid regimes, hybrid parties, social networks, heterarchies.

References

- 1. Beck, U. (2007). Risk Society Revisired: Theory, Politics and Research Programmes. In B. Adam; U. Beck & J. Van Loon (Eds.) *The Risk Society and Beyound: Critical Issues for Social Theory* (pp. 211–230). London: Sage Publications.
- 2. Busygina, I. M. (2013). Kak rossiyskiy politicheskiy rezhim dokazyvaet svoyu privlekatel'nost' [As the Russian Political Regime Proves the Appeal]. *Otechestvennye zapiski* [Fatherland Notes], 57 (6). Retrieved from http://www.strana-oz.ru/2013/6/kakrossiyskiy-politicheskiy-rezhim-dokazyvaet-svoyu-privlekatelnost
- 3. Chistobrodov, I. G. (2015). *Geterarkhicheskaya forma gosudarstvennogo upravleniya izbiratel'nym protsessov v Rossiyskoy Federatsii* [The Geterarchical Form of Public Administration Selective Processes in the Russian Federation]. Retrieved from: http://alrf. msk.ru/journal/publikacii/chistoborodov-ig-geterarhicheskaja-forma-gosudartsvennogo
- 4. Fedyakina, A. (2015, November 2). Glava MID Ispanii nazval situatsiyu v Katalonii myatezhom [The Foreign Minister of Spain Called a Situation in Catalonia Mutiny]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Retrieved from http://www.rg.ru/2015/11/02/ispania-site-anons.html
- 5. Grinman, R. (2011). Interv'yu s politicheskim rukovoditelem Piratskoy partii Germanii M. Vaysband [Interview to the Political Leader of the Pirate Party of Germany M. Vaysband]. *Partner*, 11 (170). Retrieved from http://www.partner-inform. de/index.php/partner/detail/2011/11/170/5160

- 6. Hedlund, C.A (1994). Model of Knowledge Management and the N-Form Corporation. *Strategic Management Journal*, 15, 73–90.
- 7. Istoriya aktsii "Bloger protiv musora" 2011 [History of the Stock "The Blogger Against Garbage" 2011] (2013). Retrieved from: http://www.bloggerprotiv.ru/about-move
- 8. Khenkin, S. M. (2014). Ispaniya v tiskakh sistemnogo krizisa. Global'nyy mir: k novym modelyam natsional'nogo i regional'nogo razvitiya [Spain in a Vice of System Crisis. Global World: to New Models of National and Regional Development]. Monograph: In 2 Vol. Vol. 2. Moscow: IMEMO RAN.
- 9. Kostyuk, R. (2015, June 1). *Ispaniya ukhodit vlevo. Strana ustala ot starykh politicheskikh partiy* [Spain Leaves to the Left. The Country Was Tired of Old Political Parties]. Lenta. ru. Retrieved from http://lenta.ru/articles/2015/05/29/spainlefties/
- 10. McCulloch, W. S. (1965). A Heterarchy of Values Determined by the Topology of Nervous Nets. In W. S. McCulloch *Embodiments of Mind* (pp. 40–44). Cambridge: MIT Press.
- 11. McDonell, D. (2013, March 13) Too Much Too Young for Italy's Five-Star Movement? *The Conversation*. Retrieved from http://theconversation.com/too-much-too-young-for-italys-five-star-movement-12491
- 12. Merkel', V., Kruassan, A. (2002). Formal'nye i neformal'nye instituty v defektnykh demokratiyakh (I) [Formal and Informal Institutes in Defective Democracies (I)]. *Polis*, 1, 7–15.
- 13. Mikhaylova, O. V. (2014). *Setevaya arkhitektura gosudarstvennogo upravleniya: problemy kontseptualizatsii i praktiki* [Network Architecture of Public Administration: Problems of Conceptualization and Practice]. (Doctoral dissertation). Moscow.
- 14. O'Donell, G. (1997). Delegativnaya demokratiya. *Predely vlasti* [Delegative Democracy. Limits of the Power], (2–3). Retrieved from http://old.russ.ru/antolog/predely/2–3/dem01. htm
- 15. O'Donnell, G., Schmitter, P. (1986). *Transitions from Authoritarian Rule. Tentative Conclusions about Uncertain Democracies*. Baltimore, London: The Johns Hopkins University Press.
- 16. Peregudov, S. P. (2014). Partii i gruppy interesov: k novoy modeli vzaimodeystviya [Parties and Groups of Interests: to New Model of Interaction]. *Polis*, 1, 45–59.
- 17. Peregudov, S. P., Semenenko, I. S. (2015). Referendum o nezavisimosti Shotlandii i problemy britanskoy gosudarstvennosti [Referendum on Independence of Scotland and Problem of the British Statehood]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 3, 64–75.
- 18. Piratskaya partiya [Pirate Party] (2015). Vikipediya svobodnaya entsiklopediya [Wikipedia the Free Encyclopedia] Retrieved from https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0 %9F%D0%B8%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D 0%B0%D1%80%D1%82%D0%B8%D1%8F
- 19. Programma Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Seti v global'nom mire: strukturnye transformatsii v Evrope, SShA i Rossii" [The Program of the International Scientific Conference "Networks in the Global World: Structural Transformations in Europe, the USA and Russia"]. Sankt-Peterburg, 2012. June 22–24, (2012). Retrieved from http://cp-rapn.ru/system/files/NGW Full RUS.pdf

- 20. Prokhorenko, I. L. (2010). *Territorial'nye soobshchestva v politicheskom prostranstve sovre-mennoy Ispanii* [Territorial Communities in Political Space of Modern Spain]. Moscow: IMEMO RAN.
- 21. Sayt kompanii "Witology" [Site of the Witology] (2015). Retrieved from: http://witology.
- 22. Sayt kompanii AHConferences [Site of the AHConferences] (2015). Retrieved from: http://www.ahconferences.com
- 23. Shakirova, E. V. (2013). Kontsept gibridnogo politicheskogo rezhima v sovremennoy politologii kak analiticheskaya ramka analiza rossiyskoy politiki [A Concept of a Hybrid Political Regime in Modern Political Science as an Analytical Frame of the Analysis of the Russian Policy]. *Istoricheskie, filosofskie, politologicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Politological and Jurisprudence, Cultural Science and Art Criticism. Questions of the Theory and Practice], 32 (6–2), 203–210.
- 24. Shnel', S. N. (2013). Novaya volna: mnogoobrazie avtoritarizma v otrazhenii sovremennoy politicheskoy nauki [New Wave: Variety of Authoritarianism in Reflection of Modern Political Science]. *PolitBook*, 4, 126–127.
- 25. Shpunt, Ya. (2013, January). Kraudsorsing v upravlenii gorodom [Crowdsourcing in Management of the City]. *Intelligent Enterprise*, 1 (247). Retrieved from: http://www.iemag.ru/projects/detail.php? ID=27814
- 26. Shul'man, E. (2015, October 27). Avtoritarnye rezhimy: mutanty, bastardy, gibridy... [Authoritarian Regimes: Mutants, Bastarda, Hybrids...] *Strichka.kom*. Retrieved from http://strichka.com/article/36215844
- 27. Uchastniki kraudsorsing-proekta "Novye puti razvitiya" sformulirovali usloviya realizatsii obrazov budushchego Zelenograda [Participants Crowdsourcing Project "New Ways of Development" Formulated Conditions of Realization of Images of the Future of Zelenograd] (2012, December 5). *Zelao.ru*. Retrieved from: http://www.zelao.ru/13/48/11826-uchastniki-kraudsorsing-proekta-novyie-puti-razvitiya-sformulirovali-usloviya-realizatsii-obrazov-buduschego-zelenograda.
- 28. Verevkin, A. I. (2012). Setevye formy elektoral'nogo protesta v sovremennoy Rossii [Network Forms of an Electoral Protest in Modern Russia]. In E. V. Morozova, L. V. Smorgunov (Eds.) Setevye resursy i praktiki v publichnoy politike: materialy Vseros. konf. molodykh politologov [Network Resources and Practicians in Public Policy: Materials of All-Russian Conference of Young Political Scientists] (pp. 37–42). Krasnodar: Prosveshchenie-Yug.

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЕ: ИНСТИТУТЫ И ИНСТРУМЕНТЫ

Шлапеко Е.А.

Шлапеко Екатерина Андреевна, Институт экономики Карельского научного центра РАН, 185030, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, д. 50. Эл. почта: shlapeko_kate@mail.ru.

Трансграничное сотрудничество в Северной Европе характеризуется высоким уровнем институционализации, сложившейся благодаря развитию интеграционных процессов. В рассматриваемом регионе действует сеть организаций, которые выступают структурами поддержки сотрудничества, предоставляют финансовую помощь в реализации совместных инициатив, при этом придерживаются определенных ценностных ориентаций. В работе представлены инструменты и тенденции развития трансграничного сотрудничества российских и европейских регионов, направленные на конструирование региональной идентичности.

Европейский Союз и страны Северной Европы предоставляют различные возможности для развития прилегающих территорий, тем самым вовлекая российские регионы в международное сотрудничество. Автором выделено три этапа интеграции России и ЕС, связанных с действием программ межрегионального сотрудничества. Анализ программ показал их направленность на стимулирование преобразований в России по европейским моделям и стандартам. Проектный механизм международного сотрудничества успешно реализуется на европейском пространстве. Участие в проектной деятельности предоставляет территории конкурентное преимущество через возможность продвигать местные инициативы, использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования.

Включение России в региональные партнерства придало особое значение процессу регионализации на Севере Европы. В повестку дня вошли вопросы экологии, культуры и пространственного планирования, что отражает приоритеты североевропейского регионального развития и их влияние на систему трансграничного сотрудничества в целом. Поступательное развитие сотрудничества в регионе приводит к консолидации локальных сообществ, а формы трансграничного сотрудничества эволюционируют от побратимства к новым институциональным образованиям.

Ключевые слова: региональная идентичность, трансграничное сотрудничество, интеграция, Северная Европа, ЕС, Россия.

Процессы европейской интеграции влияют на практику взаимодействия с регионами на внешних границах. Европейский Союз и страны Северной Европы заинтересованы в сохранении стабильности по периметру границ, поэтому предоставляют различные возможности для развития прилегающих территорий, тем самым вовлекая российские регионы в международное сотрудничество. Так, модели регионостроительства в Северной Европе базируются на констру-

ировании общей системы ценностей и лояльностей, основанием для которых являются традиции взаимоотношений народов. Термин «nordisk» (северный) впервые был озвучен на конференции в Копенгагене в 1939 г. лидерами странучастниц (Дании, Норвегии, Швеции, Финляндии и Исландии) «для демонстрации единства стран перед началом войны» (Hilson, 2008). В 1954 г. появились общие правила свободного перемещения людей и трудовых ресурсов, единые паспортные правила. С подписанием Хельсинкского договора были закреплены ключевые параметры «североевропейской идентичности», от которых страны не отступают и сейчас: социальное государство, высокие экологические нормы, гендерное равенство, развитие гражданских институтов и др. (Helsinki treaty, 1962)

В современной трактовке к Северной Европе (концепция «Новый Север») относят страны Скандинавии, прибалтийские государства, Северо-Западный федеральный округ Российской Федерации, а также Германию и Польшу (Маркушина, 2011), что во многом объясняется присоединением стран региона к ЕС и созданием организаций субрегиональной интеграции в начале 1990-х гг. В связи с этим регионализацию в Северной Европе следует рассматривать в широком контексте как результат развития скандинавского межрегионального сотрудничества («скандинавские группы»), так и европеизации Северной Европы (с момента вступления Финляндии и Швеции в Европейский Союз).

Страны Северной Европы сталкиваются со схожими проблемами — суровые климатические условия, низкая плотность и старение населения, периферийное положение на евразийском континенте и удаленность промышленных центров друг от друга. Общей тенденций для этих стран является увеличение роли местного самоуправления по принципу: то, что можно решить на местном уровне, должно решаться на местах, поэтому региональное сотрудничество «сверху», как межгосударственная и межправительственная политика дополняется партнерскими отношениями со стороны органов местного самоуправления (побратимские связи) и гражданского общества (народная дипломатия). С 1967 г. в рамках Хельсинского договора стали появляться межрегиональные объединения — «скандинавские группы» (Perkmann, 2002) с целью повышения конкурентоспособности, обеспечения устойчивого экономического роста при сближении показателей социально-экономического развития регионов, что напрямую соотносится с задачами региональной политики ЕС. На сегодняшний день 13 «скандинавских групп» иллюстрируют концепцию северной совокупной выгоды (Nordic value added), когда «сотрудничество приобретает смысл там, где совместные усилия имеют более позитивный эффект, чем отдельные национальные инициативы» (Nordregio report, 2007) и дополняется развитием северной солидарности и увеличением потенциала стран Северной Европы (NordForsk Policy Briefs, 2011). Таким образом, региональная политика международного сотрудничества в этих странах построена на принципе «децентрализованного сотрудничества», предоставляющем регионам и городам право заключать соглашения о побратимских связях с регионами других государств или определять формы совместной работы

в областях, представляющих взаимный интерес. К приоритетам регионального роста, зафиксированным в «Программе северного сотрудничества по региональной политике 2013—2016 гг.», относят благосостояние региона, сбалансированное развитие Арктики, экологическую устойчивость, направленную на инновации и городское развитие. Именно эти направления представляют наибольший интерес и для сотрудничества с сопредельными территориями.

В 1996 г. Совет министров северных стран (СМСС) включил Северо-Западные регионы РФ и Прибалтику в зону своих интересов, официально закрепив отношения с сопредельными территориями в качестве одного из направлений своей деятельности. Финансовые средства программ СМСС выделялись не только на обмен опытом, но и на инвестиционные проекты через такие финансовые институты как Северная экологическая финансовая корпорация (НЕФКО) или Северный инвестиционный банк. По ряду программ организация оставляла за собой право влиять на содержание проектов, изменять их бюджет и рекомендовать партнеров. В настоящее время Информационные бюро СМСС, которые обеспечивали реализацию проектов, продвигали культуру и ценности северных стран на территории РФ, закрыты (СМСС признан «иностранным агентом» в 2014 г.), а деятельность организации приостановлена.

Региональной интеграции способствует и процесс европеизации, который подразумевает адаптацию европейских норм, решений, ценностей через создание сетей сотрудничества между национальными и субнациональными акторами. Она распространяется за рамки ЕС, например, посредством межтерриториального сотрудничества. Интеграционные процессы, происходящие в Северной Европе и на уровне ЕС, относятся к международным структурным возможностям для становления внутригосударственных регионов Российской Федерации в качестве участников трансграничного сотрудничества (Шлапеко, 2012). Условно процесс интеграции России в ЕС можно подразделить на три этапа, связанных с действием программ межрегионального сотрудничества, а также внутренними изменениями в России и ЕС: 1 этап (1990–2006 гг.) — Техническая помощь Содружеству Независимых Государств (ТАСИС), 2 этап (2007–2013 гг.) — Европейский инструмент соседства и партнерства (ЕИСП), третий этап (2015–2020 гг.) — Европейский инструмент соседства (ЕИСП).

На первом этапе основное внимание уделялось консультационно-техническому содействию, передаче технологий и обучению кадров, а финансирование инвестиционных проектов не предусматривалось. Программы ТАСИС критиковались по ряду причин:

- 1. ТАСИС не создавало потенциала для устойчивого развития и сокращения уровня бедности населения в странах-получателях помощи.
- 2. Техническое содействие не учитывало особенностей национальной культуры, образовательного уровня и профессиональной подготовки населения в странах-получателях помощи.

- 3. Почти все средства в рамках программы шли на неправомерно высокую оплату экспертных услуг иностранных специалистов.
- 4. Большая часть проектов была ориентирована на интересы доноров, которые играли ведущую роль при определении потребностей страны-получателя (Пашковская, 2007).

В Стратегическом документе для России на период 2002–2006 гг. была поставлена задача оказания помощи России в проведении институциональных реформ законодательной и судебной системы и системы государственного управления, а также социально-экономических реформ и реформы научного потенциала в военной сфере. Следовательно, программа отражает деятельность ЕС по стимулированию преобразований в России на основе европейских моделей и стандартов. С окончанием программы проявилась ярко выраженная позиция России, которая перестала выступать реципиентом европейской помощи, а стала участвовать на паритетных началах в определении наиболее приемлемых для страны форм сотрудничества.

Одновременно происходил процесс концептуализации идеи «Северного измерения». Понятие «измерение» вошло в оборот в контексте общеевропейского процесса СБСЕ/ОБСЕ в конце 80-х гг., а термин «Northern Dimension» подразумевал северные ценности — общественное благосостояние, равенство, открытость и жесткое экологическое регулирование (Воронов, 2003). Политические проекты «измерений» и «инициатив» представляют пример подхода конструирования региона «снизу вверх» (Нойманн, 2004). К началу 2000-х гг. на границе ЕС-России стали оформляться еврорегионы («Неман», «Балтика», «Сауле», «Карелия»). Подобные институты обладают правосубъектностью и легитимностью в глазах других участников международного взаимодействия, а формирование в регионе ценностного единства, прочных коммуникационных связей, снижения экономических диспропорций способствует созданию и укреплению международного порядка и безопасности. Кроме того, большинство еврорегионов — это функциональные регионы, составные части которых изначально не обязательно были сходны друг с другом, а их создание предполагает «достижение взаимодополняемости территориальных компонентов через интеграцию» (Яровой, 2007). В случае удачной реализации эти модели могут образовать пространство для создания «множественных идентичностей», способствующих преодолению местного контекста и снижению конфликтогенности» (Буданова, 2007).

Одним из ключевых понятий концепции развития «Северное измерение» является «позитивная взаимозависимость». Так, в решении Совета ЕС от 31 мая 1999 г. подчеркивалось, что «Северное измерение» может способствовать укреплению позитивной взаимозависимости ЕС, России и других государств Балтийского моря [...] и тем самым обеспечить безопасность, стабильность и устойчивое развитие Северной Европы». Руководствуясь подходом конструктивистов, необходима готовность учитывать не только собственные интересы, но и интересы

партнеров всего региона. Фактически странам Северной Европы предлагалось передать хорошо отработанную и проверенную временем схему взаимодействия, которая направлена не столько на стимулирование добычи и экспорта сырья, но и на комплексное развитие Севера и Северо-Запада России (Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом, 1999).

В рамках «Северного измерения» действуют 4 партнерства: по окружающей среде, здравоохранению и социальному благополучию, транспорту и логистике, культуре. Экологическое партнерство является одним из действенных многосторонних механизмов сотрудничества, что объясняется прочной финансовой базой и определением менеджеров проектов — Европейский банк реконструкции и развития, Северный и Европейский инвестиционные банки, НЕФКО и Всемирный банк. Под угрозой реализация Партнерство по культуре, финансовые средства которого поступали через программы СМСС. На сегодняшний день политика «Северного измерения» нуждается в реформах. Неслучайно появление «Института Северного Измерения» как академического консорциума, который не только ищет пути обновления политики, но и может в будущем стать своеобразной институциональной памятью северного сотрудничества.

На втором этапе интеграции вопросы сотрудничества на внешних границах ЕС получили название Европейского Инструмента Соседства и Партнерства (ЕИСП). Финансирование программ приграничного сотрудничества ЕИСП осуществлялось частично из средств структурных фондов, частично из бюджета по внешним связям. Цель программ отвечала логике регионостроительства: создание регионов с общими ценностями, достижение стабильности и процветания, активизация сотрудничества и углубление экономической и региональной интеграции по широкому спектру направлений. Согласно нормативному акту ЕИСП «помощь сообщества будет способствовать укреплению сотрудничества и прогрессивной экономической интеграции между Европейским Союзом и странами-партнерами «...» и должна также поощрять усилия стран-партнеров, направленные на поддержку надлежащего управления и справедливого социального и экономического развития». Главное отличие данной программы в том, что Россия стала вносить софинансирование (10%), а российские представители участвуют в определении приоритетов и тем заявочных раундов, результатов конкурсного отбора, в том числе проектов с инвестиционной составляющей. На территории РФ было осуществлено 5 программ приграничного сотрудничества: «Коларктик», «Карелия», «Юго-Восточная Финляндия — Россия», «Польша — Литва — Россия», «Эстония — Латвия — Россия». Анализ проектной деятельности по названным программам выявляет тенденцию усиления роли гражданского общества и приграничных муниципальных образований. В то же время привлечение бизнес структур к реализации проектов в дальнейшем позволит интегрировать всех участников регионального развития (власть-обществобизнес), внедрять передовые технологии и модернизировать инфраструктуру.

На период 2014–2020 гг. с участием российских регионов приняты 2 трансграничных программы («Регион Балтийского моря» и «Северная периферия и Арктика») и 7 двусторонних программ приграничного сотрудничества в соответствии со стратегическими целями программного документа Европейского инструмента соседства: содействие экономическому и социальному развитию в регионах по обе стороны границы; решение общих проблем в сфере окружающей среды, здоровья, благополучия и безопасности; создание лучших условий и поддержка мероприятий по обеспечению мобильности физических лиц, товаров и капитала. Замена на двусторонние программы связана с тем, что партнеры многосторонних программ испытывали сложности с коммуникацией, согласованием сроков проведения работ, что сказывалось на получении траншей и завершении проектов. Каждый программный регион на основании потребностей выбирает 4 тематические цели. Традиционна для всех регионов тематика развития среднего и малого предпринимательства, которая с падением товарооборота и введением санкций становится еще более актуальной для поддержки делового развития и сотрудничества на приграничных территориях.

Появление Совета государств Балтийского моря (СГБМ, 1992), Совета Баренцев Евро-Арктического региона (СБЕР, 1993), Арктического Совета (АС, 1996) и включение России в региональные партнерства являются ключевыми звеньями исторического процесса регионализации на Севере Европы. Названные организации выступают структурами поддержки трансграничного сотрудничества и предоставляют финансовую помощь в реализации международных проектов.

СГБМ возник в период масштабных геополитических трансформаций в форме дискуссионной площадки для преодоления наследия «холодной войны» и идеологических разделительных линий. Тема региональной идентичности является долгосрочным приоритетом СГБМ, на реализацию которого направлены Программа региона Балтийского моря и Стратегии ЕС для региона Балтийского моря. Впервые в истории объединения Европы для ее отдельного географического района был введен официальный статус «макрорегион» и поставлена задача синхронизации национальных экономических курсов. Однако процессы регионализации государств могут быть связаны не только с экономическими и политическими претензиями властей, но с «культурной самоидентификацией народов, сохранением традиций на данной территории» (Андрюшина, 2007). Внутри транснационального региона существует сложившаяся система культурных кодов (социальная деятельность, модели поведения, традиции, обычаи, религиозные верования и др.), которые типичны и знакомы членам регионального сообщества и могут быть непонятны другим. Формирование региональной идентичности — одна из основ «нового регионализма» и наивысшая степень региональной интеграции по шкале, разработанной Хеттне (Hettne, 1999). Внешняя среда предопределяет ролевые идентичности, так на границе с Европой возникают зоны коммуникации, а восточный и южный приграничные регионы выполняют

защитную, часто и барьерную функцию (Макарычев, 2010). Важную роль играет и уровень взаимозависимости: чем он выше и длительнее история сотрудничества в регионе, тем более позитивной должна становиться транснациональная идентичность. Принятие санкций в отношении России повлияло на изменение вектора внешней политики и усилило внимание к восточной части евразийской интеграции. Такая тенденция может привести к ослаблению сети установленных контактов на европейском севере, но в целом в силу сложившихся традиций сотрудничества, не повлечет ее разрушения.

Несмотря на принцип ротации, сохраняется преемственность в работе СГБМ и усиливается проектная работа с целью создания реальной «добавленной стоимости» для жителей региона (Интервью С.С. Петровича, 2013). В период председательства России были созданы 2 механизма поддержки проектов — Фонд проектного финансирования (около 1 млн. евро) и Пилотная финансовая инициатива (около 100 млн. евро). Первый финансовый инструмент выделяет стартовый капитал на общерегиональные проекты с участием минимум трех стран. В рамках второй инициативы СГБМ впервые получает открытую платформу для привлечения партнеров и средств на реализацию программ в сферах инновационного малого и среднего предпринимательства, государственночастного партнерства в области устойчивого развития муниципальной и региональной инфраструктуры, энергоэффективности, охраны окружающей среды и комплексного развития территорий.

СБЕР выдвинул альтернативную Балтийскому сотрудничеству концепцию регионального строительства, основу которого составило формирование транснациональной северной идентичности (Northernness). Работа над конструированием северной идентичности начиналась с «низов», так появился «региональный» уровень — Баренцев региональный совет, в который входят Финнмарк, Нордланд и Тромс (Норвегия) Норрботтен и Вестерботтен (Швеция), Республики Карелия и Коми, Мурманская и Архангельская области, Ненецкий автономный округ (Россия), региональные союзы Кайнуу, Лапландия и Северная Остерботния (Финляндия). Отличительной особенностью Баренц — сотрудничества является наличие программ развития, в составлении которых принимают непосредственное участие представители регионов. В 2013 г. произошло подписание Киркенесской декларации, в которой в отличие от подписанной в 1993 г., на первое место выходит экономика (ранее — вопросы окружающей среды). Текущая Баренц-программа на период 2014-2018 определяет следующие направления сотрудничества: продвижение креативного бизнеса и быстрорастущих предприятий в регионе; расширение трансграничного сотрудничества с целью повышения эффективности при возрастании масштабов производства и качества жизни населения; поддержка совместного управления и сохранения природных ресурсов; внедрение мер адаптации к климатическим изменениям; повышение значения сотрудничества в сфере инноваций и научных исследований путем увеличения критической массы; концентрация внимания на недостающих трансграничных связях в транспортной инфраструктуре; содействие трансграничной мобильности работающих людей, компаний, туристов и студентов. Обращение к молодежи (Баренцев Региональный Молодежный Совет), как будущему БЕАР, является важным элементом конструирования идентичности региона. Баренцево сотрудничество не располагает собственными средствами финансирования деятельности, предусмотренной для достижения общих целей и приоритетов. Еще один недостаток работы СБЕР заключается в отсутствии четкого разделения между деятельностью, осуществляемой Советами на межгосударственном и межрегиональном уровнях сотрудничества.

Проектный механизм международного сотрудничества успешно реализуется на европейском пространстве. Характерной чертой проектов, поддерживаемых ЕС и региональными организациями на Севере Европы, является особое внимание к темам экологии, культуры и пространственного планирования, что отражает приоритеты североевропейского регионального развития и их влияние на систему трансграничного сотрудничества в целом. Участие в проектной деятельности предоставляет территории конкурентное преимущество через возможность продвигать местные инициативы, использовать зарубежный опыт и привлекать дополнительные источники финансирования.

Несмотря на регулярные встречи между четырьмя межправительственными региональными советами с 2009 г., региональные организации сотрудничества продолжают дублировать деятельность друг друга, поэтому высокая степень институционализации не всегда способствует проведению эффективной политики и нередко влечет за собой бюрократизацию. Неэффективная политика сторон при решении общих проблем связана и с отсутствием координации принятых стратегических и программных документов. Согласование направлений развития позволит разрабатывать совместные проекты и использовать механизмы, например, государственно-частное партнерство. Такой подход даст возможность осуществлять реализацию проектов путем их софинансирования из различных национальных и наднациональных источников (Балтийское море: от координации стратегий к процветанию макрорегиона, 2013). Все указывает на необходимость разделения обязанностей между региональными и международными структурами, согласование программ, их тематическую концентрацию, поиск каналов оперативной передачи информации и координации деятельности.

На основе сравнительного и институционального анализа приграничного и многостороннего сотрудничества Европейского Союза и региональных организаций Северной Европы с Россией установлен переход от оказания технической помощи к согласованному и интегрированному подходу к региональному развитию, отражающему североевропейские национальные интересы и приоритеты устойчивого развития (Шлапеко, 2012). Деятельность ЕС и североевропейских региональных организаций лучшим образом иллюстрируют тезис

конструктивистов о том, что международная структура занимается распределением знаний, идей и формированием норм. Сферы деятельности названных региональных организаций и программ пересекаются, но находятся в границе политики «Северного Измерения», активно поддерживаются ЕС и разделаются всеми странами-участницами.

Поступательное развитие сотрудничества в регионе приводит к консолидации локальных сообществ, а формы трансграничного сотрудничества эволюционируют от побратимства к новым институциональным образованиям. В изменяющихся геополитических условиях с целью защиты национальных интересов российским приграничным регионам необходимо способствовать распространению собственных культурных кодов, усиливать политику протекционизма при согласовании институтов и сохранять идентичность в межрегиональном взаимодействии.

Библиографический список

- 1. Андрюшина, Е. В. (2007). *Регионализация versus глобализация*. Режим доступа: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Andryushina.pdf
- 2. Ахутина, Д. В., Совершаева, Л. П. (2013). *Балтийское море: от координации стра- тегий к процветанию макрорегиона*, СПб.: Санкт-Петерб. фил. НИУ ВШЭ.
- 3. *Баренцева Программа 2014—2018*. Режим доступа: http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/Barents_Programme_2014_2018_Brochure_RUS.pdf
- 4. Буданова, И. А. (2007). Еврорегионы как акторы мировой политики / Материалы 4-го Конвента РАМИ Пространство и время в мировой политике и международных отношениях (Т. 1), 2–7.
- 5. Воронов, К. (2003). «Северное измерение»: затянувшийся дебют. *Мировая экономика* и международные отношения, 2, 76–86.
- 6. Интервью С. С. Петровича, заместителя директора Второго Европейского департамента МИД России (2013). Режим доступа: http://ambbr.artinfo.ru/article?id=123
- 7. Макарычев, А. С. (2010). Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности. *Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре*, 3, 137–150.
- 8. Маркушина, Н. Ю. (2011). «Северная модель» и политика России. *Обозреватель*, 5, 51–59.
- 9. Нойманн, И. (2004). Создание регионов: Северная Европа. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. М.: Новое издательство.
- 10. Пашковская, И. Г. (2007). Деятельность Европейского Союза в России по программе ТАСИС. Мировая экономика и международные отношения, 8, 42–51.
- 11. Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским Союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010) от 22 октября 1999. Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=INT; n=7161
- 12. Шлапеко, Е. А. (2012). Северный регионализм: истоки и развитие. Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки», 5 (110), 42–44.

- 13. Яровой, Г. О. (2006). Трансграничная региональная интеграция в Европе. Проблемы и перспективы развития «внешних» еврорегионов на примере еврорегиона «Карелия»: дис. ... канд. полит. наук. Спб.
- 14. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, Brussels, COM (2009). Retried from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/com_baltic_en.pdf
- 15. For the Policies of the European Union: Council of the European Union Document Conclusion. 7 June 1999, 9034/99. Retried from: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/doc/pres_concl_06_99.htm,
- 16. Hettne, B. (1999). *Globalization and the New Regionalism: the second great transformation*. Basingstoke: Macmillan.
- 17. *Helsinki Treaty* (1962). Retried from: http://www.norden.org/en/about-nordic-co-operation/agreements/treaties-and-agreements/basic-agreement/the-helsinki-treaty
- 18. Hilson, M. (2008). The Nordic Model. Scandinavia since 1945. Reaktion Books.
- 19. Perkmann, M. (2002). *The rise of the Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border co-operation*. Retried from: http://www.lancaster.ac.uk/sociology/research/publications/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf
- 20. *Regulation (EC) № 1638/2006 of the European Parliament and of the Council.* Retried from: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/oj_l310_en.pdf
- 21. Rethinking Nordic Added Value in Research. NordForsk Policy Briefs 3–2011. Retried from: http://www.nordforsk.org/files/policy-brief-3–2011-rethinking-nordic-added-value-in-research
- 22. Russia Country Strategy Paper 2002–2006. Retried from: http://eeas.europa.eu/russia/docs/02–06_en.pdf
- 23. *Territorial cooperation extending interaction*. Nordregio report 2007:1. Retried from: http://www.nordregio.se/filer/Files/r200701/NR2007_1_chapter_4.pdf

Статья поступила в редакцию 10.09.2015.

CONSTRUCTION OF REGIONAL IDENTITY IN NORTHERN EUROPE: INSTITUTIONS AND INSTRUMENTS

Shlapeko E.A.

Shlapeko Ekaterina Andreevna, Institute of Economics, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, 185030, Republic of Karelia, Petrozavodsk, pr. Alexander Nevsky, 50 The. E-mail: shlapeko_kate@mail.ru.

Trans-border cooperation in Northern Europe is characterized by high level of institutionalization appeared due to the integration processes. The network of organizations supports cooperation and renders financial assistance for the implementation of joint initiatives and promotes specific system of values. The work considers instruments and trends of trans-border cooperation development among Russian and European regions aimed at constructing regional identity.

The European Union and countries of Northern Europe provide various opportunities for the development of border territories, involving Russian regions into international cooperation. The author has defined 3 stages of the EU-Russian integration, connected with the implementation of interregional cooperation programs. The programs analyses identified their focus on promotion of European models and standards. Project mechanism of international cooperation has proved to be successful in Europe. Participation in projects creates competitive advantages and opportunities to promote local initiatives, use foreign experience and attract additional funding.

Inclusion of Russia into regional partnerships gives special value to the regionalization process in Northern Europe. Ecological, cultural, space planning issues formulate modern agenda and reflect priorities of Nordic regional development as well as their influence on trans-border cooperation in general. Progressive development of cooperation in the region leads to the consolidation of local communities and transformation of cooperation forms from sister-cities relations to new institutional entities.

Key words: regional identity, trans-border cooperation, integration, Northern Europe, EU, Russia.

References

- 1. Andryushina, E. V. (2007). *Regionalizatsiya versus globalizatsiya* [Regionalisation versus globalisation]. Retrieved from: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Andryushina.pdf
- 2. Ahutina, D. V., Sovershaeva, L. P. (2013). *Baltiyskoe more: ot koordinatsii strategiy k protsvetaniyu makroregiona* [Baltic Sea: from strategy coordination to macroregion welfare], SPb.: Sankt-Peterb. fil. NIU VSHE [Saint-Petersburg branch of National Research University "Higher School of Economics"].
- 3. *Barentseva Programma* [Barents Programme] 2014–2018. Retrieved from: http://www.barentsinfo.fi/beac/docs/Barents_Programme_2014_2018_Brochure_RUS.pdf
- 4. Budanova, I. A. (2007). Evroregionyi kak aktoryi mirovoy politiki [Euroregions as actors of world politics]. *Materialyi 4-go Konventa RAMI Prostranstvo i vremya v mirovoy politike i mezhdunarodnyih otnosheniyah*. (T. 1.) [Materials of 4th RISA Convention Space and time in world politics and international relations], 2–7.
- 5. Voronov, K. (2003). "Severnoe izmerenie": zatyanuvshiysya debyut [Northern dimension: long-running debut]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya* [World politics and international relations], 2, 76–86.
- 6. Intervyu S. S. Petrovicha, zamestitelya direktora Vtorogo Evropeyskogo departamenta MID Rossii [Interview of S. S. Petrovich, vice head of 2d European department of Russian Ministry for foreign relations] (2013). Retrieved from:: http://ambbr.artinfo.ru/article?id=123
- 7. Makaryichev, A. S. (2010). Regionalizm glazami konstruktivizma: agentyi, strukturyi, identichnosti [Regionalism by the eyes of constructivists: agents, structures, identities]. *Neprikosnovennyiy zapas: debatyi o politike i culture* [Reserve stocks: debates on politics and culture], 3, 137–150.
- 8. Markushina, N. Yu. (2011). "Severnaya model" i politika Rossii ["Northern model" and Russian politics]. *Obozrevatel* [Observer], 5, 51–59
- 9. Noymann, I. (2004). Sozdanie regionov: Severnaya Evropa. *Ispolzovanie "Drugogo": Obrazyi Vostoka v formirovanii evropeyskih identichnostey* [Creation of 'other' image: East image in the formation of European identities]. M.: Novoe izdatelstvo [New publishing house].

- 10. Pashkovskaya, I. G. (2007). Deyatelnost Evropeyskogo Soyuza v Rossii po programme TASIS [Activities of the European Union on the TACIS programme in Russia]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyie otnosheniya* [World economics and international relations], 8, 42–51.
- 11. Strategiya razvitiya otnosheniy Rossiyskoy Federatsii s Evropeyskim Soyuzom na srednesrochnuyu perspektivu [Strategy of relations development between the Russian Federation
 and the European Union on the midterm perspective] (2000–2010) ot 22 oktyabrya 1999
 [22 October 1999]. Retrieved from: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;
 base=INT; n=7161
- 12. Shlapeko, E. A. (2012). Severnyiy regionalizm: istoki i razvitie. *Uchenyie zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Nordic regionalism: background and development]. *Seriya "Obschestvennyie i gumanitarnyie nauki"* [Part "Public and humanitarian sciences"], 5 (110), 42–44.
- 13. Yarovoy, G. O. (2006). *Transgranichnaya regionalnaya integratsiya v Evrope. Problemyi i perspektivyi funktsionirovaniya "vneshnih" evroregionov*: dis. ... kand. polit. nauk. Spb. [Trans-border regional integration in Europe. Problems and perspectives of "external" euroregions functioning: thesis of political science candidate]
- 14. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions concerning the European Union Strategy for the Baltic Sea Region, Brussels, COM (2009). Retried from: http://ec.europa.eu/regional_policy/sources/docoffic/official/communic/baltic/com_baltic_en.pdf
- 15. For the Policies of the European Union: Council of the European Union Document Conclusion. 7 June 1999, 9034/99. Retried from: http://ec.europa.eu/comm/external_relations/north_dim/doc/pres_concl_06_99.htm,
- 16. Hettne, B. (1999). *Globalization and the New Regionalism: the second great transformation*. Basingstoke: Macmillan.
- 17. *Helsinki Treaty*. (1962). Retried from: http://www.norden.org/en/about-nordic-co-operation/agreements/treaties-and-agreements/basic-agreement/the-helsinki-treaty
- 18. Hilson, M. (2008). The Nordic Model. Scandinavia since 1945. Reaktion Books.
- 19. Perkmann, M. (2002). *The rise of the Euroregion. A bird's eye perspective on European cross-border co-operation*. Retried from: http://www.lancaster.ac.uk/sociology/research/publications/papers/perkmann-rise-of-euroregion.pdf
- 20. Regulation (EC) № 1638/2006 of the European Parliament and of the Council. Retried from: http://ec.europa.eu/world/enp/pdf/oj_l310_en.pdf
- 21. Rethinking Nordic Added Value in Research. NordForsk Policy Briefs 3–2011. Retried from: http://www.nordforsk.org/files/policy-brief-3–2011-rethinking-nordic-added-value-in-research
- 22. *Russia Country Strategy Paper 2002–2006*. Retried from: http://eeas.europa.eu/russia/docs/02–06_en.pdf
- 23. *Territorial cooperation extending interaction*. Nordregio report 2007:1. Retried from: http://www.nordregio.se/filer/Files/r200701/NR2007 1 chapter 4.pdf

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КАМПАНИЙ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВЫХ ВЫБОРОВ: ОПЫТ ИНДИИ 1

Мармилова Е.П.

Мармилова Екатерина Петровна, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20a. Эл. почта: katyamme@mail.ru

В статье рассматривается проблема влияния государственного финансирования выборов на избирательный процесс на примере Индии, в рамках формирования новой концепции государственного управления в сфере государственного финансирования выборов. Финансы в политике — это не просто теоретические дебаты, но и фактическая проблема, от которой страдает избирательный процесс в Индии.

Цель данной статьи: рассмотреть проблему влияния государственного финансирования на избирательный процесс на примере Индии. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить проблемы финансирования избирательного процесса в Индии; 2) рассмотреть законы, регулирующие государственные расходы на выборах; 3) обозначить возможные изменения и тенденции изменений законодательных основ финансирования избирательных кампаний в Индии. В статье применяются сравнительно-правовой, системный, историко-правовой методы научного исследования.

Неоспорим факт, что финансовое превосходство означает и избирательное преимущество, поэтому богатые кандидаты и партии имеют больше шансов на положительный исход в выборах. Автор приходит к выводу, что в настоящее время в Индии рассматривается вопрос о введении государственного финансирования избирательных кампаний как способа обеспечения справедливых выборов. Осуществлять полное государственное финансирование выборов в стране не представляется возможным из-за сложных экономических условий. Именно субсидия является лучшим способом проведения справедливых и демократических выборов и повышения уровня доверия населения к избирательному процессу.

Ключевые слова: избирательный процесс, реформа избирательной системы, государственное финансирование выборов.

Вопросы финансирования политики и избирательных кампаний имеют первостепенное значение для современного этапа государственного регулирования политического процесса. Развитие законодательства о финансировании

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 15-03-00153 «Государственная политика и управление в сфере избирательного процесса: концептуализация научного направления».

политической деятельности происходит одновременно с развитием правовых норм, регулирующих избирательный процесс и политические партии, и интенсифицируется со второй половины XX в. Оптимизация государственного финансирования избирательных кампаний может быть рассмотрена как один из способов обеспечения справедливых и демократических выборов (Мармилова, 2014). При этом различные страны создают особые подходы к решению этой задачи и оригинальные формы государственного финансирования избирательных кампаний (Морозова, 2013).

Многие государства идут в решении подобных проблем опытным путем, опережая теоретические работы по этому вопросу. Ведущие политологи отмечают важность государственного финансирования избирательных кампаний как института, способствующего справедливому проведению выборов. В частности, в 2008 г. шотландский исследователь С. Берч назвала государственное финансирование политических партий и избирательного процесса в качестве одного из трех основных факторов, способствующих демократическому проведению выборов (Birch, 2008). Тем не менее на практике страны развивают это направление, опираясь не на теоретические разработки ученых, но на собственный практический опыт. Проблемами исследования путей реформирования избирательной системы в Индии занимаются известные отечественные и зарубежные ученые: Р. П. Бхалла (Bhalla,1973), Р. К. Бхардвай (Bhardwaj, 1980), К. Кант (Kant, 1975), Наранг (Narang,1985), Н. Б. Шлыкова (Шлыкова. 2010), Б. А. Страшун (Страшун, 2010). Однако решение проблемы влияния государственного финансирования на избирательный процесс в Индии на современном этапе остается неопределенным.

Институт равного государственного финансирования политических партий и их предвыборной активности впервые возник в 1950-е гг. в Латинской Америке. Среди других стран, представивших оригинальные механизмы государственного финансирования избирательных кампаний, особое место занимает опыт Индии.

Цель данной статьи: рассмотреть проблему влияния государственного финансирования на избирательный процесс на примере Индии.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) выявить проблемы финансирования избирательного процесса в Индии; 2) рассмотреть законы, регулирующие государственные расходы на выборах; 3) обозначить возможные изменения и тенденции изменений законодательных основ финансирования избирательных кампаний в Индии.

В статье применяются сравнительно-правовой, системный, историко-правовой методы научного исследования.

В 1978 г. Верховный суд Индии подтвердил значение демократии и чистоты избирательного процесса. Справедливый и беспристрастный избирательный

процесс с широким участием граждан провозглашен основополагающим для защиты ценностей демократии. Поддержание чистоты избирательного процесса, однако, требует многостороннего подхода, который должен включать в себя удаление влияния финансов в индийской политике, введение внутренней демократии и финансовой прозрачности в функционировании политических партий, укрепление роли избирательной комиссии Индии, регулирование опросов населения и равное представительство кандидатов в СМИ в рамках предвыборных кампаний.

К сожалению, это лишь некоторые из проблемных вопросов, которые существуют в индийском государстве. Индийская избирательная система критикуется в течение десятилетий, и такая ситуация подрывает доверие к выборам многих людей в стране.

В связи с этим ряд комитетов правительства Индии изучили некоторые из основных проблем и вопросов, влияющих на избирательную систему в стране, и предложили рекомендации по устранению накопившихся проблем. Данные рекомендации были даны в 170-м отчете «О реформе избирательного права». В нем были представлены основные работы государственных органов по вопросам избирательного права: 1) комитета по избирательным реформам (1990), 2) избирательной комиссии Индии (1999); 3) комитета по вопросам государственного финансирования выборов (1998). В 2008 г. работу продолжила вторая комиссия по административным реформам. К сожалению, их рекомендации об обеспечении свободных и справедливых выборов, необходимые для повышения качества демократии, уменьшения влияния средств массовой информации и финансов в политике, не были соблюдены.

В январе 2013 г. министерство юстиции и правительство Индии попросили правовую комиссию в двадцатый раз рассмотреть вопрос о качественной избирательной реформе и в полном объеме предложить комплекс мер по внесению изменений в государственное законодательство. Комиссия под руководством бывшего судьи Верховного суда в отставке Джейна Д. К. (Jain D. К.) подготовила документ по этому вопросу.

В данном документе были перечислены восемь основных вопросов для рассмотрения, в том числе: 1) декриминализация политики; 2) усиление статей, касающихся периода дисквалификации кандидатов; 3) ответственность за ложные показания под присягой; 4) правовые аспекты государственного финансирования избирательных расходов и пожертвований политическим партиям; 5) регулирование поведения политических партий; 6) вынесение судебных решений в избирательных спорах; 7) усиление наказания за избирательные правонарушения; 8) вопросы, связанные с ролью электронных и печатных средств массовой информации, и другие вопросы.

Дискуссионный документ был распространен среди представителей политических партий и выборных представителей, в парламенте, среди государствен-

ных органов, ассоциаций, сотрудников избирательной комиссии, руководителей и других важных персон национальных комиссий и учреждений, среди организаций гражданского общества, юристов, ученых, выдающихся общественных деятелей в попытке получить разнообразные и всеобъемлющие мнения от всех заинтересованных сторон по этим проблемным вопросам.

Комиссия получила значительное количество ответов, в том числе и от физических лиц.

16 декабря 2013 г. фонд «Публичный интерес» обратился к правовой комиссии с просьбой ускорить процесс рассмотрения полученных предложений и в кратчайшие сроки подготовить доклад. 24 февраля 2014 г. был подготовлен 244-й доклад «Избирательная дисквалификация» о дисквалификации кандидатов и политических партий в случае предоставления ложных данных. Рекомендации доклада были одобрены впоследствии Высшим судом Индии.

Избирательные реформы часто содержат предложения по реформированию вопроса финансирования и расходования денежных средств. Этот вопрос регулируется Избирательными правилами (1961), законами «О компаниях», «О подоходном налоге», «Об иностранном вкладе» (2013).

Финансовый фактор в политике — это не просто тема для теоретических дебатов, но и фактическая проблема, от которой страдает избирательный процесс в Индии. Неоспорим факт, что финансовое превосходство означает и избирательное преимущество, и обеспеченные кандидаты и партии имеют больше шансов на положительный исход в выборах. Верховный суд Индии в своем решении в 2014 г. в отношении Ашок Шанкаррайо и Мадхаврао Кинхалкар повторил этот ход рассуждений, где было подчеркнуто, как финансы использовались для покупки голосов. В официальных докладах подтверждается: очень прискорбно, что многие избиратели готовы продавать свои голоса за несколько сотен рупий. Таким образом, власть денежных средств практически контролирует все поле выборов, и кандидаты используют этот недобросовестный способ, чтобы получить статус члена парламента в государстве. Нарушается принцип равенства статуса богатых и бедных кандидатов. По мнению правовой комиссии, ни один человек и ни одна политическая партия не должны быть в состоянии обеспечить себе преимущество над другими по причине их высокой финансовой обеспеченности (Гришин, 2014).

Правовой комиссией Индии обозначены и другие проблемы в области финансов в рамках избирательного процесса. Одной из самых важных является проблема оспаривания выборов, ведь для этого нужно большое количество денег. Пределы расходов предвыборной кампании почти никогда не соблюдаются. Коррупция разрушает эффективность избирательного процесса. Некоторые избирательные фонды формируются из криминальных средств, с целью впоследствии защитить бизнес-группы, которые ожидают высокой доходности этих инвестиций, «откатов» или комиссий по договорам. Общество обеспокоено, что

именно коррумпированные группы склоняют избирателей отдавать свои голоса в их пользу путем приобретения голосов. Такая практика рассматривается как совершенно неприемлемая для участвующих в выборах. Требуется устранить опасное финансовое давление в процессе выбора должностных лиц.

Таким образом, стоит задача ограничения финансовых расходов для устранения, насколько это возможно, влияния денежных средств в избирательном процессе.

Коснувшись необходимости избирательной реформы в области финансирования избирательных кампаний, необходимо охарактеризовать законы, регулирующие расходы на выборах в других странах.

В Великобритании существуют ограничения в отношении расходов партий и расходов кандидатов. Эти ограничения, установленные государством, различаются в зависимости от вида выборов (выборы в парламент или в орган местного самоуправления). Суммы расходов не покрывают личные затраты кандидатов. Производство или публикация материалов по выборам, которые предоставляются для общественности в целом или для какой-либо ее части в любой форме, также ограничены законом. Ограничены расходы и на проведение публичных мероприятий, организацию общественных дисплеев и другие расходы.

В Федеративной Республике Германия в избирательном законе не прописаны ограничения на расходы политических партий по конкретным пунктам для кампании. Согласно закону «О политических партиях» (1967), стороны должны «использовать свои средства исключительно для выполнения функций, возложенных на них в соответствии с Основным законом. Таким образом, не существует качественных или количественных ограничений. Годовой отчет партии содержит информацию о следующих категориях: 1) членские взносы — обязательные взносы должностных лиц; 2) индивидуальные и корпоративные пожертвования; 3) поступления от коммерческой деятельности; 4) поступления государственных средств. Бундестаг получает и публикует эти данные годовой финансовой отчетности, также оценивает эти заявления с целью проверки соблюдения положений закона. Высший контрольный орган Германии в дальнейшем проводит проверку должного соблюдения финансовых процедур. За нарушения в данной области в законе предусматривается лишение свободы на три года или штраф (Гришин, 2013).

В США не существует ограничения на избирательные расходы кандидатов или политических партий. Ограничение на количество денег кандидата или партии в ходе кампании, по мнению государства, обязательно стесняет права кандидатов и партий, их потенциальные возможности в получении голосов избирателей, достижении результативности на выборах. Передача политических идей в массовое общество требует затрат денег (Старшун, 2000).

В Австралии нет запрета на пожертвования от иностранцев, профсоюзов или государственных контрактов. Однако кандидаты должны заполнить декларации, в которых им следует указать общую сумму пожертвований; общее количество индивидуальных пожертвований, детали пожертвований (например, даты получения, сумма). В случае нарушений предусмотрен арест до 6 месяцев и штраф.

В Японии установлены ограничения финансовых расходов на проведение избирательных кампаний кандидатов в зависимости от типа выборов и числа избирателей в избирательном округе, в целях обеспечения устранения неравенства в избирательной кампании. Тем не менее не имеется ограничения расходов финансов в отношении политических партий. Анонимные пожертвования и пожертвования от иностранных организаций запрещены. Если кандидат потратил больше, чем предусмотрено законом, выборы будут аннулированы. Кроме того, подача ложных финансовых отчетов может привести к наказанию в виде до трех лет лишения свободы или штрафа в размере до 500000 иен.

Избирательный кодекс Филиппин (1985) регулирует расходы партий и кандидатов. В разделе 1 кодекса установлен предел финансовых расходов для политических партий и кандидатов. Политические партии и кандидаты не могут принимать пожертвований от корпораций; иностранных организаций, от образовательных учреждений, получающих государственную поддержку, или от служащих государственной службы или военнослужащих и анонимных пожертвований. Политические партии и кандидаты должны представить свои отчеты с подробным изложением суммы взносов своих расходов и обязательств. Отчеты о взносах должны храниться в течение трех лет, в противном случае их отсутствие будет считаться подлинным доказательством нарушения положений закона.

Таким образом, рассмотрение норм избирательного права в отношении финансирования предвыборных кампаний в разных странах может быть поводом для улучшения государственного регулирования финансирования избирательных кампаний в Индии.

Этот вопрос рассматривается правовой комиссией не случайно. Налла Тампи Фарра оспорила конституционность поправок 1974 г. на том основании, что они усиливают дискриминацию кандидатов и партий на основе власти денег. Верховный суд постановил, что «законы о выборах не предназначены для получения экономического равенства среди граждан. Они могут в лучшем случае обеспечить равную возможность всем членам общества спроецировать свои соответствующие точки зрения по поводу предмета выборов».

Тем не менее Верховный суд Индии постановил, что кандидат в завершение каждой предвыборной кампании должен предоставить документ в установленной форме о проведенном аудите расходов, а избирательная комиссия — документ о проведении аудита годового отчета. Аудит в этих случаях должен быть обязательным. Эти изменения вступили в силу с 1 октября 2014 г.

Пожертвования компании или организации должны быть надлежащим образом учтены в бухгалтерских документах, из этих денежных средств должен быть уплачен налог на прибыль организаций. Таким образом, выборы позволяют сделать явными доходы организаций и компаний Индии.

Правовая комиссия считает, что одномоментно решить такие проблемы как влияние финансов и предоставление честной отчетности, на данный момент достаточно сложно, поэтому необходимо в связи с изменением избирательного законодательства дополнять уголовное законодательство, в частности, ужесточать законы о борьбе с коррупцией и вводить нормы раскрытия информации, усиливать общественный контроль в решении этих правовых проблем.

Если избирательная комиссия в результате проверки находит нарушения, то политическая партия платит штраф, при необходимости инициируется уголовное расследование в соответствии c законом.

Следующие виды взносов, полученных каждым кандидатом в рамках избирательной кампании или его доверенным лицом, должны быть зафиксированы бухгалтерских документах: сумма вклада от партии кандидата для его избрания; сумма вклада, которую получил кандидат от физических лиц, от компаний, которые не являются государственными компаниями, название, адрес и данные донора; характер каждого вклада (денежные средства, подарок), дата получения вклада. Избирательная комиссия полученную информацию о финансировании избирательной кампании размещает на своем сайте, делает ее общедоступной.

В Индии в настоящее время нет прямого государственного финансирования выборов. Первый комитет по реформам в избирательной области по вопросам финансирования в 1990 г. выступил за частичную государственную поддержку выборов, например, в виде оплаты стоимости аренды помещений. В 1993 г. Конфедерация индийской промышленности порекомендовала финансировать выборы через налог от этой отрасли, а также осуществлять финансирование за счет средств налога на акцизы или через корпоративные взносы в избирательный фонд. Комитет предусматривал поэтапное введение государственного финансирования, начиная с 1998 г., в виде натуры (не денежных средств): бесплатная аренда офисных помещений, бесплатные телефонные переговоры, громкоговорители, определенное количество топлива, продукты питания и эфирное время. Постепенно комитет предлагал осуществить переход к полному государственному финансированию через создание центрального избирательного фонда, чье финансирование осуществлялось бы совместно центром и государством. Комитет исключил возможность государственного финансирования независимых кандидатов. Идея о частичном государственном финансировании рассматривалась в Индии в качестве первого шага к общему финансированию, но в свете преобладающих сложных экономических условий она не была реализована, однако послужила основной для устранения влияния власти денег в избирательном процессе. Для обеспечения частичной субсидии в натуральной форме государство закрепило выделение справедливого распределения эфирного времени в сетях кабельного телевидения и в других средствах массовой информации.

Таким образом, в настоящее время в Индии рассматривается вопрос о введении государственного финансирования избирательных кампаний как способа обеспечения справедливых выборов.

Осуществлять полное государственное финансирование выборов в Индии не представляется возможным из-за сложных экономических условий.

До настоящего времени не было проведено исследование о стоимости финансирования выборов.

Реформам по государственному финансированию выборов должен предшествовать целый цикл реформ (реформа финансирования избирательных кампаний, улучшение прозрачности, раскрытия информации и аудита; декриминализация политики, введение внутрипартийной демократии).

Правительству Индии выгодно предоставлять косвенное финансирование выборов не в денежной, а в натуральной форме.

Предполагается, что государственное финансирование избирательных кампаний будет осуществляться в виде косвенной государственной субсидии. По нашему мнению, именно субсидия является лучшим способом проведения справедливых и демократических выборов и повышения уровня доверия населения к избирательному процессу.

В целом индийский опыт государственного регулирования финансирования избирательных кампаний относится к числу наиболее оригинальных среди стран, не относящихся к числу государств с устойчивой демократией.

Библиографический список

- 1. Гришин, Н. В. (2014). Государственная электоральная политика: предметная область нового научного направления. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 71–82.
- 2. Гришин, Н. В. (2013). Избирательная система как институт артикуляции политических интересов общества. *Каспийский регион: политика, экономика, культура,* 2, 42–48.
- 3. *Конституционное право зарубежных стран*. (2000). Под ред. Страшуна Б. А. Том 1–2. Часть общая. 3-е изд. М.: БЕК.
- 4. Мармилова, Е. П. (2014). О современных проблемах применения закона об избирательных правах 1965 года в США. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3 (40), 56–62
- 5. Мармилова, Е. П. (2015). О современных проблемах применения закона США 1986 г. об избирательных правах военнослужащих и граждан, проживающих за рубежом. *Каспийский регион: политика, экономика, культура,* 1 (35), 135–139.

- 6. Морозова, О. С. (2013). Влияние типа избирательной системы на функционирование политической системы общества. *Теория и практика общественного развития*, 2, 175–179.
- 7. Шлыкова, Н. Б., Сапронова М. А., Орлов А. Г., Черепанова Е. В. (2010). Современные избирательные системы: Индия, Ирак, Уругвай, ЮАР / науч. ред. А. В. Иванченко, В. И. Лафитский. М.: РЦОИТ.
- 8. Government of India. Law commission of India. (2015). Electoral reforms. Report № . 255. Retrieved from: http://lawcommissionofindia.nic.in/reports/Report255.pdf
- 9. Birch, S. (2008). Electoral institutions and popular confidence in electoral processes: a cross_national analysis. *Electoral Studies*, 27, 305–320.
- 10. Bhalla, R. P. (1973). Elections in India (1952-1972), New Delhi: S. Chand & Co, 83.
- 11. Bhardwaj, R. K. (1980). Democracy in India, New Delhi: National, 145–147.
- 12. Kant, K. (1975). *Black Money and Electoral Reform. Towards Free and Fair Elections*, New Delhi: National, 48.
- 13. Narang, A. S. (1985). *Indian Government and Politics*, New Delhi: Gitanjali Publishing House, 123.

Статья поступила в редакцию 20.09.2015.

••••••

STATE FUNDING OF ELECTORAL CAMPAIGNS AS A WAY TO PROVIDE FAIR ELECTIONS: INDIA'S EXPERIENCE

Marmilova E.P.

Marmilova Ekaterina Petrovna, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Tatishchev Str., 20 "a". E-mail: katyamme@mail.ru.

The work has been done under the Russian Humanitarian Scientific Fund project № 15–03–00153 "Public policy and management in the electoral process: conceptualization of scientific direction".

The article considers the issue of elections state funding influence on the electoral process through India's example, in the framework of development of a new governance conception in the field of elections state funding. The issue of finances in politics is not just a theoretical debate, but an actual problem, which affects the electoral process in India.

The purpose of the article is to consider the issue of elections state funding influence on the electoral process through India's example. In order to achieve this purpose it is necessary to attain the following objectives: 1) to identify the problems of electoral process financing in India; 2) to consider the laws, regulating state spending during elections; 3) to define possible changes and trends of legislative frameworks of electoral campaigns funding in India. In the article there were applied comparative legal method, systematic and historical legal methods of scientific research. It is indisputable that financial dominance also means electoral advantage, therefore rich candidates and parties have a better chance for positive elections result. The author concludes that today Indian government considers the issue on implementation of electoral campaigns state funding as a way to provide fair elections.

Full elections state funding in India seems to be impossible due the difficult economic conditions. Particularly a subsidy is the best way to provide fair and democratic elections and to increase people's trust in electoral process.

Key words: electoral process, electoral reform, elections state funding.

References

- 1. Grishin, N. V. (2014). Gosudarstvennaya elektoralnaya politika, predmetnaya oblast novogo nauchnogo napravleniya [State electoral politics: the subject area of the new scientific direction]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: a policy, economy, culture], 3, 71–82.
- 2. Grishin, N. V. (2013), Izbiratelnaya sistema kak institut artikulyacii politicheskih interesov obschestva [The electoral system as an institution of political articulation of the public interest]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: a policy, economy, culture], 2, 42–48.
- 3. *Konstitucionnoe pravo zarubejnih stran* [Constitutional law of foreign countries]. (2000). Pod red. Strashuna B. A. Tom 1–2. Chast obschaya. 3-e izd., M., BEK.
- 4. Marmilova, E. P. (2014). O sovremennih problemah primeneniya zakona ob izbiratelnih pravah 1965 goda v SShA [On the contemporary problems of application of the Voting Rights Act, 1965 in the United States]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: a policy, economy, culture], 3 (40), 56–62
- 5. Marmilova, E. P. (2015). O sovremennih problemah primeneniya zakona SShA 1986 g. ob izbiratelnih pravah voennoslujaschih i grajdan, projivayuschih za rubejom [On the contemporary problems of application of the law of the United States in 1986, the Voting Rights soldiers and citizens living abroad]. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian region: a policy, economy, culture], 1 (35), 135–139.
- 6. Morozova, O. S. (2013). Vliyanie tipa izbiratelnoi sistemi na funkcionirovanie politicheskoi sistemi obschestva [Influence of the type of electoral system on the functioning of the political system of society]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development], 2, 175–179.
- 7. Shlikova, N. B., Sapronova M. A., Orlov A. G., Cherepanova E. V. (2010). *Sovremennie izbiratelnie sistemi*, Indiya, Irak, Urugvai, YuAR [Modern electoral systems: India, Iraq, Uruguay, South Africa]; nauch. red. A. V. Ivanchenko. V. I. Lafitskii. M.: RCOIT.
- 8. Government of India. Law commission of India. (2015). Electoral reforms. Report № 255. Retrieved from: http://lawcommissionofindia.nic.in/reports/Report255.pdf
- 9. Birch, S. (2008). Electoral institutions and popular confidence in electoral processes: a cross_national analysis. *Electoral Studies*, 27, 305–320.
- 10. Bhalla, R. P. (1973). Elections in India (1952-1972), New Delhi: S. Chand & Co, 83.
- 11. Bhardwaj, R. K. (1980). Democracy in India, New Delhi: National, 145–147.
- 12. Kant, K. (1975). *Black Money and Electoral Reform. Towards Free and Fair Elections*, New Delhi: National, 48.
- 13. Narang, A. S. (1985). *Indian Government and Politics*, New Delhi: Gitanjali Publishing House, 123.

ПРАКТИКИ РОССИЙСКОГО ИНТЕРНЕТ-АКТИВИЗМА НА СУБНАЦИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Садилова А.В.

Садилова Алена Викторовна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, Пермская область, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Эл. почта: a.sadilova@yandex.ru.

В настоящее время становится все актуальнее проблема гражданской активности населения и использования сетевых ресурсов для стимулирования общественно-политической деятельности. В условиях российской политической системы гражданские инициативы зачастую не имеют возможности реализоваться, а сами активисты также ограничены в своих ресурсах и механизмах влияния на власть. Однако развитие Интернета (Сети) позволило обрести новый канал коммуникации и воздействия на государство. Интенсивное развитие гражданских инициатив и проектов в Сети повлекло за собой включение в сетевое пространство и политических институтов, создание собственных электронных площадок.

Российские государственные акторы стали активно прибегать к сетевому пространству для достижения собственных политических целей, в т.ч. для стимулирования и регулирования гражданской активности, степени вовлеченности населения в решение насущных проблем через различные интернет-проекты и площадки. Автором подмечен переход от крупных федеральных проектов к вектору актуализации подобных сетевых практик на субнациональном уровне (региона, муниципалитетов и т.д.). В статье рассматриваются ключевые аспекты новых практик интернет-активизма субнационального уровня, их цели и задачи на конкретных примерах. Вместе с этим автором предлагается собственное видение классификации данных практик и императивных правил их реализации. Анализируется потенциал проактивных сетевых площадок.

По мнению автора, ситуация, при которой представители территорий участвуют в интернет-проектах власти и создают собственные делиберативные площадки, вполне может стать базой для становления крепкого конструктивного диалога, гражданской активности и преодоления политической апатии внутри РФ.

Ключевые слова: практики интернет-активизма, делиберативные площадки, субнациональный уровень, локальные сообщества, гражданские активисты.

На сегодняшний день одним из наиболее актуальных вопросов мирового масштаба и, в частности, для России является проблема развития гражданской активности, использования гражданами новых информационно-коммуникационных средств в качестве механизма политического воздействия на институты власти. Проблематике гражданского участия, взаимоотношений власти и общества, а также оценке состояния публичной политики в РФ посвящены научные работы таких авторов как В. С. Волков, Е. Ю. Мелешкина, Ю. А. Нисневич,

П. В. Панов, С. В. Патрушев, П. С. Перегудов, А. В. Римский, И. С. Семененко, К. А. Сулимов, А. Ю. Сунгуров, А. А. Фадеева, Е. Б. Шестопал и т.д. Исследования возможностей сетевого пространства для реализации гражданской активности отражены в работах И. В. Мирошниченко, Е. В. Морозовой, К. В. Подъячева, А. А. Фролова. Вышеобозначенные труды российских ученых, зарубежные работы классиков политической науки (Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, Н. Смелзер и т.п.) представляют собой прочный научный фундамент для дальнейшего исследования гражданского участия в общественно-политической жизни РФ.

Важно заметить, что подлинное гражданское общество в российской действительности не сложилось (Гельман, 2012). Это объясняется совокупностью причин, главной из которых является недопущение властью рядовых граждан до политического процесса в качестве акторов, что при наложении на свойственный россиянам тип политической культуры и отсутствии созданных механизмов совместной работы рождает общую политическую апатию. Поэтому современная политическая система нашей страны находится в состоянии поиска формы реализации демократических принципов. При этом благодаря бурному и масштабному развитию информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие появился новый канал для реализации гражданской активности и продвижения общественных инициатив. В настоящее время граждане все интенсивнее используют сетевое пространство (Интернет) в качестве инструмента влияния на институты власти.

В связи с этим объектом исследования выступает гражданский интернетактивизм как добровольная коллективная деятельность вокруг общих интересов и ценностей, реализуемая публично и бескорыстно в Сети (Центр ГРАНИ, 2012). Предмет исследования — практики российского интернет-активизма на субнациональном уровне¹.

Основной целью является анализ развития гражданской активности на субнациональном уровне через участие на электронных площадках (гражданских онлайн-приложений).

В качестве задач определены следующие:

- охарактеризовать тенденцию субнационального интернет-активизма, выделить основные виды интернет-практик;
- рассмотреть возможности субнациональных интерактивных площадок для гражданского участия;
 - сформулировать принципы реализации практик интернет-активизма.

В настоящий момент многие зарубежные страны столкнулись с кризисом базового демократического института — выборов — и нарастающим недоверием масс к работе всей демократической системы, отсюда берут начало проблемы

¹ Термины «локальный» и «субнациональный» используются как синонимы для обобщенного обозначения региональных и местных территориальных единиц государства (Гельман, 2009).

масштабного абсентеизма, политической пассивности и пр. Россия в данном случае также не является исключением. Для эффективной деятельности государственного механизма при всей его авторитарности в РФ (Гельман, 2009) зачастую требуются мнение народа и конструктивные предложения от гражданских групп в качестве демократического маркера, которым отмечают принятые политические решения. Фактически речь идет о «вторичной легитимности» в силу слабости и декоративной составляющей ключевого для демократической формы власти аспекта в РФ — выборов. Под этим понятием автор подразумевает получение одобрения политической воли со стороны населения, что частично снимает проблему распределения ответственности и общественной критики. Первыми «пробами» подобных правил игры были интернет-обсуждения (делиберации) законопроектов «О полиции» и «Об образовании», когда на созданной электронной площадке каждый гражданин имел возможность высказаться относительно предложенного парламентом текста (Садилова, 2015).

На сегодняшний день идея проектов сетевой делиберативности политической властью широко востребована, о чем свидетельствует рост количества идентичных по направленности электронных ресурсов — проекты, создаваемые властью, так же, как и общественно-гражданские инициативы, стремительно увеличиваются. Процесс обращения политических институтов к Сети как площадке для диалога, по мнению С.П. Перегудова, является свидетельством реализации главного принципа «мониторинговой демократии», которая предполагает ограниченное сочетание контроля над действиями политических институтов государства и интеракции с ними со стороны общества. Получается, что сетевые ресурсы делиберативного характера воспринимаются и выполняют отчасти роль инструмента публичного контроля — проверку тех, кто принимает политические решения (Перегудов, 2012). При этом сама власть использует площадки не только для реализации идеи «открытого правительства», но и для собственных целей регулирования и контроля.

При этом автором был замечен новый модус делиберативных практик. Дело в том, что, переживая кризис национального государства, политические структуры все чаще перемещают внимание на стимулирование гражданско-политического процесса на локальном уровне. В связи с чем гражданская активность локальных сообществ приобретает новые масштабы и значение. Несмотря на отмеченное Р.Ф. Туровским (2006) размытие локальных связей и потерю сплоченности традиционных сообществ в связи с усилением горизонтальной мобильности, категория «локальной территории» является весьма актуальной, т.к. при неоднородности местных сообществ в них не исчезает политическая коммуникация, а также продолжает развиваться процесс определения собственного интереса. В результате «территориальные сообщества» субнационального уровня сейчас ярче превращают «место» в политический контекст (Панов,

Сулимов, Фадеева, 2009), что делает их привлекательными с точки зрения взращивания гражданской активности.

Современные интернет-технологии открывают новый этап публичной политики и возможностей роста гражданской активности, при котором осуществляется сетевое взаимодействие граждан и политических акторов в принятии политико-управленческих решений, предполагающая участие сетевой общественности как в формировании, так и в реализации публичной политики (Морозова, Мирошниченко, 2011). В связи с этим отличительной чертой нынешнего общества является «распространение политической субъектности на всех его членов при имплицитной готовности их самих принять такую ответственность» (Лапкин, Семененко, 2013).

Ориентировочно с 2012 г. в политическую действительность входит феномен интернет-активности субнационального уровня. Важно подчеркнуть, что подобные шаги были изначально предприняты со стороны гражданского общества и оппозиции, а позже переняты государством и его структурами. Данного профиля электронные ресурсы работают на основе краудсорсинга, позволяющего создавать «продукт» взаимодействия с властью через коллективную синергетическую деятельность отдельных субъектов (Фролов, 2014).

Стоит учесть, что внутри категории практик интернет-активизма обнаруживается своего рода дифференциация. Фактически речь идет о двух вариантах гражданских действий: проактивной деятельности с ярко выраженным демократическим потенциалом (идеи и предложения относительно качества среды проживания локального сообщества) и реактивной деятельности, направленной на устранение дефектов работы властей. Так, например, выделяются ресурсы, где активность участников сводится сугубо к заявительной функции в отношении разного рода проблем локального хозяйства. К наиболее значимым сетевым проектам последних 3 лет отнесем следующие платформы: «Почини свою улицу», «Наш город Москва» (а также по схеме «Наш город Новосибирск, Красноярск, Сосновоборск и пр.), «Красивая Балашиха» и т.п. Другая часть проектов имеет более выраженную демократическую природу, позволяющую артикулировать собственное мнение и высказывать инициативы, предложения по насущным вопросам субнационального уровня.

Кроме того, дифференциация проводится по линии определения субъекта создания ресурсов: представители гражданского общества или встроенные в политическую систему акторы («Street journal» — запущенная общественностью платформа, а «Решаем вместе» — инициатива пермских муниципальных властей). И заключительным критерием деления является непосредственно сам субнациональный уровень реализации проектов. Так, в центральной части РФ был создан ряд интересных площадок, где в число проектов регионального масштаба входит сетевой ресурс «Как сделать лучше наше Подмосковье», крупным муниципальным проектом является «Чего хочет Москва?» (городской), а за-

мыкает перечень многофункциональная сетевая площадка «Йополис», которая содержит механизмы организации и осуществления политико-гражданских практик на уровне микрорайона или даже конкретного жилого дома.

Итак, как было отмечено, новый модус гражданской активизации населения выстроен по принципу взращивания ее с «низовых уровней», Локальные сообщества получили в свои руки инструменты построения сетевого диалога с властью внешне на паритетных началах. В качестве наиболее весомого кейса в рамках культивации гражданской активности возьмем упоминавшийся выше проект «Как сделать лучше наше Подмосковье», стартовавший в 2013 г. и продлившийся с июня по конец августа.

Согласно предложенным критериям, сетевая площадка является прогосударственной инициативой регионального уровня (реализована под эгидой администрации губернатора Подмосковья), хотя официальным организатором числится Фонд общественного мнения (ФОМ). В обозначенный период каждый желающий мог высказать собственные предложения относительно улучшения качества жизни на данной территории по самым разным аспектам. В результате было сформулировано более 3 тысяч задач. Участие приняло около 6 тысяч человек, которые не только выдвигали собственные инициативы (мини-проекты), но и обсуждали идеи других, голосуя за самый лучший вариант. Итогом сетевых практик представителей сообщества Подмосковья стала сформированная «народная карта». По мнению и.о. губернатора А. Ю. Воробьева, «это новый способ управления регионом совместно с населением». Кроме того, им была раскритикована работа общественных палат муниципалитетов и в качестве «бонуса» для гражданских активистов озвучено предложение войти в эти структуры (тем самым решить проблему низкой эффективности этого института).

Подчеркнем, что благодаря сетевому пространству как основе интеракций удалось воплотить данный проект в жизнь, т.к. традиционные каналы не смогли бы обеспечить всеобщей делиберации жителей, прозрачности механизмов отбора предложений и т.п. Кроме того, этот кейс показывает возможный вариант воплощения концепта «электронной/цифровой демократии» в конкретных российских условиях. Единственной сложностью при всем положительном эффекте ситуации является контроль над реализацией принятых «народных» решений, что будет означать состоявшийся конструктивный «диалог», дающий основание полагать, что в следующий раз локальные сетевые практики также состоятся. Однако, как показывает мониторинг, на данный момент многие из сформированных задач сообщества Подмосковья находятся на стадии «ожидания» воплощения.

В свою очередь, подобный разрыв между согласованными планами общественности и властей и предпринятыми последними действиями может только обострить проблему гражданско-политического сплина, привести к разочарованию в новых инструментах влияния — сетевых практиках. По меткому замеча-

нию пермского политолога К. А. Сулимова, «государство пока придерживается преимущественно технологического подхода к инновациям, имеющим социальное значение» (Сулимов, 2012), что ведет к воспроизводству традиционной схемы властных отношений, по сути — к имитации демократических принципов. Поэтому, внедряя интерактивные электронные площадки как на федеральном, так и на локальном уровне без дальнейшей реакции на принятые решения, государство рискует сделать «два шага назад при одном вперед» и попасть в ловушку, в которой политическое участие в лучшем случае будет сводиться к «заявительной активности». Стоит заметить, что и так локальные сетевые практики в большинстве своем построены в РФ именно на этом принципе, сводящем гражданскую инициативу к тривиальной функции подачи жалоб на работу региональных/муниципальных властей (проекты «Красивая столица», «Наш город Москва» и т.п.) — реактивной функции.

При этом важно подчеркнуть, что развитие гражданской активности локальных сообществ и повышение уровня политической культуры возможно, по нашему мнению, путем укоренения и вращивания в политический процесс территорий мощного пула электронных площадок инициативного (проактивного) характера, позволяющих вырабатывать совместно концептуальные решения местных вопросов. Это объясняется тем, что в предложенном варианте граждане фактически напрямую участвуют в распределении бюджетных средств, т.к. отобранные инициативы гражданских активистов встраиваются в социальные, градостроительные и прочие статьи главного финансового документа локальности. Тем самым граждане наделяются политическими ресурсами влияния. Кроме того, на нормативной базе местного управления в РФ (ФЗ № 131, 2003) подобные практики являются центральным звеном в реализации стержневых принципов функционирования муниципальных образований — «осуществление народом своей власти... непосредственно и (или) через органы МСУ». И хотя речь о сетевых практиках локальных сообществ идет не только на муниципальном уровне, они вполне уместны в разрезе региона при том же целеполагании решении вопросов насущной жизнедеятельности людей.

Возвращаясь к ключевому аспекту — участию граждан в распределении бюджетных средств, мы констатируем политическую значимость данного сообщества, которая реализовалась путем внедрения сетевых практик. Безусловно, в проекте было задействовано отнюдь не все население Подмосковья, на примере которого мы анализируем сетевые практики гражданско-политического характера, но это совершенно не требуется. Достаточно тех оснований, что любой имеет право партиципации, а также возможность оспорить, прибегнуть к делиберации озвученных на сетевой площадке предложений. Согласно верному замечанию Г. Алмонда и С. Вербы (1992), для стабильности политической структуры необходимо поддерживать баланс между гражданской активностью и пассивностью: «Как постоянная включенность и активность, обусловленные

находящимися в центре внимания спорными вопросами, сделали бы в конечном итоге сложным сохранение баланса, так к такому результату привело бы и полное отсутствие включенности и активности».

Проявившиеся активисты вполне могут составить гражданское ядро территории при перманентно повторяющихся сетевых практиках в виде групп интересов (ассоциаций). Тогда следует говорить о внутренней конкуренции гражданских активистов и экзогенной борьбы альтернативных путей движения локальной территории вперед. Обозначенная «противоречивость» позиций гражданских активистов является эссенциальным ротором локальности, т.к. благодаря внутреннему конструктивному (и регулируемому властью посредством сетевых платформ, к примеру) конфликту интересов рождается, как отмечали многие исследователи в области политической науки (Коргунюк, Мелешкина, Михалева, 2010), качественно новое состояние территории. Ведь чем успешнее будут воплощенные общественностью решения, тем больший положительный эффект получит каждый член локального сообщества для себя. Для того чтобы не столкнуться с очевидно проглядывающей «проблемой безбилетника» (Олсен, 1995), сетевые практики гражданско-политического характера должны быть сцеплены с преференциями для активных граждан. Предложение о вхождении в общественные палаты муниципалитетов Подмосковья — реальный инструмент для поощрения проделанной работы. Если же этот подход кажется спорным, то другим методом вознаграждения за общественную работу имеет основание стать апробированная на площадке «Активный гражданин» система накопления баллов и последующего обмена их на городские услуги. Наряду с этим сетевой ресурс позволяет отследить и увидеть весомых и авторитетных гражданских активистов, чьи предложения наиболее отвечают потребностям локальности, что также может являться стимулом для деятельности.

В качестве принципиального добавления стоит оговорить строгие правила, нарушение которых будет означать крах субнациональных практик интернетактивности. Одно из них было упомянуто ранее — адекватная реакция на согласованные народные предложения, т.е. обеспечение финансовыми, организационными и прочими ресурсами со стороны властных институтов. Во-вторых, необходимо исключить сращивание административного аппарата и гражданских активистов, чтобы сохранить живую конкуренцию, а не обращаться к традиционной редукции гражданско-политической деятельности — вертикальному корпоратизму, свойственному многим регионам страны (Перегудов, 2003). Это означает, что политические акторы и (или) бизнес-структуры, что также немаловажно, не должны использовать сетевые делиберативные процессы как механизм имплицитного лоббирования собственных интересов. Исключая возможный вопрос о том, как обойти негативную сцепку власти и общественности при рассмотренном варианте преференций (Сунгуров, 2008), заметим,

что вхождение в общественные палаты не дает приоритета высказываемым предложениям и не освобождает от процесса обсуждения.

Заключительным пунктом, но отнюдь не последним по значимости, является выполнение фундаментальных для сетевого пространства условий, на которые опираются данные локальные практики: транспарентность и открытый характер делибераций, элиминирование статусов и иерархии между участниками проекта, беспристрастная экспертная оценка идей со стороны политических институтов.

Таким образом, играя, на первый взгляд, инструментальную роль, практики интернет-активности несут импульс преобразования социально-политической действительности и обеспечения базы для общественно-политических действий, через которые может реализоваться политический потенциал субнационального сообщества. Новации в сфере сетевых коммуникаций создают рычаги для становления современного формата гражданской активности путем упрочения «мониторинговой» и «цифровой демократии». Поэтому делиберативные площадки можно рассматривать как путь преодоления политической пассивности населения, а также как «продукт» — повышение комфортности территории проживания, качества жизни. Остается только вопросом — сможет ли заложенный импульс интернет-активизма найти выход и правильное (неискаженное) применение в локальных сообществах.

Библиографический список

- 1. ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 г. ст. 1, п. 2.
- 2. Гельман, В. Я. (2009). Динамика субнационального авторитаризма: Россия в сравнительной перспективе. *Общественные науки и современность*, 3, 45–59.
- 3. Гельман, В. Я. (2012). Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России. *Российская полития*, 4 (67). Режим доступа: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Guelman-2012—4.pdf
- 4. Сулимов, К. А. (2012). *Идеологии, институты, коммуникации: политическая теория для политической жизни*. Пермь: ООО «Издательский дом «Типография купца Тарасова».
- 5. *Интернет-платформа «Йополис»*. (2012). Режим доступа: http://yopolis.ru/blog/534357
- 6. Коргунюк, Ю. Г., Мелешкина, Е. Ю., Михалева, Г. М. (2010). *Политические партии* и политическая конкуренция в демократических и недемократических режимах. М.: «КМК».
- 7. Лапкин, В. В., Семененко, И. С. (2013). «Человек политический» перед вызовами «infomodernity». *Полис. Политические исследования*, 6, 64–81.
- 8. Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. (2011). Сетевые сообщества в условиях чрезвычайных ситуаций: новые возможности для граждан и власти. *Полис. Политические исследования*, 1, 140–152.

- 9. Олсон, М. (1995). *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп*. М.: Фонд Экономической Инициативы.
- 10. Перегудов, С. П. (2012). Концепция «мониторинговой демократии»: в поисках альтернативных моделей политического развития. *Полис. Политические исследования*, 6, 55–67.
- 11. Перегудов, С. П. (2003). Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука.
- 12. Проект «Активный гражданин». Режим доступа: http://ag.mos.ru
- 13. Проект «Как сделать лучше наше Подмосковье». Режим доступа: http://smartfom.ru/
- 14. *Проект «Чего хочет Москва?»*. Режим доступа: http://moscowidea.ru/
- 15. Панов, П. В., Сулимов, К. А., Фадеева, Л. А. (2009). *Сообщества как политический феномен*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- 16. Садилова, А. В. (2015). Сетевые делиберативные площадки в РФ. *Вестник Пермского университета*. *Политология*. Режим доступа: http://www.polit.psu.ru/vestnik/Vestnik_2015_2.pdf
- 17. Сунгуров, А. Ю. (2008). Гражданское общество и его развитие в России. СПб.: Ютас.
- 18. Туровский, Р. Ф. (2006) *Центр и регионы: проблемы политических отношений*. М.: Изд-во ГУ-ВШЭ.
- 19. Фролов, А. А. (2014). Механизмы осуществления гражданской активности. *Власть*, 10, 61–65.
- 20. Центр ГРАНИ. (2012). Отчет о результатах исследования активизма в России. Режим доступа: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf

Статья поступила в редакцию 20.07.2015

RUSSIAN INTERNET-ACTIVIZM PRACTICES ON THE SUBNATIONAL LEVEL

Sadilova A. V.

Sadilova Alena Victorovna, Perm State National Research University, 614990, Russia, Perm region, Perm, ul. Bukireva, 15. E. mail: a.sadilova@yandex.ru.

Nowadays the topic of the civic activism of population and the application of net resources for the sake of public-political activity encouragement is becoming more acute. Under Russian political system conditions civic initiatives often lack the realization opportunities with activists themselves being limited in their resources and power influence mechanisms. However, the Internet (Net) development made for the new communication and the state influence channel obtaining. The rapid progress in civic initiatives and projects in the Net entailed political institutions being included into the net space with the specific electronic platforms creation.

At present time Russian state actors vigorously use network space to achieve their political tasks as well as to increase the level of civic engagement and involvement into the urgent problem solutions via different Internet projects and platforms. The author emphasizes the shift from large federal projects to the tendency of similar network practices actualization on the level of local communities (regional, municipal, etc). The article considers the key aspects of new civic-political practices of the subnational level (introducing specific examples) together with their influence on the local civic activists formation. In addition to this the author provides their own vision on the mentioned-above practices classification and the imperative rules of their implementing. The potential of proactive net platforms is being analyzed.

As the author sees it, the situation under which the territorial representatives participate in the state and local Internet projects and create their own deliberative platforms can quite become the basis for the meaningful and tight dialogue generating, civic engagement enforcing and political apathy inside the Russian Federation overcoming.

Key words: the Internet activism practices, network civic-political practices, deliberative platforms, local communities, civic activists.

References

- 1. Federalnyj zakon № 131 Ob obshhix princypax organizacii mestnogo samoypravleniya v Rossiiskoi Federacii ot 6 octyabrya 2003, stat'ya 1, punkt 2 [FL № 131 "On general principals of local self-government structuring in the Russian Federation" of October 6th 2003, article 1, point 2].
- 2. Gel'man, V. Ya. Dinamika sybnacional'nogo avtoritarizma: Rossiya v sravnitel'noi perspective [Dynamics of subnational authoritarianism: Russia in comparative perspective]. *Obshhestvennye nauki I sovremennost'* [Social sciences and the present time], 3, 45–59.
- 3. Gel'man, V. Ya. (2012). Rascvet i upadok electoral'nogo avtoritarizma v Rossii [Prosperity and decay of electorial authoritarianism in Russia]. *Rossiiskaya politiya*. [Russian politia], 4 (67). Retrieved from: http://www.politeia.ru/content/pdf/Politeia_Guelman-2012-4.pdf
- 4. Sulimov, K. A. (2012). *Ideologii, instituty, kommunikacii* [Idiologies, institutes, communications: political theory for political life]. Perm. LLC "Publishing House "Printing Office of the merchant Tarasoy".
- 5. *Internet-platforma "Yopolis"* [Internet-platform "Yopolis"]. Retrieved from: http://yopolis.ru/blog/534357
- 6. Korgunyk, U. G., Meleshkina, E. U., Michaleva, G. M. (2010). *Politicheskie partii i politicheskay konkurenciya v demokraticheskix i nedemocraticheskix rezhimax*. [Political parties and political competition in democratic and non-democratic regimes]. M.: "KMK".
- 7. Lapkin, V. V., Semenenko, I. S. (2013). "Chelovek politicheskii" pered vyzovami «infomodernity» ["A person political" before the challenges of «infomodernity»]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political researches], 6, 64–81.
- 8. Morozova, E.V. Miroshnichenko, I. V. (2011). Setevye soobshhestva v usloviyax chrezvychainyx situacii: novye vozmozhnosti dlya grazhdan I vlasti [Net communities in extreme situation conditions: New opportunities for citizens and the power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political sciences], 1, 140–152.
- 9. Olson, M. (1995). *Logika kollectivnyx deistvii: Obshhestvennye blaga* [Collective actions logics: Public benefits and the theory of groups]. M.: Economic Initiative Fund.
- 10. Peregudov, S. P. (2012). Koncepciya "monitoringovoi demokratii": v poiskax alternativnyx modelei politicheskogo razvitiya [The conception of "monitoring democracy": in search of alternative models of political development]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political researches], 6, 55–67.
- 11. Peregudov, S. P. (2003). *Korporacii, obshhestvo, gosudarstvo: evolucia otnoshenii* [Corporations, society, state: the evolution of relations]. M.: Science.
- 12. Proekt "Activnyi grazhdanin" [Project "Active citizen"]. Retrieved from: http://ag.mos.ru
- 13. *Proekt "Kak sdelat' luchshe nashe Podmoskov'e"* [Project "How to improve our Greater Moscow Area"]. Retrieved from: http://smartfom.ru/

- 14. *Proekt "Chego hochet Moskva"* [Project "What does Moscow want?"]. Retrieved from: http://moscowidea.ru/
- 15. Panov, P. V., Sulimov, K. A., Fadeeva, L. A. (2009). *Soobshhestva kak politicheskii fenomen* [Communities as political phenomenon]. M.: Russian political encyclopedia (RPE).
- Sadilova, A. V. (2015). Setevye deliberativnye ploshhadki v RF [Network deliberative platforms in Russian Federation]. *Vestnik Permskogo universiteta*. *Politologiya* [Bulletin of Perm University. Politology], 2 (30). Retrieved from: http://www.polit.psu.ru/vestnik/ Vestnik_2015_2.pdf
- 17. Turovskii, R. F. (2006). *Centr i regiony: problem politicheskix otnoshenii* [Centre and regions: the problems of political relations]. M.: Publishing House SM-HSE.
- 18. Sungurov, A. U. (2008). *Grazhdanskoe obshhestvo I ego razvitie v Rossii* [Civic society and its development in Russia]. SPb.: Utas.
- 19. Frolov, A. A. Mexanizmy osushhestvleniya grazhdanskoi aktivnosti [Civic activity realization mechanisms]. *Vlast'* [*Power*], 10, 61–65.
- 20. Centr GRANI (2012). *Otchet o rezul'tatax issledovaniya activizma v Rossii* [Report on the results of Russian activism research]. Retrieved from: http://grany-center.org/sites/default/files/files/page/otchet_aktivizm.pdf

СОВРЕМЕННЫЙ ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ И ЕГО НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКЦИИ (КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС)

Глухова А.В.

Глухова Александра Викторовна, Воронежский государственный университет, 394088, Россия, Воронежская область, г. Воронеж, ул. В. Невского, 15. Эл. почта: avglukhova@mail.ru

В статье идет речь о новых рисках, порожденных глобализацией, и об идентификационных основаниях современных политических конфликтов. Приводятся точки зрения известных ученых относительно доминантного размежевания, определяющего современный глобальный конфликт как конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью (Э. Гидденс); между крайним национализмом (фашизмом) и плюрализмом гражданского общества (Р. Дарендорф); между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком (С. Хантингтон). Отмечается возрастание правого и левого популизма в различных регионах мира. Доминантное размежевание на глобальном уровне резонирует в региональные и национальные «домены», порождая и в них противостояние между модерном и архаикой, демократией и различными разновидностями авторитаризма, открытостью внешнему миру и автаркией (режимом закрытого доступа). Стратегия охранительства, избранная некоторыми правящими элитами, может иметь успех в тактическом плане, поскольку позволяет добиться общественной консолидации на основе сохранения самобытности и традиционных ценностей, встречающих поддержку широких слоев населения, испытывающих страх пред неопределенностью будущего и рисками дестабилизации. Однако стратегически она может обернуться колоссальным проигрышем, неэффективной растратой человеческих, материальных и временных ресурсов, которые в сложившихся глобальных условиях являются невосполнимыми.

Ключевые слова: глобализация, риск, глобальный политический конфликт, доминантное размежевание, фундаментализм, космополитическая толерантность, либеральный порядок.

Современный этап мирового развития создает мучительное интеллектуальное напряжение для исследователей: он с трудом поддается выверенным определениям и точным дефинициям по причине исключительной сложности социально-экономических, политических, социокультурных и иных процессов, протекающих как в глобальном, так и в региональном, и в национальном масштабе. Объяснительная модель глобализации — при всей неопределенности и изначальной спорности этого понятия — оказывается эвристически ценной, поскольку дает возможность воспринимать происходящее в неких концептуальных рамках, а именно учитывать взаимозависимость, неопределенность и беспокойство, порождаемые глобализационными процессами, как типичные характеристики современного мира. К их числу относится также возрастание рисков непредвиденных вызовов и неожиданных решений, на которые регулярно обращают внимание все современные исследователи. По словам Р. Дарендорфа, «рука об руку с глобализацией мы переживаем распад права и порядка, как в отдельной стране, так и повсеместно. Это могло бы стать определяющей темой нашего времени ...» (Dahrendorf, 2003). Под угрозой оказывается свобода — главное историческое достижение человечества.

Возникающие факторы риска отличаются своей принципиальной новизной и затрагивают людей независимо от того, где они находятся и к каким слоям общества — привилегированным или обездоленным — принадлежат. В большинстве случаев (хотя и не исключительно) риски связаны с глобализацией — этим своеобразным «пакетом» перемен, протекающих далеко не синхронно в различных областях, что лишь усиливает ощущение ускользающего порядка. В силу этого резко возросла эвристическая значимость категории «риск», связанной с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. По словам Э. Гидденса, риск как простое, на первый взгляд, понятие является «ключом к разгадке некоторых базовых характеристик мира, в котором мы сегодня живем» (Гидденс, 2004).

В поисках объяснений природы и прогнозирования возможных последствий столь серьезных вызовов исследователи нередко прибегают к историческим аналогиям, пытаясь при помощи анализа прецедентов сформулировать возможные рецепты решения современных проблем. Нельзя сказать, что такие методологические приемы вообще лишены смысла: знание истории тем и полезно, что она дает достаточно пищи для размышлений. Вместе с тем слепые экстраполяции прошлых ситуаций на день сегодняшний не только не помогут созданию соответствующих объяснительных моделей, но и превратят исследователя в пленника прошлых стереотипов и идеологических клише. В современных условиях полезными окажутся лишь проверенные временем методологические приемы, с помощью которых можно попытаться диагностировать сегодняшнюю ситуацию при всей ее специфичности, соответствующей времени.

В XIX в. характеристику мира, столкнувшегося с похожими, но куда менее масштабными и разнообразными последствиями промышленной революции, ставшей прологом революции социальной, дал в своих работах К. Маркс. Одновременно он предложил в качестве методологического инструмента анализа тогдашних политических реалий прием доминантного размежевания, т.е. диагностирование основного конфликта, характеризовавшего суть происходивших процессов. По общему признанию как сторонников, так и оппонентов К. Маркса в прошлом и настоящем, доминантным размежеванием, т.е. основным конфликтом середины XIX в., был классовый конфликт между буржуази-

ей и пролетариатом. При этом в западноевропейских обществах сохранялись и прочие конфликтные размежевания, включая отголоски религиозных войн, этнические, региональные и иные расколы, однако основным все-таки был конфликт, детально исследованный К. Марксом. Разрешение последнего давало возможность, по мнению автора, овладеть будущим, освободиться от привычек и предрассудков прошлого и создать новое, принципиально иное общественное устройство, свободное от пороков, присущих капитализму. Привлекательность этого проекта оказалась настолько мощной, что под его знаком, пусть и в утрированном виде, прошло целое столетие.

В современных условиях методологический прием доминантного размежевания, предложенный К. Марксом, приобретает особое значение. Фиксируемая исследователями повышенная конфликтность на глобальном, региональном и — в ряде случаев — на национальном уровне не может не вселять тревогу. Масштаб проблем настолько велик, что требует оперативной диагностики и выработки комплекса мер в целях своевременного реагирования на наиболее конфликтогенные узлы современных общественных отношений. Хотя право реализации этих мер остается за политиками, обычно опаздывающими с принятием и исполнением важнейших решений, возрастающая ответственность ложится и на интеллектуалов, предъявляя повышенный спрос на производимый ими научный продукт.

Какой же конфликт следует считать доминантным размежеванием сегодня? Английский социолог Э. Гидденс полагает, что главным сражением XXI в. станет конфликт между фундаментализмом и космополитической толерантностью, в котором у последней все-таки больше шансов на победу. Причина этого конфликта заключается в том, что глобализация способствует возникновению стрессов и напряженности, затрагивающих традиционный образ жизни (семью, религию) и культуру в большинстве регионов мира. Мир рушащихся традиций порождает фундаментализм, адепты которого считают культурное разнообразие тревожным и опасным явлением. Идет ли речь о религии, этнической идентичности или национализме — они ищут прибежище в обновленной и «очищенной» традиции, а зачастую и в насилии.

Вместе с тем, на взгляд Э. Гидденса, есть основания надеяться, что космополитическая точка зрения победит. Терпимость в отношении культурного разнообразия и демократия, по его мнению, тесно взаимосвязаны, а демократия сегодня распространяется по всему миру. За распространением демократии стоит глобализация. В то же время парадоксальным образом она демонстрирует ограниченность наиболее привычных нам демократических структур, а именно структур парламентской демократии. Необходима дальнейшая демократизация существующих институтов в соответствии с требованиями глобальной эпохи. «Хозяевами своей истории мы никогда не станем, но найти способ «поймать» наш ускользающий мир можем и должны»,— уверен Э. Гидденс (Гидденс, 2004).

Серьезную озабоченность происходящими процессами высказывал также другой выдающийся интеллектуал XX в. Р. Дарендорф. Он был уверен в том, что современные угрозы порождаются противоречиями как побочными следствиями развития жизненных шансов в гражданском обществе. Когда ломаются наиболее абсолютные лигатуры прежних времен, поначалу возникает вакуум. «Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется», — писали в свое время, чем-то похожее на наше, К. Маркс и Ф. Энгельс в «Коммунистическом манифесте». Люди теряют опору, которую им могут дать лишь глубинные культурные связи; благоприятную почву для архаизации создает аномия (Кравченко, 2014). Для совместной жизни людей это имеет разнообразные и весьма серьезные последствия. Времена аномии — это времена крайней неуверенности в повседневной жизни. Начинает раздаваться призыв к «закону и порядку», люди ищут себе опору везде, где только могут найти. Появляются воспоминания, идущие из самых недр истории, воспоминания об утраченной теплоте старых социальных взаимосвязей. Снова начинают вызывать интерес национальные корни и абсолютные догматы веры.

По мнению немецкого ученого, национализм и фундаментализм — два великих соблазна современности; «в конце XX в. они встают перед нами во всей своей красе» (Дарендорф, 2002). Различая их умеренные и крайние (абсолютные) версии, Р. Дарендорф напоминал, что последние противоречат всем элементам жизненных шансов и недвусмысленно вступают с ними в борьбу. Крайний национализм и воинствующий фундаментализм не терпят ни многообразия, ни автономии гражданского общества, не говоря уже об его цивильности. Все права для них заслоняет религиозная или националистическая химера. А главное — они нисколько не заботятся об экономических последствиях своих действий, поэтому с ними нельзя бороться методами открытого общества (Дарендорф, 2002).

Посвятив большую часть своих последних работ переходам к демократии, Р. Дарендорф был особенно внимателен к процессам, развернувшимся на территории бывших социалистических стран. Наибольшая опасность для них ученому виделась в фашизме, который он трактовал как сложный комплекс идеологических, психологических и политических компонентов, включая состояние ностальгической идеологии общины, делящей всех на своих и чужих; новую политическую монополию, устанавливаемую человеком или «движением»; сильный акцент на организацию и мобилизацию, а не на свободу выбора. «Правление закона приостанавливается; диссидентов и лиц с нестандартным поведением сажают за решетку; меньшинства подвергаются суду народного гнева и официальной дискриминации. Фашизм в этом смысле не обязательно подобен немецкому национал-социализму; он не обязательно проводит политику систематического геноцида, хотя вероятность последнего весьма высока. В любом случае это — тирания правого толка, поскольку она опирается на военных, другие силы «закона и порядка», взывает к реакционным чувствам

и предается мечтаниям — но не о лучшем будущем, а о прекрасном прошлом. У такого фашизма могут быть разные имена: Муссолини и Франко, Перон и Пиночет», — писал Р. Дарендорф (Дарендорф, 1994).

Причина возникновения фашизма кроется не в «долине слез» (т.е. болезненном для большинства населения переходном периоде от командной к рыночной экономике) и даже не в глубоком разочаровании большинства населения в обещаниях демократии. Гораздо более важный фактор — подъем национализма, связанный не с установлением нации-государства, а скорее со стремлением к этнической однородности и отторжению чуждых элементов.

Источник фашизма, по мнению Р. Дарендорфа, коренится во внезапном воздействии современного индустриального мира на неподготовленное общество, сохраняющее многие характерные черты старого режима и одержимое вопросом о статусе (полученном в наследство от эпохи авторитаризма). Одно с другим просто несовместимо. В результате влиятельные группы утрачивают свое место в социуме и теряют ориентацию. Они застревают на полпути между старым и новым и ненавидят капитализм не меньше, чем социализм; новых богатых не меньше, чем новых бедных. Это фермеры и лавочники, а также члены нового среднего класса, по статусу и образованию государственные служащие, белые воротнички, инженеры. В этой ситуации политическое движение, обещающее разрушить настоящее и вернуть прошлое, выглядит весьма привлекательно, и немногие понимают, что пути назад нет. Кроме того, фашизм деструктивен, и вскоре место идеологии занимает насилие.

По сравнению с коммунизмом, который — при всех издержках примененных им методов — все-таки был способом модернизации, фашизм бесплоден и ретрограден. Поэтому есть основания надеяться, что страны, однажды пережившие фашистский ад, больше в эту реку не войдут. Однако, с другой стороны, живучесть старых социальных структур в бывших социалистических странах просто поразительна. Это не доиндустриальные авторитарные структуры; скорее они напоминают то, что было в Европе сразу после Первой мировой войны. Индивидуальный шок переходит в шок социальный, между мечтами и реальностью возникает пропасть. «Мне становится дурно при мысли о команде, состоящей из военных чинов, экономистов — плановиков и расистов, которых могут привести к власти лишившиеся своего места в обществе и охваченные разочарованием группы», — пророчески предостерегал Р. Дарендорф (Дарендорф, 1994).

Показательно, что проблематика фашизма в его различных версиях сегодня вновь вернулась в центр общественных дискуссий представителей гуманитарных наук. Один из них, известный российский историк А. А. Галкин, опираясь на опыт многолетних исследований, предложил собственную гипотезу, позволяющую более адекватно выявить глубинные основы фашистского феномена. Согласно этой гипотезе, фашизм представляет собой иррациональную,

неадекватную реакцию разнородных массовых групп населения на острейшие кризисные процессы, разрушающие устоявшиеся экономические, социальные, политические и духовные структуры, свойственную, при определенных обстоятельствах, обществам современного типа. Особенность этой реакции обусловлена в решающей степени тем, что она формируется, находясь в своеобразном растворе правоконсервативных ценностей. Следовательно, для того чтобы объективно оценить причины зарождения, распространения и перспективы фашизма, как и родственных ему явлений, необходимо, с одной стороны, тщательно проследить динамику социально-экономической и социально-политической ситуации в рассматриваемых сообществах, а с другой — уяснить происходящее с комплексом ценностей, совокупность которых принято определять как идеологию консерватизма (Галкин, 2014). «Изложенное выше дает все основания констатировать, что фашизм с самого начала сложился как специфическая форма правоконсервативного революционаризма, пытающегося, не считаясь с издержками, насильственно снять реальные противоречия, существующие в обществе, разрушив все то, что воспринимается им как препятствие сохранению и возрождению фундаменталистски трактуемых извечных основ бытия», — считает А. А. Галкин (Галкин, 2014).

Доминантное размежевание на глобальном уровне резонирует в региональные и национальные «домены», порождая и в них противостояние между модерном и архаикой, демократией и различными разновидностями авторитаризма, открытостью внешнему миру и автаркией (режимом закрытого доступа). Стирание границ между внутренней и внешней политикой приводит к трансляции внутренних противоречий во внешнеполитическую сферу, отказу от сотрудничества и выбору конфронтации с окружающим миром в качестве технологии общенациональной консолидации и мобилизации. Справедлива и обратная связь: решение внутриполитических проблем, выгодное для правящих кругов, осуществляется за счет создания «образа внешнего врага» и мобилизации против него широкой общественной поддержки. Сценарий возврата к временам «холодной войны» и риск прямого вооруженного столкновения перестает быть утопическим, а «маленькая победоносная война» вновь возвращается в привычный арсенал излюбленных средств авторитарных политиков. Надежда Э. Гидденса на победу космополитической точки зрения, напрямую связанной с распространением демократии, сегодня звучит не столь уверенно, как десятилетие назад. Немецкие исследователи также обращают внимание на то, что прогнозы о неизбежной победе демократии над всеми иными политическими формами носили большей частью спекулятивный характер. «И не только это: на протяжении последних четырех лет наблюдается ползучая эрозия демократических и свободолюбивых ценностей» (Gerschewski, et al., 2013). Ученые постулируют «возврат авторитарных великих держав», а Л. Даймонд фиксирует очередной «демократический откат» (Gerschewski, et al., 2013). К тому же сама

демократия нуждается в серьезном обновлении в соответствии с требованиями глобальной эпохи и надежной защите от надвигающихся угроз.

Вместе с тем привычные констатации кризиса демократии, с удовлетворением транслируемые преимущественно право-консервативными политическими силами, не учитывают всех возможных последствий подобного развития событий. Отказ от демократических норм, институтов и процедур означал бы как для отдельных стран, так и для человечества в целом крах с таким трудом наработанных международных норм и режимов взаимодействия и сотрудничества, возвращая человечество в состояние «войны всех против всех». В контексте ясно обозначившихся угроз фундаментализма, национализма и фашизма не трудно представить себе, что может прийти на смену демократии: оголтелый национализм и фашизм уже стоили человечеству двух мировых войн.

Впрочем, не менее рискованным экспериментам подвергают демократию левопопулистские политические силы, использующие «старые», классические процедуры демократии с целью усиливать свой ресурсный политический капитал, не считаясь с возможными политическими последствиями¹. В частности, экономические трудности в ряде стран Евросоюза активно «работают» на левопопулистскую политическую волну: последняя уже активно проявила себя в Греции и набирает силу в Испании. Массовая миграция в Европу из инокультурных регионов мира, прежде всего из государств Африки и Ближнего Востока, подпитывает шовинистические и ультраправые настроения, надувающие паруса удачи правоконсервативным или праворадикальным националистическим (и даже нацистским) партиям, которые уже довольно уверенно и вольготно чувствуют себя в Европарламенте, пытаясь разрушить Евросоюз в угоду своим политическим амбициям. Демократические институты, столь привычные для европейцев, включая независимость суда, соблюдение прав человека, свободы ассоциаций и информации и т.д., либо деформируются, либо активно игнорируются и нарушаются в ряде стран. Прежняя уверенность в успешности европейского проекта отныне не выглядит столь очевидной, хотя обрекать Евросоюз на распад еще рано: внутренние механизмы оздоровления ситуации в нем еще достаточно прочны, а лидеры прилагают немало усилий к разрешению многочисленных возникающих проблем. Однако ключевой проблемой остается выработка ценностного наполнения европейского проекта. Толерантность и мультикультурализм дают сбои, выхолащиваются в условиях

¹ Красноречивым примером стали действия левопопулистского правительства Греции во главе с премьер-министром А. Ципрасом, шантажировавшим коллег по переговорам с целью склонить кредиторов к выгодной для себя сделке (выделение новых кредитов объемом 53 млрд евро для обслуживания гигантского внешнего греческого долга – свыше 300 млрд евро). Левопопулистская «СИРИЗА», активно занимаясь демагогией, намеревалась решить греческие проблемы за счет европейских налогоплательщиков, прежде всего немецких. Внутренний референдум должен был обязать кредиторов «раскошелиться»: 61 % поддержки, высказанной на референдуме, Ципрас надеялся «продать» ЕС в виде сделки по списанию части долгов.

отсутствия своего содержательного наполнения, соответствующего новым условиям и новым вызовам.

Серьезной угрозой не только цивилизованному миру, но и собственно исламской цивилизации сегодня выступает проект радикального исламизма — «Джихад». Ряд исследователей, включая Ф. Фукуяму, скептически оценивают ограниченные возможности воинствующего ислама, подчеркивая, что возрождение ислама основывается на двойном провале, а именно на потере традиционных ценностей в свете западного культурного влияния и одновременной неспособности успешно конкурировать с Западом в хозяйственной и политической сфере. Такая позиция, по его мнению, не может победить. Эту несколько самоуверенную точку зрения корректирует заслуживающее внимания напоминание Р. Дарендорфа о том, что опасные искушения несвободы исходят только от тех движений, которые могут сделать понятным и убедительным тот факт, что им принадлежит будущее. В ином случае они останутся лишь болезненными уколами для Запада, но не альтернативным проектом (Dahrendorf, 2006).

Однако звучали и более тревожные характеристики радикального ислама из уст С. Хантингтона, Э. Геллнера, предостерегавших от недооценки этой новой угрозы цивилизованному миру, отличающейся интегризмом как противоположностью плюрализму, т.е. интеграцией государства, хозяйства и общества в одной идеологической системе. Помимо всего прочего речь идет о поисках уммы (Э. Геллнер), т.е. такой общности, которая избавляет людей от мучительного выбора. Люди, которые благодаря просвещенческой истории последних десятилетий нашли свою индивидуальную идентичность, снова хотят ее отдать, потому что боятся свободы (Dahrendorf, 2006).

«До тех пор, пока ислам остается исламом (каковым он и останется) и Запад остается Западом (что более сомнительно), этот фундаментальный конфликт между двумя великими цивилизациями и свойственным каждой образом жизни будет продолжаться, определяя взаимоотношения этих цивилизаций в будущем в той же мере, в какой он определял их на протяжении минувших четырнадцати столетий», — писал С. Хантингтон (Хантингтон, 2003). Это конфликт между либеральным и фундаментально нелиберальным порядком. Немало людей видят в усиливающемся исламе как угрозу, так и искушение. Хорошо образованные молодые люди искушаются исламом и соблазняются высшей воинственностью, простирающейся до актов самоубийства. Ислам, который вербует сторонников, многого от них требует, укрепляет свои антизападные позиции, тогда как Запад — демографически и ментально (в плане своего самосознания) — приходит в упадок. Хантингтон не был уверен в том, сможет ли смягчиться отношение «квази-войны» до «холодной войны» или даже до «холодного мира», но предостерегал от того, что линии расколов остаются взрывоопасными, будь то на Кавказе, в Ираке, в Турции или в городах и пригородах Европы.

Вместе с тем проблема не ограничивается только исламом. Фундаменталистские искушения присутствуют во всех религиях, а также в многочисленных псевдорелигиях. Они обращаются против просвещения, конституируются как антипросвещение. Наука — от генетических исследований до биологического учения о развитии («дарвинизма») — также попадает под прицел фундаменталистов. Одновременно с современной наукой под подозрением оказывается вся остальная символика современности: техника, хозяйство, прежде всего там, где можно изобразить черными красками угрозу глобализации, масс-медиа во всех их современных агрегатах. При этом именно они так же интенсивно используются, как и осуждаются. В целом же антипросвещение является не столько возвращением к домашнему Прошлому (Старому) (как оно это подает), сколько борьбой всеми средствами современности против Нового.

С тезисом о том, что ключевым водоразделом мира будущего будет ценностный конфликт, солидаризируются и многие отечественные авторы, правда, с примечательными оговорками. По мнению А. В. Лукина, современный глобальный конфликт формируется между моральным и ценностным релятивизмом, якобы свойственным западной цивилизации, и принципом абсолютных ценностей, характерных незападным цивилизациям, включая православнославянскую во главе с Россией (Лукин, 2014). При этом автору претит четкая и ясная идентификация вторых как консерваторов и традиционалистов, о чем он неоднократно проговаривается, доказывая (не всегда, впрочем, убедительно) созидательный характер консерватизма, препятствующего сползанию к хаосу, первобытному состоянию и т.д.

Концепция абсолютных ценностей, освященных божественным разумом и не подлежащих эволюции, разумеется, удобна для диктаторов и ортодоксов всех мастей, тем более что сами они не в состоянии предложить более привлекательный и теоретически фундированный общественный проект. Собственно, именно это имел в виду Ф. Фукуяма, когда констатировал исчерпание привлекательности левой идеи вследствие краха СССР и олицетворяемого им социалистического проекта и одиозности национализма, потерпевшего крах в ходе Второй мировой войны. А.В. Лукин вынужден признать, что пока выдвижение моделей, альтернативных западным, действительно производится преимущественно авторитарными лидерами и системами, в которых не используются ведущие достижения западной цивилизации: высокий уровень политической свободы, обеспечиваемой системой разделения властей, верховенством права и т.п. Это в значительной мере лишает такие модели привлекательности. «Даже не признавая политические свободы высшей целью человечества, все же крайне негуманно и даже лицемерно было бы считать их и вовсе ненужными и отрицать их необходимость в качестве благоприятного условия для достижения иных, более высоких целей. Такое отрицание часто является оправданием для вечного и неэффективного правления диктаторов всех мастей и репрессий с их стороны,— отмечает автор.— Поэтому идеальная привлекательная незападная модель должна сочетать в себе высокий уровень свободы с системой абсолютных ценностей. Будет ли кем-то предложена такая модель или борьба по-прежнему будет вестись между двумя традиционными оппонентами — ценностный релятивизм плюс свобода против ценностного абсолютизма в сочетании с авторитаризмом,— покажет будущее» (Лукин, 2014).

Думается, что ответ на этот вопрос показывает скорее не будущее, а прошлое, в особенности тем, кто способен учиться на его уроках. Чем оборачивается сочетание так называемого «ценностного абсолютизма» (например, крови и почвы) с диктаторскими формами организации политической власти и общественной жизни, человечество слишком хорошо познало в XX в., справедливо названном 3. Бжезинским «преступным столетием». Миллионные жертвы были принесены на алтарь победы над нацизмом, фашизмом и милитаризмом всех мастей вовсе не для того, чтобы экспериментировать с этим проектом снова и снова, хотя попытки такого рода не прекращаются. Достаточно вспомнить новую угрозу человечеству — террористическую группировку «Исламское государство² чьи бесчеловечные практики, варварство, в том числе и в отношении культурных ценностей, считающихся мировыми сокровищами, не оставляют никаких сомнений в следовании так называемым «абсолютным ценностям». Наряду с варварскими методами борьбы этот проект в последнее время претерпел изменения в сторону экстерриториальности: в нем больше нет уточнения «Ирака и Леванта», следовательно, такое исламское государство планируется создавать вне привязки к конкретной территории, но неизменно при поддержке ревнителей «абсолютных ценностей». Именно эта фанатичность и превращает феномен $M\Gamma M\Lambda$ в главную угрозу цивилизованному человечеству, поскольку диалог с фанатиками невозможен, рациональные аргументы бессильны. Однако социальный состав террористических группировок, в которых преобладают молодые люди, в том числе из обеспеченных семей, свидетельствует о том, что вовсе не материальные блага являются главным соблазном для тех, кто пополняет ряды террористов. Здесь также идет формирование большого Проекта будущего, собственной идеологии, привлекательной прежде всего для молодых людей, и не только в арабском мире. Победить эту идеологию гораздо сложнее, чем разгромить военные базы террористов: нужно попытаться понять ее природу, секрет ее притягательности и мобилизующей силы, чтобы быть в состоянии развенчать ее антигуманистические соблазны и бесчеловечные практики.

Ближний Восток, ставший ареной так называемой «арабской весны» 2011 г., выявил совокупность факторов, вызвавших волну политических потрясений. В их числе — поздний выход из колониальной зависимости, попытки модернизироваться, экономический провал, коррумпированные несменяемые диктаторские режимы и как реакция на это — поиск ответа в религии, в исламе,

² Террористическая группировка «Исламское государство» (ИГИЛ) запрещена в РФ.

в жесткой оппозиции с собственным правительством. Набор этих факторов присутствует и в других регионах (например, в Средней Азии), вследствие чего они также не застрахованы от возникновения политической нестабильности. Упорное сопротивление коррумпированных правителей обновлению и демократической открытости создает серьезные риски политической радикализации оппозиции, использующей неконвенциональные методы и средства борьбы как вынужденный ответ на репрессии властей.

Чем оборачивается глобальный конфликт для России? Некоторые авторы дают предельно жесткий ответ на этот вопрос: «Сейчас конфликт фундаментализма с современностью становится знаком времени: террор, угроза ядерного шантажа, беженцы, — пишет А. Рубцов. — И вот Россия в гигантской миниатюре начинает воспроизводить внутри себя этот конфликт с мутной архаикой, всплывающей, будто вовсе из другого времени, в другом измерении» (Рубцов, 2015). Архаизация общественной жизни действительно имеет место, хотя оценка автора, вероятно, излишне жесткая. Однако глобальный конфликт не просто непосредственно затрагивает Россию, но и кардинально меняет политическую повестку дня, содержание общественного дискурса, формы коммуникации государства с гражданским обществом, статус оппозиции, систему базовых ценностей, затрагивая даже конституционные основы государства. Достаточно обратить внимание на изменение дискурса и лексикона власти. До 2011 г. последний (т.е. лексикон власти) был наполнен терминами будущего: модернизация, глобализация, смена вектора, диверсификация, инновации, человеческий капитал и экономика знания, технопарки и внедренческие зоны, hi-tech, startup и т.д. После 2012 г. произошла своеобразная «перезагрузка», ознаменовавшаяся выдвижением на первый план иных терминов: духовные ценности, идентичность и самобытность, генетический код, скрепы, нравственные устои, моральное превосходство и даже «целомудрие». Налицо все атрибуты традиционализма, трактуемого как консервативный ренессанс, якобы необходимый и даже спасительный для страны в условиях обострившихся внешних угроз.

В таких условиях весьма тревожным фактом выглядит отсутствие должного внимания к проектированию будущего, которое фактически отодвинуто на периферию общественного внимания вследствие актуальных политических событий. Более того, остракизму подвергается любая теория, объясняющая и, следовательно, оправдывающая необходимость своевременных политических изменений как профилактики политической нестабильности и конфликтогенности. Напротив, причины нестабильности пытаются связать именно с изменениями, вследствие чего проблема политической динамики вообще исчезает из актуальной повестки дня.

Между тем необходимость качественного государственного управления и стратегического мышления в нынешнем сложном веке чрезвычайно велика и отмечается практически всеми исследователями и политиками, размышля-

ющими о судьбах государства в условиях глобализации (Фукуяма, 2006). По словам творца сингапурского «экономического чуда» Ли Куан Ю, нет иной приемлемой альтернативы глобальной интеграции. «Протекционизм, скрытый под личиной регионализма, рано или поздно приведет к конфликтам и войнам между региональными блоками, поскольку они соревнуются за получение выгод во внеблоковых районах, подобных нефтяным странам Залива. Глобализм — это единственный ответ, который справедлив, приемлем и будет поддерживать мир во всем мире» (Никитенко, 2015).

Приходится с сожалением признать, что в российском политическом дискурсе в оценках происходящих процессов и реакции на них некоторые авторы руководствуются иными принципами, в частности, «фундаментально нелиберальным» (С. Хантингтон) методологическим национализмом. Однако последствия решений, продиктованных крайностями этой парадигмы, могут оказаться весьма негативными. Так, в частности, предпринимаются попытки переоценки самого концепта государства, когда последнее трактуется как нерасчлененное целое; понятие «гражданского общества» как совокупности автономных образований и объединений людей, сдерживающих чрезмерную экспансию государства в сопредельные сферы, трактуется намеренно превратно. При таких трактовках исчезает внутренняя политика как конкуренция политических сил, в ходе которой вырабатывается общенациональный консенсус по наиболее значимым для общества проблемам. Это фактически означает возвращение назад, в XVII век, когда государство и гражданское общество еще воспринимались как единое нерасчлененное целое, а сувереном власти выступал не народ, а абсолютный монарх. Проблематика суверенитета также подвергается весьма произвольным трактовкам либо откровенно табуируется³.

Не могут не вызывать тревогу попытки некоторых авторов представить право государства на насилие как первичное по отношению к правам граждан, как основание и источник власти, что позволяет применять его не как последний аргумент, а как превентивную меру. Отсюда же проистекает искреннее презрение к идее любых переговоров и «уступок» чьим-либо требованиям, включая самих граждан. Парадоксальным образом эта позиция считается по-настоящему «государственной». Но в действительности именно злоупотребление монополией государства на насилие ведет к подрыву этой монополии, а в конечном счете — к подрыву государственности. Это наглядно продемонстрировали события «арабской весны» 2011 г., а также кризис легитимности постсоветских режимов в Грузии, Киргизии, Украине.

Современные исследователи эволюции государства и обретения им статуса политического института обращают внимание на то, что политическая сфера есть плод исторической эволюции общества, отразившая институционализацию государством неконгруэнтных методов в публичной и в латентной сферах, в ор-

³ См. например: (Матвейчев, 2014).

ганизации массового дискурса и в процессе принятия решений. «Такой взгляд на динамику политических процессов показывает возможность не только дальнейшего усложнения конфигурации политической сферы (к примеру, в связи с усилением позиций международных игроков на национальных площадках), но и деинституционализации отдельных внутриполитических арен (например, в связи с новыми формами взаимодействия online и offline коммуникаций) и даже их исторического полураспада (распада)», — считает А.И. Соловьев (Соловьев, 2014). Следовательно, политические компетенции государства обещают и впредь не упрощаться, но усложняться и множиться, порождая новые, еще более сложные формы взаимосвязей его функциональных граней. Это будет предъявлять все более высокие требования к тем, кто, говоря словами К. Поппера, «населяет» государственные институты, т.е. к правящей элите.

Весьма опасными представляются также усилия некоторых активистов дифференцировать население по степени патриотичности, что прямо нарушает конституционные права и свободы граждан: свободу слова, собраний, демонстраций и т.д. Заодно происходит фактическое покушение на важнейшую функцию самого государства — обеспечивать социальный мир, формировать общественное согласие. Общепризнанной задачей современного государства является управление в интересах и к выгоде всех своих граждан. В силу этого оно обезличено (impersonal), наличие гражданства само по себе гарантирует определенные права и статус вне зависимости от наличия полезных связей либо каких-то иных преференций.

Опасения по поводу эрозии государственного суверенитета, типичные для современных консерваторов — охранителей, по сути, исходят из представления о некоем золотом веке, в котором национальные государства якобы обладали абсолютным контролем над своими ресурсами и территорией. Однако подобные представления сильно мифологизированы и не соответствуют действительности. Суверенная государственность никогда не была абсолютной, однако традиция абсолютизации государственного суверенитета, сформировавшаяся на протяжении XIX-XX вв., наложила свой отпечаток на эти представления. «В действительности постоянно существовало определенное несоответствие между идеями и реалиями политического суверенитета, — отмечает М. Ноженко. — Это было связано с тем, что, во-первых, национальные политические сообщества вырабатывают и осуществляют решения и политический курс, не всегда руководствуясь только своими собственными интересами... Во-вторых, общество никогда не было просто национальным. Напротив, оно всегда было и транснациональным, то есть включало в себя отношения, которые свободно простирались за национальные границы» (Ноженко, 2007). Общество также было «геополитическим», включающим в себя отношения между национальными единицами. Таким образом, транснациональные отношения возникли не в «постсовременный период», они накладывали ограничения на

суверенитет государств всегда и везде. И даже в периоды автаркии, которые переживали государства в XIX и XX вв., «финансовый капитал, как правило, всегда оставался в значительной мере транснациональным» (Ноженко, 2007).

Стратегия охранительства, избранная российской правящей элитой, может иметь успех в тактическом плане, поскольку позволяет добиться общественной консолидации на основе сохранения самобытности и традиционных ценностей, встречающих поддержку широких слоев населения, испытывающих страх пред неопределенностью будущего и рисками дестабилизации. Однако стратегически она может обернуться колоссальным проигрышем, неэффективной растратой человеческих, материальных и временных ресурсов, которые в сложившихся глобальных условиях являются невосполнимыми.

Тезис о том, что мы живем «в эпоху перемен», в последнее время употребляется настолько часто, что это стирает остроту содержания. Перемены происходили и раньше: мировой опыт — социокультурный, экономический, военно-политический, связанный с доиндустриальной и индустриальной эпохами, подтверждает высокую политическую динамику прошлых эпох. Вместе с тем нельзя не признать, что эти перемены имели иную скорость социального времени. Начиная примерно с последней трети ХХ в. социальное время ускоряется, разночтения множатся, и мир обретает новый статус, который сегодня можно определить как «сложный мир». «Опознание, осознание изменившихся обстоятельств отстает от реальности, и, как результат, мы попадаем в ловушки неточных карт и дефицита имен для нахлынувшей новизны, — отмечает А. Неклесса. — Сложный мир предполагает смену типа рефлексии: сложному обществу требуется сложный субъект, способный к быстрому анализу и комплексному действию» (Неклесса, 2015). Эти слова впору адресовать не только политикам, обязанным объединить свои усилия в борьбе против новых надвигающихся угроз, но и исследователям-политологам, получающим возможность подтвердить свой высокий научный статус точной диагностикой этих вызовов и поиском убедительных ответов на них.

Библиографический список

- 1. Галкин, А. А. (2014). Фашизм как общественный недуг. Берегиня 777 Сова. *Научный журнал*, 23 (4), 11–21.
- 2. Гидденс, Э. (2004). Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Москва: Весь Мир.
- 3. Дарендорф, Р. (1994). Размышления о революции в Европе (в письме некоему господину в Варшаве). *Путь. Международный философский журнал*, 6, 99.
- 4. Дарендорф, Р. (2002). *Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы.* Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).
- 5. Кравченко, С. А. (2014). «Нормальная аномия»: контуры концепции. *Социологические исследования*, 364 (8), 3–10.

- 6. Аукин, А. В. (2014). Столкновение ценностей в современном мире и перспективы евразийской интеграции. *Полис. Политические исследования*, 6, 102–113. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.08.
- 7. Матвейчев, О. А. (2014). Актуальность понятия «суверенитет» в современном мире. *Тетради по консерватизму*, 3, 157–165.
- 8. Неклесса, А. И. (2015, 10 июня). Черные лебеди над Донбассом. *Независимая газе- ma*, 115 (6446). Режим доступа http://www.ng.ru/ideas/2015–06–10/5_donbass.html
- 9. Никитенко, Н. (ред.) (2015). Сингапурское чудо: Ли Куан Ю. Москва: АСТ.
- 10. Ноженко, М. В. (2007). *Национальные государства в Европе*. Санкт-Петербург: Норма.
- 11. Рубцов, А. (2015, 16 сентября). Разворот над Атлантидой. *Новая газета*, 101. Режим доступа http://www.novayagazeta.ru/comments/69948.html
- 12. Соловьев, А. В. (2014). Государство как политический институт: проблема теоретической идентификации. Вестник Воронежского госуниверситета. Серия: История. Политология. Социология, 4, 24–130.
- 13. Фукуяма, Ф. (2006). *Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке.* Москва: АСТ, АСТ Москва, Хранитель.
- 14. Хантингтон, С. (2003). Столкновение цивилизаций. Москва: АСТ.
- 15. Dahrendorf, R. (2003). *Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21. Jahrhundert.* Muenchen: Verlag C. H. Beck oHG.
- 16. Dahrendorf, R. (2006). Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung). Munchen: Verlag C. H. Beck oHG.
- 17. Gerschewski, J., Merkel, W., Schmotz, A., Stefes, C., Tanneberg, D. (2013). Warum uberleben Diktaturen. *Politische Vierteljahresschrift*, 47, 106–131.

Статья поступила в редакцию 22.08.2015.

CONTEMPORARY GLOBAL CONFLICT AND ITS NATIONAL PROJECTIONS (CONFLICT-ORIENTED DISCOURSE)

Glukhova A. V.

Gluhova Aleksandra Viktorovna, Voronezh State University, 394088, Russia, Voronezh region, Voronezh, 15 V. Nevsky Street. E-mail: avglukhova@mail.ru

The article is dedicated to new risks which were caused by the globalization and to identity bases of contemporary political conflicts. The author gives viewpoints of well-known scientists concerning the main cleavage that determines a contemporary global conflict as a conflict between fundamentalism and cosmopolitan tolerance (A. Hiddens), between extreme nationalism (fascism) and pluralism of civil society (R. Dahrendorf), and between liberal and fundamentally illiberal order (S. Huntington). It is noted that in different regions of the world, the role of right and left populism is increasing. The global main cleavage resonates into regional and national "domains", thus causing confrontation between modern and archaic, democracy and different types of authoritarianism, openness to the outside world and autarky (self-sufficiency mode). The conservatism strategy that was chosen by some ruling elites could be efficient in terms of tactics as it allows to achieve social consolidation on the basis of preserving uniqueness and traditional values supported by the population at large that is in fear of uncertain future and destabilization risks. However, in terms of strategy it can lead to a great

loss and inefficient waste of human, material and time recourses that are irreplaceable in the current global environment.

Key words: globalization, risk, global political conflict, main cleavage, fundamentalism, cosmopolitan tolerance, liberal order.

References

- 1. Dahrendorf, R. (2003). *Auf der Suche nach einen neuen Ordnung. Vorlesungen zur Politik der Freiheit im 21.* Jahrhundert. Muenchen: Verlag C. H. Beck oHG.
- 2. Dahrendorf, R. (2006). Versuchungen der Unfreiheit (Die Intellektuellen in Zeiten der Prufung). Munchen: Verlag C. H. Beck oHG.
- 3. Darendorf, R. (1994). Razmyshleniya o revolyutsii v Evrope (v pis'me nekoemu gospodinu v Varshave) [Reflections about Revolution in Europe (In the Letter to Certain Mister in Warsaw)]. *Put'. Mezhdunarodnyy filosofskiy zhurnal* [Way. International Philosophical Magazine], 6, 99.
- 4. Darendorf, R. (2002). *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [Modern Social Conflict. Freedom Policy Sketch]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
- 5. Fukuyama, F. (2006). *Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoy poryadok v XXI veke* [Strong State: Management and a World Order in the XXI Century]. Moscow: AST, AST Moskva, Khranitel'.
- 6. Galkin, A. A. (2014). Fashizm kak obshchestvennyy nedug [Fascism as Public Illness]. Bereginya 777 Sova. *Nauchnyy zhurnal* [Scientific Magazine], 23 (4), 11–21.
- 7. Gerschewski, J., Merkel, W., Schmotz, A., Stefes, C., Tanneberg, D. (2013). Warum uberleben Diktaturen. *Politische Vierteljahresschrift*, 47, 106–131.
- 8. Giddens, E. (2004). *Uskol'zayushchiy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The Escaping World: as Globalization Changes Our Life]. Moscow: Ves' Mir.
- 9. Khantington, S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsiy* [Collision of Civilizations]. Moscow: AST.
- 10. Kravchenko, S. A. (2014). "Normal'naya anomiya": kontury kontseptsii ["A Normal Anomy": Concept Contours]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Researches], 364 (8), 3–10.
- 11. Lukin, A. V. (2014). Stolknovenie tsennostey v sovremennom mire i perspektivy evraziyskoy integratsii [Collision of Values in the Modern World and Prospects of the Euroasian Integration]. *Polis. Politicheskie issledovaniy*a [Polis. Political Researches], 6, 102–113. DOI: 10.17976/jpps/2014.06.08.
- 12. Matveychev, O. A. (2014). Aktual'nost' ponyatiya "suverenitet" v sovremennom mire [Relevance of the Concept "Sovereignty" of the Modern World]. *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on Conservatism], 3, 157–165.
- 13. Neklessa, A. I. (2015, 10 iyunya). Chernye lebedi nad Donbassom [Black Swans over Donbass]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper], 115 (6446). Retrieved from http://www.ng.ru/ideas/2015–06–10/5_donbass.html
- 14. Nikitenko, N. (red.) (2015). *Singapurskoe chudo: Li Kuan Yu* [Singapore Miracle: Li Kuang Yu]. Moscow: AST.
- 15. Nozhenko, M. V. (2007). *Natsional'nye gosudarstva v Evrope* [National States in Europe]. St. Petersburg: Norma.

- Rubtsov, A. (2015, 16 sentyabrya). Razvorot nad Atlantidoy [A Turn over Atlantis]. *Novaya gazeta* [New Newspaper], 101. Retrieved from http://www.novayagazeta.ru/comments/69948.html
- 17. Solov'ev, A. V. (2014). Gosudarstvo kak politicheskiy institut: problema teoreticheskoy identifikatsii [State as Political Institute: Problem of Theoretical Identification]. *Vestnik Voronezhskogo gosuniversiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology], 4, 24–130.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПРОЦЕСС И КОНФЛИКТЫ: СЛУЧАЙ ВЕНГРИИ¹

Чепели Д., Пражак Г.

Чепели Дьёрдь, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия, H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: csepeli.gyorgy@gmail.com.

Пражак Гергё, Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия, H-1117 Будапешт, Pázmány Péter sétány 1/A. Эл. почта: prazsak@gmail.com.

Работа посвящена дистальным и проксимальным процессам, возникшим в результате конфликтов, вызванных переходом к рыночной экономике и либеральной демократии в Венгрии в период с 1989 по 2010 г. В обсуждении дистальных процессов особое внимание уделяется региональному контексту определения места Венгрии между регионами Западной и Восточной Европы. Последствия нелиберальной перемены в политике Венгрии после 2010 года рассматриваются как наследие центральноевропейской политической культуры, которая вобрала в себя феодальные и капиталистические элементы ментальной и социальной структур. В отношении проксимальных процессов в работе доказывается, что, несмотря на все ожидания, переходу к полноценному демократическому и капиталистическому обществу помешала экзистенциальная и эпистемологическая неустойчивость социума, вызванная непосильным бременем рыночной экономики и либеральной демократии. В результате — рост социального неравенства, углубление бедности в масштабах страны и затруднённость экономического роста, которые усугублялись еще и невозможностью залечить раны прошлого, такие как Холокост и Трианонский договор². Будущее покажет, насколько эффективной окажется Национальная система сотрудничества, созданная в 2010 г.

Ключевые слова: переход, Центральная Европа, эпистемологическая неустойчивость, социальная нестабильность, неравенство, новый авторитаризм.

Введение

Больше 20 лет минуло с «чудесного» 1989 года, когда мировая социалистическая система рухнула как домино и страны Центральной и Восточной Европы обрели подлинный суверенитет и двинулись по дороге, ведущей к либеральной демократии и рыночной экономике. Тимоти Снайдер (Snyder, 2010)

¹ Настоящее исследование было проведено в рамках проекта TÁMOP 4.2.4.A/2-11-1-2012-0001 «Национальная программа совершенствования — Разработка и управление программы сближения системы поддержки студентов и исследователей», ключевой проект, финансируемый Европейским союзом и Венгрией при софинансировании Европейского социального фонда.

 $^{^2}$ Речь идет о мирном договоре по итогам Первой мировой войны, навязанном Венгрии 4 июня 1920 года в Трианонском дворце Версаля.

недавно назвал этот регион «Кровавыми землями». Выдающийся венгерский историк Ене Сюч в своей работе в память Иштвана Бибо в 1983 г. определил их лежащими между западным и восточным полюсами Европы. По мнению Сюча, Запад Европы заканчивался линией, проходящей с севера на юг через Европу от нижнего течения Эльбы-Заале, вдоль Лайты и западной границы древней Паннонии: восточной границы Каролингской империи 800 г.н. э. ... Другим полюсом была Византия, хотя изначально Византия не имела никаких притязаний на Европу; и, так как ее географический центр был расположен в Малой Азии, она и в географическом плане не являлась частью Европы. До окончания тысячелетия Византия имела твердое намерение защищать восточное наследие «римлян» (как они продолжали себя называть) от «варваров» даже ценой территориальных потерь, для этой цели проводя реформы по подобию принятых в древности и поддерживая оборонительную стойкость (Szucs, 1983). Византия унаследовала от Римской империи централизованное бюрократическое государственное устройство на востоке. «Труды средневековой Европы так и остались незавершенными в этом регионе. Подавляющей части этого региона предстояло стать Россией» (Szucs, 1983).

По иронии судьбы, граница бывшей Каролингской империи стала линией, разделившей Европу на два «лагеря» в 1945 г. По словам Ене Сюча, «как будто бы Сталин, Черчилль и Рузвельт тщательно изучили статус-кво века Шарлемань (Карла Великого) в 1130-ю годовщину его смерти» (Szucs, 1983).

В 1948 г. все страны Центральной и Восточной Европы встали на путь государственного социализма, который спустя короткий, но крайне жёсткий период времени перестроил социальные отношения, искоренил прежнее неравенство и обеспечил уверенность в завтрашнем дне, ощущаемую с первого до последнего дня жизни. Цена этой уверенности — свобода. Страны больше не были свободными, как и их жители.

Все это закончилось в «чудесном году» 1989/90. Начала складываться новая система, у которой были определенные предпосылки, но которая так и не была в полной мере создана до 1945 г. Страны Центральной и Восточной Европы выбрали путь, ведущий к либеральной демократии и рыночной экономике.

Переход не обошелся без злоключений, но в конечном счете новая система закрепилась во всех странах, и присоединение к Европейскому союзу в еще большей степени поспособствовало этому процессу. В результате перехода от государственного социализма к либеральной демократии и рыночной экономике по всем постсоциалистическим странам прокатилась волна конфликтов. Экономические, политические и культурные, они, однако, никогда не достигали этапа разрушения. Межэтнические конфликты, расколовшие бывшую Югославию в первом десятилетии перехода, или недавний конфликт между Россией и Украиной являются исключениями.

Обычно конфликты, которым способствовал переход во всех постсоциалистических странах, нужно было понимать как противостояния, которые верно интерпретировал Хайдеггер как процесс, который «разделяет тех, кто противостоит друг другу, и именно это разделение делает очевидным противостоящим сторонам сущность друг друга, которая проявляется и выходит на поверхность, а это, так сказать, умозрительное проявление, следуя греческой философской мысли, становится явным и верным» (Heidegger, 1985). Конфликтам, вызванным переходом от государственного социализма к капитализму, в каждой стране были найдены свои конструктивные решения (Lavigne, 1999).

В данной статье мы ставим вопрос: отличается ли от остальных случай Венгрии? Многие исследователи страны сказали бы, что конфликты в ней достигли такой точки, за которой уже не представляются возможными никакие конструктивные решения. С другой стороны, существуют аргументы в пользу того, что конфликты в Венгрии в сравнении с конфликтами во всех остальных постсоциалистических странах, по сути, имеют тот же характер. Более того, можно сказать, что сегодняшняя Венгрия — это завтрашняя Европа, так как признаки кризиса либеральной демократии и государства всеобщего благосостояния прослеживаются во всех и в каждой из европейских стран (Jensen, 2010).

Принятие конституции Венгрии в 2010 году

Несомненно, переходный процесс в этой стране сменил курс с 2010 г. Правительство и люди, стоящие за ним, восстали против либеральной демократии и рыночной экономики. Во-первых, мы бы хотели сначала продемонстрировать изменения, произошедшие в правовой системе. Затем мы бы хотели предложить несколько объяснений нелиберальным изменениям, корни которых нужно искать в общераспространенном разочаровании в либеральном политическом, культурном и экономическом порядке двух десятилетий. Мы попытаемся понять, почему большинство людей сбежало от политической, культурной и экономической свободы, обещанной этим переходом.

На выборах в Национальное собрание 2010 г. победившая политическая сила получила поддержку 2/3 населения, и это кардинально изменило характер функционирования страны. На Пасху 2011 г. Венгрия получила новую Конституцию, которая значительно видоизменила либеральную систему страны, ослабив правовой и общественный контроль над исполнительной властью. Изменения коснулись и независимости суда, а также системы обеспечения правопорядка. Власть конституционного суда была серьезно ограничена. Более того, последующие изменения в правовой системе наложили ограничения и на свободу вероисповедания и на свободу слова. Общественные СМИ попали под контроль государства, а область влияния независимых средств массовой информации была ограничена прямыми и косвенными способами, такими, как отказ от коммерческой рекламы в государственных компаниях и особые условия нало-

гообложения. По данным вышедшего в мае 2013 г. отчета организации Human Rights Watch³, в марте 2013 г. венгерское правительство «ввело дополнительные изменения в конституцию, которые не только сдерживают полномочия конституционного суда в рассмотрении существенных положений конституции, но также легализуют положения, которые позволяют расценивать бездомность как правонарушение, трактуют понятие «семья» в ограничительном ключе и ограничивают право регистрации для церквей».

В соответствии с Народным признанием верности, которое является введением к Конституции Венгрии, «мы отмечаем второй день мая 1990 г., когда первый свободно избранный орган народного представительства был сформирован, как день восстановления самоопределения нашей страны, утерянного девятнадцатого марта 1944 года» (Народное признание). Это заявление, с которым политические силы пришли к власти в 2010 г., поставило их на весьма зыбкую почву. Фактически в этот день Венгрия была оккупирована вермахтом по приказу Гитлера, но регент не потерял свое место и назначил новое правительство под руководством Дёме Стояи. Это правительство было готово подготовить юридическую и административную базу для немедленной депортации венгерских евреев, живущих за пределами города. Регент, однако, смог положить конец депортации евреев из Будапешта 6 июля 1944 г. Фактическая утрата самоопределения произошла 15 октября, когда сам регент был депортирован и в результате государственного переворота при поддержке германского правительства власть захватила партия скрещенных стрел⁴. Заявление, касающееся утраты самоопределения, не признает, что в 1945 г. в Венгрии были проведены свободные выборы и, хотя и на непродолжительный период времени, забрезжила возможность развития по либеральному пути. Она не была реализована, так как согласно решениям Ялтинской конференции Венгрия попала в зону влияния Советского Союза. 1948 г. стал поворотным, и после него вплоть до 1989 г. в Венгрии и речи не могло быть о создании альтернативной политической и экономической системы, кроме государственного социализма (та же ситуация сложилась во всем регионе от Эльбы до Днестра, которую называли сферой советских интересов). Однако Народное признание верно утверждает, что страна вновь приобрела свою полноценную независимость 2 мая 1990 г.

Венгерское общество не смогло понять посыл Трианонского соглашения 1920 г. Общество восприняло его скорее как удар, нежели как возможность (Schivelbusch, 2001). Под силой этого удара венгры могли выбирать между «плохо» и «еще хуже». Эти варианты зародились в социально-психологическом пространстве национализма, антисемитизма и авторитаризма. В итоге был

³ Human Rights Watch – неправительственная организация, осуществляющая мониторинг проблем прав человека в различных странах мира.

 $^{^4}$ Национал-социалистическая организация в Венгрии под руководством Ф. Салаши (Extreme Right National Socialist Party led by Ferenc Szálasi).

выбран худший из вариантов, приведший к участию во Второй мировой войне как союзника национал-социалистической Германии, откуда уже невозможно было вырваться, даже несмотря на лучшие намерения правительства.

Невозможность вырваться из ловушки Трианонского соглашения отражена в новом законе о гражданстве, принятом в мае 2010 г. и вступившем в силу в январе 2011 г. Данный закон позволяет всем потомкам любого, кто являлся гражданином Венгрии до 1920 г., подать заявление на гражданство, даже если человек не проживает в Венгрии. Закон при этом требует «некоторых знаний венгерского языка», однако не определяет конкретных параметров такового. Этот закон открывает возможность получения венгерского гражданства около 5 миллионам человек, которые будут иметь право участвовать в парламентских выборах, что представляет собой значительное число в сравнении с 8 миллионами венгерских граждан, проживающих на территории страны. К тому же для венгерских граждан, которые эмигрировали недавно в другие страны, и для граждан, считающихся потомками «трианонских сирот», предусмотрены иные правила участия в выборах. Для последней категории граждан процесс голосования стал гораздо проще, в то время как для первой категории он стал более сложным и бюрократическим.

Противоречия перехода от государственного социализма к либеральной демократии и рыночной экономике

Как и во всех постсоциалистических странах, была начата новая система, подобной которой в Венгрии ранее не существовало. Система была реализована, но не без препятствий и сложностей (Csepeli, Muranyi, 2010). Рассмотрим конфликты, которые трудно было преодолеть даже по отдельности, а вместе они привели к катастрофическим последствиям.

В отличие от граждан других постсоциалистических стран, венгры не рассматривали эту перемену как либерализацию. Несмотря на свободные выборы, причины перемен не фиксировались массовым сознанием. Напротив, как и в случае со сменой режима в прошлом, они интерпретировали эти события в «пассивной парадигме действий», как смену погоды. Венгры не чувствовали своей причастности к смене режима, у них скорее было ощущение, что они сбежали из лагеря «порабощенных народов» и затем стали членами НАТО и ЕС в результате чьих-то достижений.

В результате этой смены режима исчезла уверенность в завтрашнем дне. Цитадели крупной социалистический промышленности, шахты, металлургические производства и сталелитейные заводы закрылись, производители промышленной и сельскохозяйственной продукции, которая всегда пользовалась спросом на рынке социалистического экономического сообщества, но не подходила для других рынков, разорились. Появилась безработица, и угроза падения в пропасть стала реальной для миллионов.

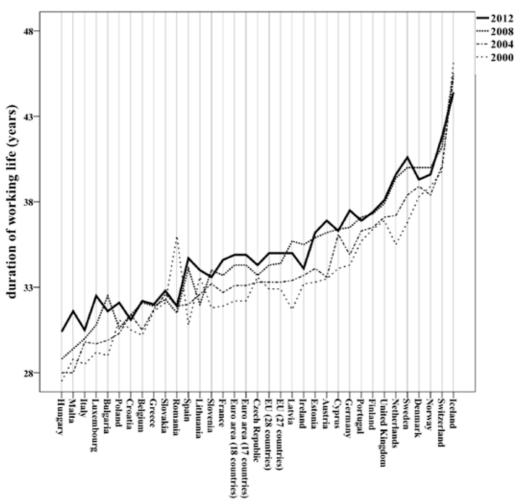

Рис. 1. Изменение продолжительности трудовой жизни в ЕС в период с 2000 по 2014 г.⁵

Легенда: Ось Y — продолжительность трудовой жизни (в годах). Ось X — Венгрия, Мальта, Италия, Люксембург, Болгария, Польша, Хорватия, Бельгия, Греция, Словакия, Румыния, Испания, Литва, Словения, Франция, Еврозона (18 стран), Еврозона (17 стран), Чешская Республика, ЕС (28 стран), ЕС (27 стран), Латвия, Ирландия, Эстония, Австрия, Кипр, Германия, Португалия, Финляндия, Соединенное Королевство, Нидерланды, Швеция, Дания, Норвегия, Швейцария, Исландия.

⁵ «Показатель продолжительности трудовой жизни измеряет число лет, которые молодой человек или девушка в возрасте 15 лет предположительно будут оставаться активными на рынке труда на протяжении своей жизни. Этот показатель рассчитывается на основе стохастической модели, объединяющей демографические данные (таблицы примерной продолжительности жизни, предоставляемые Евростатом для расчета функции долговечности) и данные рынка труда (исследование рабочей силы относится к конкретной возрастной группе)». Евростат, 2014.

Всем без исключения постсоциалистическим странам пришлось заплатить свою социально-экономическую цену за такой переход (Lane, 2007). Что выделяет ситуацию в Венгрии, так это хроническое состояние бездействия и очевидно малое число людей, активно занятых в экономике (см. рис. 1).

С изменением режима кардинально поменялось и мировоззрение. Во времена государственного социализма венгры считали свою страну «самым счастливым бараком» социалистического лагеря, и не без причин. Они сравнивали себя с Румынией Чаушеску, Чехословакией Гусака, ГДР Хонеккера, Болгарией Живкова и Польшей Ярузельского. «Чудесный год» подарил надежду, что Венгрия станет как Австрия или Северная Италия. Но надежды эти, конечно, не оправдались, и «самый счастливый барак» внезапно превратился в «самый грустный торговый центр».

Упадок эпистемологической определённости был еще худшим последствием, чем исчезновение уверенности в завтрашнем дне. Известная работа Вацлава Гавела о «жизни в истине» доказывает, что эпистемологическая определенность не отличала Венгрию. Власть безвластных, коренившаяся в вере в истину, была типичной для всех стран Восточной и Центральной Европы (Гавел, Кин, 1985). Вацлав Гавел утверждал, что социализм — ложь, противостоящая истине капитализма. В Венгрии это утверждение понималось по-своему. Для тех, кто верил в истинность социализма, ложью был капитализм, а для тех, кто верил в истинность капитализма, ложью был социализм. При этом обе стороны считали, что о социалистической реальности можно судить с опорой на стандарты истинности и ложности.

Аиберализация общественного мнения выявила, что таких стандартов не существует. Процесс переоценки ценностей начался и все еще продолжается. Герои стали предателями, а предатели — героями. Определенность испарилась из суждений об историческом прошлом. Из-за трианонской травмы и никогда не обсуждавшегося участия Венгрии в Холокосте высвободившаяся эпистемологическая неопределенность имела колоссальное влияние. Представления периода до 1945 г., которые с 1945 по 1990 г. считались ложными, вновь возникли, в том числе антисемитизм, ирредентизм, национальное превосходство и альтернативная отечественная история, подчеркивающая восточное происхождение народа. Пользуясь общественным неудовлетворением, эти представления стали основополагающими идеологическими и политическими мотивами для многих людей, в частности для молодежи, которые искали свое место в этом все более и более неясном мире.

Новые структурные изменения общественного мнения привели к разрушительным социально-психологическим последствиям. Общественные СМИ стали полем боя конкурирующих политических элит. Не было создано форумов демократической политической коммуникации, и общественные дискуссии в отношении ключевых аспектов смены режима стали невозможны. Система

была демократичной, но ей не хватало демократов, которые были бы достаточно образованы, чтобы отвечать за общественные СМИ. Вместо этого публику захватили коммерческие средства массовой информации, которые предлагали развлечения, далекие от политики, в том числе служащие удовлетворению самых низменных духовных потребностей. В полученном коммуникационном пространстве вернувшиеся из прошлого антилиберальные и антикапиталистические взгляды крайне правой политической идеологии легко нашли своих последователей.

Вопреки ожиданиям, гражданское общество (societas civilis), которое стало бы школой демократической жизни и мастерской по созданию солидарности, ответственности и доверию, не было усиленно или завершено. По сути, не были образованы именно те ценности, которые и скрепляют современное общество. Развитию гражданского общества мешало отсутствие западных традиций. «Пустой индивидуализм» венгров, так умело описанный Элемером Ханкиссом (Hankiss, 1982) в восьмидесятых годах прошлого столетия, оказал негативное влияние. Государство, на первый взгляд, не отказалось от своей первоочередной роли в определении перераспределения средств, предназначенных для гражданского общества. Сами люди не знают, как создать, финансировать и контролировать гражданские организации независимо от государства (Jensen, Miszlivetz, 1988).

В социалистическом обществе не было очень богатых или очень бедных. Было небольшое неравенство, но в результате почти полного контроля экономики со стороны государства, отсутствия безработицы и масштабного перераспределения благ люди, живущие в социалистическом обществе, не ощущали большого разрыва между эгалитарной идеологией и реальностью. У всех была крыша над головой, работа, пенсия к старости и доступ к медицинским, образовательным и культурным услугам. Даже при снижении социальной мобильности мальчики и девочки чувствовали, что у них есть возможность достичь более высокого статуса, нежели тот, что имеют их мамы и папы.

После 1990 г. стало происходить обратное. Социальное неравенство стало очевидным и разительным. Большинство венгров чувствовали, что проиграли от смены режима, и никто не верил, что «победители» стали богаче благодаря своим навыкам, свершениям и принятию рискованных решений. Скорее основное мнение сводилось к тому, что это богатство возникло благодаря связям, которые активизировал государственный социализм, и незаконным способам обогащения (Kluegel, Mason, Wegener, 1995). Пропасть между богатыми и бедными разрасталась, средний класс стал скатываться вниз. В настоящее время 1/10 часть населения считается средним классом по стандартам ЕС. Остальные 9/10 относятся либо к бедным, либо к одной из групп, приближающихся к бедности (Onody, 2014). Школьная система воспроизводила это социальное неравенство и не могла дать шанс продвижения новым поколениям, которые только начинают жить.

Результаты недавнего исследования Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся (PISA) подтверждают, что школа порождает социальное неравенство. В качестве примера используем результаты изучения уровня математической грамотности. Хорошо известно, что высокий уровень математической грамотности — надежный идентификатор хороших шансов трудоустройства в будущем для молодежи. Неравенство в распределении математических навыков никак не предполагает неравенство в распределении благ в рамках одного народа. По данным отчета PISA, Венгрия — среди стран, где старшеклассники демонстрируют уровень подготовки по математике ниже среднего, они и находятся ниже среднего уровня равенства образовательных возможностей. Это доказывает, что старшеклассники, имеющие преимущества в социально-экономическом плане, значительно обгоняют в математике тех, кто такого преимущества не имеет. Венгрия, однако, не одинока в этой группе. Словакия, Болгария, Румыния — те постсоциалистические страны, где система образования, как правило, порождает социально-экономические преимущества и отставания (см. рис. 2).

В 2004 г. Венгрия присоединилась к ЕС. Однако это присоединение послужило источником разочарования. Из-за системы распределения крупных денежных средств, которые страна получает через ЕС, рациональное использование средств стало совершенно невозможным. Средства, выделяемые ЕС, тратились не на те цели, которые могли бы сдержать негативные социальные, экономические и культурные процессы, сопутствующие смене режима. В результате произошли определенные изменения: на главных площадях сельских поселений появились фонтаны, были отреставрированы средневековые замки, в бедных деревушках возникли роскошные игровые площадки, по крупным городам пустили новые трамваи, а в Будапеште построили крайне дорогую линию метро, которая никому не нужна. Так как для создания новых рабочих мест не было сделано ровным счетом ничего, обделенные города не могут получить никакой выгоды от развития в контексте экономического роста. Может статься, что растрачивание впустую грантов ЕС вовсе не характерно для одной только Венгрии.

Экономика, запущенная на капиталистическую орбиту, оказалась неспособна к расширенному воспроизводству. Были созданы какие-то островки промышленности, где немногие производили множество товаров с большой совокупной выгодой, но большая часть работников не знала, что станет с их компанией завтра. Можно было не переживать за города, в которые пришли такие компании как Suzuki, Audi или Mercedes. Но из многих городов компании ушли так же легко, как и пришли — как это было с Nokia в г. Комаром или GE в г. Озд. Те, кто имел работу, сегодня её лишился. Для людей, живущих в бедных, экономически неразвитых регионах стала уделом постоянная безработица, так же как детям их была уготована безработица и нехватка образования.

- ♦ Strength of the relationship between performance and socio-economic status is above the OECD average
- Strength of the relationship between performance and socio-economic status is not statistically significantly different from the OECD average
- ♦ Strength of the relationship between performance and socio-economic status is **below** the OECD average

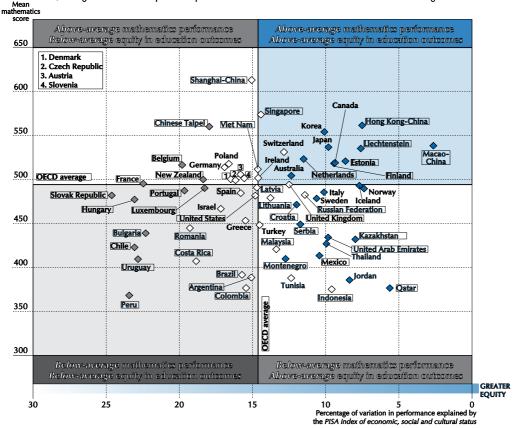

Рис. 2. Уровень математической грамотности и социально-экономический статус в странах—членах Организации экономического сотрудничества и развития (OECD, PISA 2012)

Аегенда и пояснения к графику: Strength of the relationship between performance and socio-economic status is above the OECD average — соотношение между уровнем математической грамотности и социально-экономическим статусом выше среднего по OЭСР. Strength of the relationship between performance and socio-economic status is not statistically significantly different from the OECD average — соотношение между уровнем математической грамотности и социально-экономическим статусом статистически не отличается от среднего по ОЭСР. Strength of the relationship between performance and socio-economic status is below the OECD average — соотношение между уровнем математической грамотности и социально-экономическим статусом ниже среднего по ОЭСР. Ось Y — средний балл по математике. Ось X — процентность вариации экономической грамотности, объясняемая индексом экономического, социального и культурного статуса PISA.

Секторы графика (слева направо): выше среднего уровня граммотности \ ниже среднего уровня образовательных возможностей; выше среднего уровня граммотности \ выше среднего уровня образовательных возможностей; ниже среднего уровня граммотности \ ниже среднего уровня образовательных возможностей; ниже среднего уровня грамотности \ выше среднего уровня образовательных возможностей.

Shanghai — China — Шанхай (Китай), Singapore — Сингапур, Hong Kong-China Гонконг (Китай), Chinese Taipei — Китайский Тайбэй (Тайвань), Korea — Республика Корея, Macao-China — Макао (Китай), Japan — Япония, Liechtenstein — Лихтенштейн, Switzerland — Швейцария, Netherlands — Нидерланды, Estonia — Эстония, Finland — Финляндия, Canada — Kaнaдa, Poland — Польша, Belgium — Бельгия, Germany — Германия, Viet Nam — Вьетнам, 3. Austria — Австрия, Australia — Австралия, Ireland — Ирландия, 4. Slovenia — Словения, 1. Denmark — Дания, New Zealand — Новая Зеландия, 2. Czech Republic — Чешская Республика, France — Франция, United Kingdom — Великобритания, Iceland — Исландия, Latvia — Латвия, Luxembourg — Люксембург, Norway — Hopвегия, Portugal — Португалия, Italy — Италия, Spain — Испания, Russian Federation — Россия, Slovak Republic — Словацкая Республика, United States — США, Lithuania — Литва, Sweden — Швеция, Hungary — Венгрия, Croatia — Хорватия, Israel — Израиль, Greece — Греция, Serbia — Сербия, Turkey — Турция, Romania — Румыния, Bulgaria — Болгария, United Arab Emirates — ОАЭ, Kazakhstan — Казахстан, Thailand — Таиланд, Chile — Чили, Malaysia — Малайзия, Mexico — Мексика, Montenegro — Черногория, Uruguay — Уругвай, Costa Rica — Коста-Рика, Albania — Албания, Brazil — Бразилия, Argentina — Аргентина, Tunisia — Тунис, Jordan — Иордания, Colombia — Колумбия, Qatar — Katap, Indonesia — Индонезия, Peru — Перу.

Социальная политика не смогла предложить иного решения хронической проблемы бедности в результате нехватки рабочих мест, кроме как пособия по безработице, которые не боролись с бедностью. Вместо принятия мер по интеграции социально незащищенных социальная политика поддерживала сегрегацию. Правительство, избранное в 2010 и переизбранное в 2014 г., ввело реформу «обеспечения работой», которая была направлена на призыв безработных и несамодеятельных лиц вступить в ряды армии служащих муниципальных коммунальных предприятий.

За последние десять лет уровень бедности растет все больше. Приведенная ниже таблица показывает неуклонный рост числа бедных. Пропасть между Венгрией и остальной Европой разрастается (см. таб. 1).

Венгрия занимала 26-е место по количеству жителей, терпящих тяжелые лишения, в рейтинге, который был составлен на основе данных из 28 странчленов ЕС (2013).

Жители, попадающие в категорию «цыгане», особенно часто оказываются в группе людей, терпящих лишения. Нецыганское большинство видит иллюзорную взаимосвязь между цыганами, бедностью и сопутствующими ей побочными эффектами (преступность, наркозависимость, проституция). Возникающие

Таблица 1 Численность людей, живущих в бедности, в ЕС (%) 6

	2005	2011	2013
В среднем по 27 странам ЕС	10,8	8,8	9,6
Еврозона (18 стран)	5,9	6,8	7,4
Венгрия	22,9	23,1	26,8

в связи с этим опасения и дискриминация исключают возможность присоединения цыган к категории «нация». Эта комбинация социальных и этнических категорий, воздействие которых взаимно усиливается, стала клеймом, которое не позволяет выбраться из глубин бедности даже тем, кто готов быть мобильным и учиться.

Части Северной и Южной Венгрии, а также значительные изолированные области населены цыганами. Как показывает рис. 3, эти области стали социально и экономически проблемными, в них любое действие межэтнического насилия может спровоцировать разрушительные межэтнические конфликты. Доля цыганского населения в Венгрии – одна из самых высоких среди странчленов ЕС (см. рис 4).

Большая часть населения находится на попечении государства. Официально работающими являются только четверо из десяти граждан Венгрии.

Как показано на рис. 5, в данный момент большинство жителей получает средства к существованию от государства. 60% венгерского населения не имеют независимого источника средств к существованию⁷. Неудивительно, что в силу экономически зависимого положения граждан в их системе ценностей прослеживается психологическая зависимость. Согласно результатам последнего европейского социального исследования, профиль венгерского населения едва ли можно охарактеризовать как автономный и открытый к переменам. Первой

 $^{^7}$ Пенсионные выплаты венгерским гражданам осуществляются государственной системой, в которой не учитывается доход пенсионера во время его прошлой трудовой деятельности.

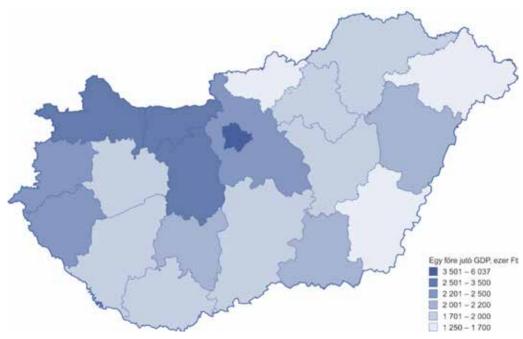

Рис 3. ВВП на душу населения по медье в Венгрии (Венгерский форинт 1000, 2011) 7

ценностью венгров является безопасность, в сравнении с европейцами они менее склонны к конформизму и протесту против власти.

Профиль ценностей, представленный в табл. 2, подтверждает теорию Элемера Ханкисса (Hankiss, 1982) о «пустом индивидуализме» венгров.

Из-за отсутствия политической социализации и политической культуры разочарование, возникшее вследствие экономических, социальных и психологических процессов, сопровождающих перемены, спровоцировало агрессию, искаженное видение ситуации и преследование инакомыслящих членами большинства, которые почувствовали себя жертвами смены режима. Была установлена «культура исключения», которая выводит на периферию общества, объявляет вне закона и клеймит группы, которые не соответствуют «национальным» и «христианским» моделям, включая цыган, либералов, людей с ориентацией, отличающейся от присущей большинству, иностранцев, евреев, наркоманов и индивидов с судимостью.

Согласно результатам опроса общественного мнения, большинство населения разделяет стереотипы, которые сформировались по отношению к людям, принадлежащим к определенным меньшинствам, и сейчас в основном негативно сказываются на цыганах. Как показывает рис. 6, усилилось влияние предрас-

⁸ Центральный офис статистики Венгрии, Региональный атлас – медье, регион. Доступно по ссылке http://www.ksh.hu/teruleti_atlasz_megyek> 28. October 2014.

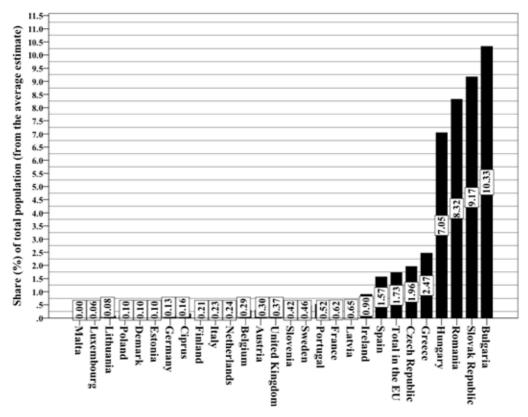

Рис. 4. Доля цыганского населения в странах—членах ЕС ⁸ Легенла:

Ось x — доля (%) от всего населения (вычислено на основе подсчета среднего).

Ось у (по возрастанию) — Мальта, Люксембург, Литва, Польша, Дания, Эстония, Германия, Кипр, Финляндия, Италия, Нидерланды, Бельгия, Австрия, Великобритания, Словения, Швеция, Португалия, Франция, Латвия, Ирландия, Испания, Всего в ЕС, Чешская Республика, Греция, Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария.

судков и шовинизма в распределении общественных благ на умы венгров, что аналогично тенденциям и в других странах периферии ЕС.

Ось х (по возрастанию) — Швеция, Норвегия, Швейцария, Германия, Дания, Нидерланды, Финляндия, Польша, Испания, Бельгия, Италия, Ирландия, Словения, Франция, Великобритания, Болгария, Чехия, Литва, Словакия, Эстония, Португалия, Венгрия, Украина, Албания, Косово, Кипр.

⁹ Информация Европейской комиссии, направленная Парламенту, Совету, Европейскому социально-экономическому комитету и Комитету регионов, Концептуальные рамки стратегий ЕС по национальной интеграции цыган до 2020 года. СОМ (2011) 173

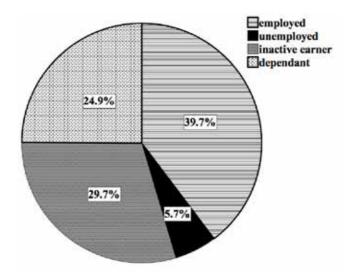

Рис. 5. Распределение венгерского населения по видам занятости, 2011 (Лакатос, 2014)

Легенда: employed — работающие, unemployed — безработные, inactive earner — трудящиеся, в данный момент не участвующие в трудовой деятельности, dependant — находящиеся на попечении государств

Во время событий короткого «двадцатого века», который продлился с 1918 до 1991 г., Венгрия подверглась особенно тяжелым испытаниям. После Первой мировой войны по стране прокатились две революции и одна контрреволюция. Мирный договор, подписанный в 1920 г. в Большом Трианоне, дворце на территории Версальского парка, восстановил независимость Венгерского государства, но не принес радости венгерскому народу, поскольку одна треть венгерского населения и две трети территории, которая ранее принадлежала Венгрии, были отданы соседним странам. До того как Венгрия вступила во Вторую мировую войну, последствия трианонской травмы ослабли, большая часть потерь была восстановлена, но восстановление в правах страны было связано с Германской империей. Поражение Германской империи восстановило прежние размеры усеченной Венгрии. Большое количество евреев, живущих вне страны, вернулись в Венгрию с 1938 по 1941 г. Сначала они разделяли радость всех венгров, с которыми вместе жили на возвращенных территориях. Однако прошло немного времени, и они поняли, что, согласно антисемитским законам, к ним будут относиться как к людям второго сорта. Кульминацией травмы, нанесенной евреям, стала депортация венгерскими властями более 400000 евреев за шесть недель в концентрационный лагерь Аушвиц-Биркенау в мае и июне 1944 г.

Выжившие жертвы антисемитских законов и беднейшие слои сельскохозяйственного пролетариата видели в приходе Советской Армии в 1945 г. осво-

Таблица 2 Профиль ценностей венгров в сравнении с профилем ценностей стран индустриализированного ядра ЕС и всех стран ЕС 10

	EC1	EC2	Венгрия
Благожелательность	0,8 (1)	0,75 (1)	0,44 (2)
Универсализм	0,65 (2)	0,63 (2)	0,39 (3)
Безопасность	0,46 (3)	0,48 (3)	0,63 (1)
Саморегуляция	0,39 (4)	0,36 (4)	0,17 (4)
Традиция	0,12 (5)	0,13 (5)	-0,05 (6)
Конформизм	-0,23 (6)	-0,17 (6)	-0,33 (7)
Гедонизм	-0,27 (7)	-0,34 (7)	0 (5)
Достижение	-0,43 (8)	-0,4 (8)	-0,14 (8)
Поощрение	-0,73 (9)	-0,73 (9)	-0,75 (10)
Власть	-1,11 (10)	-1,03 (10)	-0,57 (9)

бождение, но для большинства это событие было связано с ограничением прав и свобод. Государственная социалистическая система по образцу Советского Союза установилась с 1948 г. и оставалась неизменной долгое время. В 1956 г. поднялось быстро подавленное восстание против системы. За ним последовало решительное возмездие. Однако с 1960 г. жесткость рамок системы начала ослабевать. Если человек не говорил о прошлом, то мог избежать проблем и даже улучшить финансовое положение.

После перемены режима реальные жертвы и потомки людей, травмированных предыдущими событиями, не смогли найти общий язык. Те, кто считал себя в душе «мадьярами», обвиняли своих соотечественников, которые считались «евреями», в равнодушии к скорби и боли трианонской травмы. Те, кто идентифицировал себя евреями, будучи потомками жертв и выживших Холокоста, уличали своих нееврейских сограждан в отсутствии сочувствия к страданиям

 $^{^{10}}$ «EC1»: Бельгия, Дания, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания и Великобритания.

[«]ЕС2»: Бельгия, Болгария, Кипр, Чешская Республика, Германия, Дания, Эстония, Испания, Финляндия, Франция, Великобритания, Ирландия, Италия, Литва, Нидерланды, Польша, Португалия, Швеция, Словения. Данных о странах, которые не были упомянуты, не содержалось в Европейском социальном обзоре 2012 г. Источник данных: ЕСИ 6-й раунд: Европейский социальный обзор, данные 6-го раунда (2012). Издание файла данных 2.0. Норвежская служба данных по социальным наукам, Норвегия – Архив данных и распределительная служба данных ЕСИ.

Мы использовали метод вычисления ценностей человека, предложенный Ш. Шварцем. Шалом Х. Шварц. Предложение по измерению ценностных ориентаций нации [Глава 7 в Отчете по опросу по вопросам развития Европейского социального обзора], доступно по ссылке http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf > 28. Октябрь $2014 \, \mathrm{r}$.

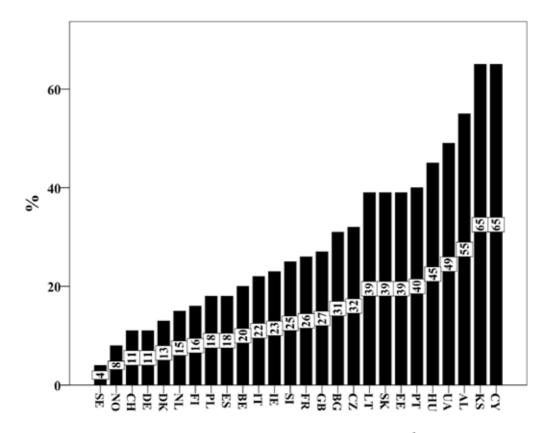

Рис. 6. Предрассудки и шовинизм в распределении социальных благ в европейских странах, 2013 $^{\rm 11}$

людей, которые подверглись преследованиям из-за антисемитских законов в 1939—1944 гг. Конфликты из-за непонимания сделали невозможной организацию достойного дня памяти 70-й годовщины Холокоста в Венгрии.

Также не было установлено контакта между виновниками и жертвами унижений, перенесенных во время социалистического государства. Не были опубликованы документы, которые бы пролили свет на то, кто на кого писал доносы.

В коллективной памяти возникает хаос. Хотя все больше времени проходит с того момента как травмы были перенесены, кажется, что они становятся все актуальней с каждой годовщиной. Преодолеть противостояние с прошлым так и не удалось, а значит, невозможны примирение и искренняя скорбь.

¹¹ Источник: Политический капитал, Дерекс (DEREX – спрос на праворадикальный экстремизм) Индекс. Доступно по ссылке http://derexindex.eu/Onlinedataanalysis 28. Октябрь 2014. Основано на 6 раунде Европейского социального обзора, Издания файла данных 2.0.

Национальная система сотрудничества

В результате кумулятивного воздействия вышеперечисленных обстоятельств наступил кризис либеральной политической системы и рыночной экономики. Политическая сила, сумевшая понять суть кризиса, победила на парламентских выборах в 2010 г. и без промедления начала реформы.

Реформы были направлены на устранение промахов либеральной демократии и рыночной экономики. Более того, стимулом перемен было желание полностью обновить политическую элиту. Преобразования способствовали ограничению политического пространства, на котором были представлены принципы либеральной демократии, подчинению рыночной экономики государству, разрыву с конституциональными принципами, а также захвату и экспроприации национальной памяти.

Инициаторы новой системы назвали ее «Национальной системой сотрудничества», в которой сотрудничать можно было только с руководством, проводящим реформы. Реформы проводились одна за другой, а новая система все больше стала напоминать старую, существовавшую до 1989 г. Стало очевидным намерение исключить всех независимых субъектов из сфер экономики, общественности, культуры и образования, оставив в них только государство. Самоуправление тоже не избежало этой участи. Как и в политической системе, существовавшей до 1989 г., в новой системе 2010 г. центральная власть принимала решения, не обсуждая их с заинтересованными сторонами. Возможность проведения референдумов была значительно ограничена. Автономия университетов была упразднена. Была введена система централизованного среднего образования. Учителей лишили права выбирать учебники, по которым они будут обучать. Банки и компании были национализированы. Деятельность независимых общественных организаций была приостановлена.

Процедура проведения выборов была изменена таким образом, что смещение главы государства и его команды стало практически невозможным. Оппозиция не сразу поняла истинную природу Национального сотрудничества и включилась в предвыборную гонку. Она потерпела сокрушительное поражение в выборах 2014 г., когда правящая партия получила большинство — 2/3 и 45% голосов. Помимо этого, явка избирателей была очень низкой, едва больше 60%. Ким Лейн Шеппеле охарактеризовал выборы следующей фразой: «законные, но несправедливые» (Scheppele, 2014). Результаты выборов в органы местного самоуправления не раз показывали, что политика государства отвечает ожиданиям значительного числа людей.

Левые партии и либеральная оппозиция были разрознены и не могли предложить социальной и политической программы, качественно отличающейся от

 $^{^{12}}$ В выборах 2014 г. не было второго тура, и вследствие изменений в электоральной системе в будущем его также не будет. Источник данных: Nemzeti Választási Iroda, доступно по ссылке http://www.valasztas.hu 28. Октябрь 2014.

той, которая не оправдывала надежд населения уже два десятилетия. При этом ультраправые партии вышли на первый план, и именно партия под названием «За лучшую Венгрию» (Йоббик) может стать альтернативой нынешнему правительству с умеренно правым политическим курсом.

Успехи на выборах в 2014 и 2015 гг. доминирующей политической партии обоснованно вызывают вопрос: почему? Причины, по которым Система национального сотрудничества осталась политически жизнеспособной, несмотря на меры, лишающие свобод, с помощью которых она смогла успешно противостоять конкуренции со стороны ультраправой, левой и либеральной оппозиции, не очевидны.

Можно дать несколько объяснений. Исторически в политической культуре Венгрии не хватало демократических элементов. Период от 1990 до 2010 г. был слишком коротким, чтобы жители Венгрии вошли во вкус демократии. Происходил диаметрально противоположный процесс. С 2002 г. все меньше и меньше людей участвовали в выборах, проходящих раз в четыре года (см. рис. 7). Казалось, что тенденцию к пассивности и отказу от участия невозможно остановить (и она продолжала разрастаться после введения Национальной системы сотрудничества).

Общество не смогло воспринять либеральную демократию и рыночную экономику в качестве альтернативы хаосу. Большинство было расстроено, испытав на себе воздействие «невидимой руки» рынка. В сознании населения демократия ассоциировалась с ощущениями анархии, коррумпированности и мошенничества, что в психологическом смысле лишило смену режима правовых основ. Национальная система сотрудничества, напротив, возродила хорошо знакомые воспоминания о иерархической субординации и усилила стремление возродить власть, которая не терпит возражений и управляет «видимой рукой». Авторы Национальной системы сотрудничества прекрасно понимали, что обществом, большинство членов которого привыкло к авторитарному режиму, следует руководить с помощью авторитарных методов. Хоть они и обладали искусством демагогии в совершенстве, но, тем не менее, знали, что риск проиграть выборы можно существенно снизить, изменив электоральную систему таким образом, чтобы она давала преимущество лицам, уже занимающим посты.

Политических реалий вступления в ЕС и НАТО не было достаточно, чтобы большинство венгров поняли свою принадлежность к Западу. В 1905 г. великий венгерский поэт Эндре Ади очень точно назвал Венгрию «страной-паромом», так как она курсирует между двумя берегами «с востока на запад, но охотнее всего в обратном направлении». Ади мог написать эти строчки и на сто лет позже. Западная система ценностей никогда действительно не была частью венгерской национальной идентичности (Csepeli, 1997). Так как Венгрия веками была лишена независимости, важной частью венгерской национальной идентичности стали подозрительность и недоверие к иностранцам.

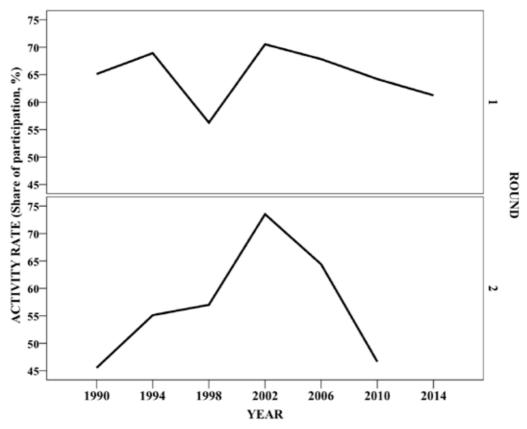

Рис. 7. Показатели участия населения в парламентских выборах между 1990 и 2014 гг. в Венгрии 12

Ось у — показатели активности населения (доля участия,%). ТУР. Ось х — год

Пропаганда Национальной системы сотрудничества ловко воспользовалась чувством разочарования, свойственного национальной идентичности. Стоящие у власти политики, внешне логично аргументируя свою позицию, внушили народу, что Европейский союз является преемником иностранцев, которые когдато притесняли Венгрию (турки, австрийцы, немцы и СССР). Правительство умело сыграло на мотивах борцов за свободу, которые раньше сражались за независимость страны. Эффект был усилен с помощью подогревания полемики, напоминающей о трианонской травме, и национальной жалости к себе, а также культуры жалоб, которые являются прямым следствием восприятия себя в качестве жертвы.

Из-за пренебрежения конституционными стандартами абсолютизм Национального сотрудничества привел к состоянию, описываемому латин-

ским выражением «auctoritas facit legem» (власть создает закон). Поправки к Конституции, принятой в 2011 г., вносились пять раз за три года. Эти поправки все больше сужали поле деятельности, на котором альтернативные политические силы могли противостоять развивающейся нелиберальной политической и экономической системе. Согласно дипломированному социологу Балинту Мадьяру, бывшему министру культуры и образования, новая экономическая элита имеет сходство с организацией мафиозного типа (Magyar, 2013; Magyar, 2014). Хотя можно возразить, что и предыдущая элита также не проявляла осмотрительности в вопросах присвоения государственных активов.

В Венгрии эмиграция, вызванная несогласием с действующей экономической и политической системой, всегда считалась нормальным явлением в прошлом. За четыре года переходного периода почти полмиллиона (424000) венгерских граждан выбрали эмиграцию. Покинуть страну стало легче после вступления в ЕС. В основном уехали молодые предприимчивые люди с образованием, отвечающим требованиям рынка (рис. 8). Процесс продолжается и в данный момент. Так как нет достоверных данных, невозможно сказать, какие у эмигрантов мотивы покинуть страну, но в результате процесс, очевидно, имеет признаки утечки умов.

Перспективы

В краткосрочной перспективе для системы, установившейся в Венгрии в результате выборов в 2010 г., не существует альтернативы. Вследствие неверного применения практик либеральной демократии и рыночной экономики большинство венгерского общества проявило стремление сбежать от свободы, а не принять ее, что является уникальным явлением для региона. Демократия и капитализм были внедрены без согласия народа и стали для него неприятным сюрпризом. Иллюзии, связанные с изменением системы, вскоре разбились о разочарование, исходящее от возрастающего неравенства, экзистенциальной и эпистемологической неуверенности. Недостаток надлежащих средств интеграции вынудил людей прибегать к моделям поведения и видения ситуации, которые были усвоены в прошлом. Антисемитизм, ксенофобия, исключающий национализм, анти-цыганские настроения заполнили когнитивный вакуум, который образовался в результате перехода. Именно эти непредвиденные последствия перехода от государственного социализма к либеральной демократии и рыночной экономике стали основой для «революции через голосование» в 2010 г.

В долгосрочной перспективе система, попирающая либеральные основы, является неустойчивой, поскольку противоречит ценностям ЕС и НАТО, организаций, в которых Венгрия состоит. Сложившаяся в рамках Национальной системой сотрудничества модель управления отрицает ценности и принципы международной среды, в которой существует в данный момент Венгрия. Попытки

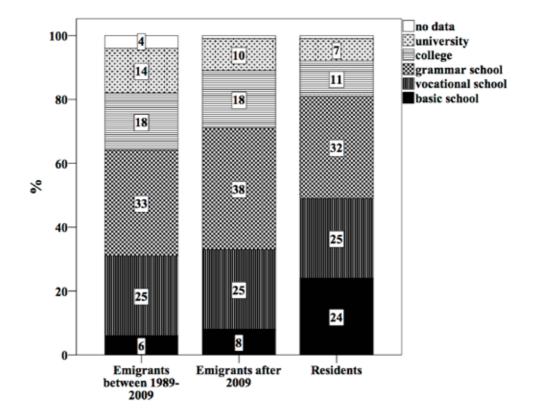

Рис. 8. Распределение эмигрантов в соответствии с уровнем образования по сравнению с местным населением (Центральный офис статистики Венгрии, А SEEMIG, 2014)

Легенда рисунка: По оси х (слева направо) — эмиграция между 1989 и 2009, эмиграция после 2009 г., местное население. Справа от рисунка — нет данных, высшее образование, среднее профессиональное образование, гимназия, профессиональное техническое образование, среднее образование

поменять курс на Восток и заключить альянс с Россий, Китаем и арабскими странами не представляются перспективными. Исторические и социологические доказательства подтверждают, что системы, подавляющие независимость, неспособны расти. Срок существования централизованных систем ограничен. Они слишком поздно реагируют на неизбежно возникающие ошибки и неверные расчеты, что неминуемо ведет к кризису. Национальной системе сотрудничества придется дать свободу действия конкурирующим силам экономического и политического толка, иначе она будет разрушена.

Библиографический список

- A SEEMIG Managing Migration in South East Europe transznacionális együttműködési projekt "Helyzetkép a magyarországi elvándorlásról" című sajtótájékoztatójának sajtóanyaga [Management of migration in Southeast Europe. Projects of cross-border cooperation. A press conference "A situation in Post-Soviet Hungary"]. (2014, October 15). Budapest: Hungarian Central Statistical Office. Retrieved from http://www.ksh.hu/ docs/szolgaltatasok/sajtoszoba/seemig_sajto_reszletes.pdf
- 2. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the regions an EU. Framework for National Roma Integration Strategies up to 2020. (2011, April 5). *EUR-Lex. Access to European Union law.* Retrieved from http://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:52011DC0173
- 3. Csepeli, G. (1997). *National identity in contemporary Hungary*. Fenyo, M.D. (transl.) (Monograph); Highland Lakes: Atlantic Research and Publications, Inc.; New York: Distributed by Columbia University Press
- 4. Csepeli, Gy. & Muranyi, I. (2012). New Authoritarianism in Hungary at the beginning of the 21st century. *Central European Political Science Review*, 13 (50), 65–95.
- 5. Eurostat. Duration of working life. (2014). Retrieved from http://epp.eurostat.ec.europa. eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tsdde420
- 6. Hankiss, E. (1982). *Diagnózisok* [Diagnostics]. Budapest: Magveto.
- 7. Havel, V. & Keane J. (1985). The Power of the Powerless: Citizens Against the State in Central Eastern Europe. New York: Armonk.
- 8. Heidegger, M. (1985). The Self-Assertion of the German University and The Rectorate 1933/34: Facts and Thoughts. *Review of Metaphysics*, 38 (3), 467–502.
- 9. Human Rights Watch. (2013). *Wrong Direction on Rights: Assessing the Impact of Hungary's New Constitution and Laws.* Retrieved from http://www.hrw.org/sites/default/files/reports/hungary0513_ForUpload.pdf
- 10. Hungarian Central Statistical Office. Regional Atlas Counties and regions. (2014). Retrieved from http://www.ksh.hu/teruleti_atlasz_megyek
- 11. Jensen, J. & Miszlivetz, F. (1988). An Emerging Paradox. Civil Society from Above? In D. Rueschemeyer, M. Rueschemeyer and B. Wittrock (Eds.) *Participation and Democracy, East and West: Comparisons and Interpretations* (pp. 83–92). New York: M.E. Sharp.
- 12. Jensen, J. (2010). *Globalization of Management in the World with a Set of Interested Parties*. Saarbruecken: Lambert Academic Publishing
- 13. Kluegel, J. R., Mason D. S. & Wegener B. (Eds.) (1995). *Social Justice and Political Change: Public Opinion in Capitalist and Post-Communist States*. New York: Aldine DeGruyter.
- 14. Lane, D. (2007). Transformation of State Socialism: System Change, Revolution or Something Else? New York: Palgrave Macmillan.
- 15. Lavigne, M. (1999). *The Economics of Transition: From Socialist Economy to Market Economy*. London: Palgrave MacMillan.
- 16. Magyar statisztikai evkonyv [Hungarian Statistical Yearbook] (2014). Budapest: Hungarian Central Statistical Office.

- 17. Magyar, B. (Ed). (2013). *Magyar Polip a posztkommunista maffiaállam* [Hungarian Octopus The Postcommunist Mafia State]. Budapest: Noran Libro.
- 18. Magyar, B. (Ed). (2014). *Magyar Polip a posztkommunista maffiaállam 2* [Hungarian Octopus The Postcommunist Mafia State 2]. Budapest: Noran Libro.
- 19. National Election Office. (2014). Retrieved from http://www.valasztas.hu/en/ovi/index.
- 20. Onody, M. (2014, July 13). Egy rossz körte a magyar társadalom [Rotten apples of the Hungarian society]. *Népszabadság* [Newspaper]. Retrieved from http://nol.hu/belfold/gyengulo-kozeposztaly-1467843
- 21. PISA 2012 Results: Excellence through Equity. V. II. (2013). doi: 10.1787/9789264201132-en
- 22. Political Capital. Demand for Right-Wing Extremism (DEREX) Index. (2014, October 28). Retrieved from http://derexindex.eu/Onlinedataanalysis
- 23. Scheppele, K. L. (2014, April 13). Legal But Not Fair (Hungary). *New York Times*. Retrieved from http://krugman.blogs.nytimes.com/2014/04/13/legal-but-not-fair-hungary/
- 24. Schivelbusch, W. (2001). *Die Kultur der Niederlage: der amerikanische Süden 1865, Frankreich 1871, Deutschland 1918* [The Culture of Defeat: The American South 1865, France 1871, Germany 1918]. Berlin: Fest.
- 25. Schwartz, S. H. (2003). A Proposal for Measuring Value Orientations across Nations. In The Questionnaire Development Package of the European Social Survey. Retrieved from http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ ESS_core_questionnaire_human_values.pdf
- 26. Snyder, T. (2010). Bloodlands: Europe Between Hitler and Stalin. New York: Basic Books.
- 27. Szucs, J. (1983). The three historical regions of Europe. *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 29 (2–4), 131–184.
- 28. Text of the Fundamental Law of Hungary as adopted by the National Assembly on 18 April 2011. Retrieved from http://www.parlament.hu/irom39/02627/02627-0187.pdf
- 29. The European Social Survey (ESS). ESS6–2012 Data Edition 2.0. Retrieved from http://www.europeansocialsurvey.org/data/download.html?r=6

Статья поступила в редакцию 11.07.2015.

TRANSITION AND CONFLICTS: THE CASE OF HUNGARY

Csepeli G., Prazsák G.

Csepeli György, Eötvös Loránd University, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: csepeli.gyorgy@gmail.com.

Prazsák Gergő, Eötvös Loránd University, Hungary, H-1117 Budapest, Pázmány Péter sétány 1/A. E-mail: prazsak@gmail.com.

This research was realised in the framework of the TÁMOP 4.2.4.A/2–11–1–2012–0001 "National Excellence Programme — Elaborating and operating an inland student and researcher personal support system convergence programme" key project, which is subsidized by the European Union and Hungary and co-financed by the European Social Fund.

The paper will deal with the distal and proximal processes resulting in the conflicts stemming from the transition to market economy and liberal democracy in Hungary between 1989 and 2010. Discussing the distal processes special emphasis has been given to the regional con-

text setting Hungary's place between the Western European and the Eastern European regions. The repercussions of the illiberal turn in Hungarian politics after 2010 are discussed as the legacy of the Central European political culture that mixed feudal and capitalist elements of mental and social structure. Concerning the proximal processes the paper argues that against all expectations the transition to a full fledged democratic and capitalist society has been halted by existential and epistemological insecurities unleashed by the unbearable burdens of the market economy and liberal democracy. Increased social inequality, ethnicization of deeppoverty and inability to grow were the consequences that have become worse by the inability to cope with the traumas of the past such as the Holocaust and the Trianon treaty. The future will show how effective the National Cooperation System established in 2010 will be.

Key words: transition, Central Europe, epistemological insecurity, social insecurity, inequality, new authoritarianism.

От редакции

Публикуемая статья венгерских учёных Д. Чепели и Г. Пражака «Переходный процесс и конфликты: случай Венгрии» вызвала оживлённую дискуссию среди членов редакционной коллегии и редакционного совета. Большинство из них сочло, что исследование посвящено актуальной теме и будет интересно читателям. В ходе полемики были высказаны замечания и предложения по доработке статьи, значительная часть из которых учтена авторами. В её тексте научный стиль сочетается с яркостью и эмоциональностью высказываемых суждений, что особенно важно в свете сложных поворотов исторического развития стран Восточной Европы, одной из которых является Венгрия. В настоящее время мы видим и возникновение в регионе новых проблем, в частности, конфликтов, связанных с потоком беженцев из ближневосточных стран. Не со всеми выводами, сделанными в статье, можно согласиться, некоторые из них покажутся спорными и подтолкнут к дальнейшему обсуждению поднятых проблем. Инициирование подобных дискуссий является одной из целей нашего научного журнала. Мы готовы предоставить его страницы для публикации альтернативных точек зрения по данной тематике.

СОВРЕМЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ: КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ И МОДЕЛЕЙ 1

Фадеева Л. А.

Фадеева Любовь Александровна, Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Эл. почта: lafadeeva2007@yandex.ru

В статье рассматриваются научная дискуссия и публичные дебаты о судьбе современного университета через призму конфликта ценностей. Автор полагает, что этот конфликт выражается в отношении к знанию как к услуге или как ко всеобщему благу, на каждом витке истории университета имея свою специфику. Современная ситуация рассматривается автором как беспрецедентная в плане остроты конфликта, активизации протестных настроений, охватывающих разные страны и регионы и носящих глобальный характер. По мнению автора, это свидетельствует о нарастании конструктивного противостояния университетского сообщества неолиберальной модели университета. Такое противостояние сопровождается поисками эффективной новой модели, которая бы основывалась на присущих классическому университету ценностях. Важно, что речь идет именно о ценностной составляющей данного противостояния. Технологические достижения неолиберальной модели в том, что касается механизмов реагирования на требования рынка и потребности окружающей среды, могут быть эффективными. Но такие ее компоненты, как коммерциализация, менеджеризация, бюрократизация, утрата университетской автономии и традиционных академических свобод, вызывают протест. Принципиально новой чертой современного состояния дел автор считает то, что теоретико-философские и морализаторские основания критики данной модели стали сочетаться со все более активными формами борьбы против нее и за иную, демократическую по духу и организации, модель университета.

Ключевые слова: университет, ценности, модели, поиски, борьба, конфликт.

Известный американский ученый Бертон Р. Кларк еще четверть века назад поставил своей задачей исследовать, как устроено и управляется высшее образование, отмечая, что проблема эта требует пристального внимания и последовательного изучения. Он считал принципиально важным при принятии решений относительно этой системы учитывать устойчивые представления, нормы и ценности академического мира, «людей идей», а не навязывать их университету: «Страны совершают грубые промахи в высшем образовании, игнорируя одни важные ценности и сосредотачиваясь на других» (Кларк, (2011).

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ № 14-03-00501 «Европейские университеты в меняющемся мире: институциональная трансформация и стратегии взаимодействия с сообществами».

Ссылка на 1960-е гг. связана с тем, что в это десятилетие проходило бурное развитие системы высшего образования, создание новых университетов, рост численности студентов (Perkin, 1989). Происходила демократизация и параллельно массовизация высшего образования. Это требовало существенной перестройки системы, которая, однако, разворачивалась не столь быстро (Van de Graaf, et al, 1978; Birnbaum, 1983).

Призывы осмыслить, интерпретировать, осознать, переформатировать понимание университета в современном мире звучат настойчиво, повсеместно, усиливаются в зависимости от меняющихся обстоятельств.

Неоконсервативная волна 1980-х гг. с ее ценностями частной инициативы, конкуренции, динамизма, апологией модернизации, менеджеризации и требованием внесения нового духа во все сферы жизни привела к сокращению штатов, расходов, изменению предметов и методов обучения, перестройке учебных планов и управления университетами. Дух конкуренции и профитные ценности, свойственные рынку, провозглашались необходимыми условиями придания гибкости и подвижности системе высшего образования (Brewer, et al, 2002; Dill, 2003). В связи с этим в университетской среде развернулась дискуссия по поводу того, можно ли считать знание товаром или же оно относится к категории общего блага (Nixon, 2011; Плаксина, 2015; Фадеева, 1996).

В этом контексте поднимались вопросы, для чего нужен университет в современном мире, какова его миссия, не окажутся ли коммерциализация и продвижение рыночных ценностей гибельными для университета и его предназначения (Collini, 2012; Остапенко и др., 2014а; Остапенко и др., 2014b). Вместе с тем в ходе дискуссии предлагались и варианты переосмысления университета, его ре-интерпретации, поиска новых моделей и возможностей (Barnett, 2013; Albach, 2004; Smelser, 2013).

Проблемы теоретического и методологического характера пересекаются с вопросами, лежащими в практической плоскости. Замысел данной статьи заключается в том, чтобы рассмотреть, как сталкиваются конфликтующие ценности в современном университете и по отношению к нему в современной ситуации, которая характеризуется нарастанием кризиса. Можно говорить о глобальном характере неудовлетворенности положением дел в университете, основываясь на всплеске протестных действий, организованных студентами и поддержанных преподавателями в целом ряде стран. Причем, как отмечают исследователи, это коснулось не только Франции и стран Южной Европы, для которых протестная активность студентов и преподавателей является элементом университетской субкультуры, но и Нидерландов, Великобритании, Исландии и др. Профессор Лондонского университета Йохан Сиберс объясняет такую активность нарастающим возмущением тем, что «высшее образование и академические исследования в настоящее время стали сугубо инструментальными, преимущественно рассматриваются только лишь с учетом параметров

их экономической эффективности. Университеты, работа которых теперь все чаще основывается на количественных показателях, в возрастающей мере оказываются под диктатом бюрократических управленческих суперструктур. Эти структуры не поддерживают идею понимания природы высшего образования как сущностного общественного блага, а не только как потребительского продукта, который продается и покупается на рынке» (Клягин, 2015). Такая постановка вопроса особенно важна для российских вузов, которые сталкиваются с постоянными ссылками на опыт университетов мирового уровня, зачастую без учета того, что этот опыт далеко не однозначен.

В России 2015 год ознаменовался серией конфликтов в крупных вузах между руководством университетов и профессорско-преподавательским составом по поводу произвола администрации в финансовых и организационных вопросах, роста бюрократизма в университете, попыток заменить сложившуюся систему отбора преподавателей и оплаты их труда. Процесс затронул как столичные, так и региональные университеты, вовлекая вузы и гуманитарной, и технической специализации. Так, с апреля 2015 г. конфликт в МФТИ выплескивается на страницы СМИ и социальных медиа в виде открытых писем и обращений ведущих профессоров к ректору (Гущин, 2015; Виноградов, 2014). Конфликт в УрФУ, участники которого не ограничились письмами ректору, полпреду, министру, а перешли к действиям в виде массового пикетирования, вышел на федеральный уровень, потребовав вмешательства не только министерства, но и представителей Государственной Думы. В университете была создана комиссия по изменениям, а проблемы университета нашли широкое освещение в масс-медиа. «Сегодня все решилось: Уральский федеральный университет все-таки жертвует сотнями преподавателей ради повышения конкурентоспособности. Гуманизм и этика отходят на второй план. Коммунисты готовятся зарабатывать политические дивиденды на «шоковой терапии», предложенной руководством вуза. А лидеры УрФУ, ради получения в будущем статуса исследовательского университета, в настоящем готовы к имиджевым потерям и «аренде» зарубежных профессоров», — так характеризует суть конфликта ведущее информационное издание региона (Демидова, 2015). Корреспондент ссылается на мнение авторитетного эксперта Д. Москвина, что «идеология университетского менеджмента — это и есть неолиберализм в самой его циничной форме», а «развитие не может превращаться в деспотию менеджмента» (Демидова, 2015). Эта публикация вызвала оживленные комментарии читателей: «Эффективность не то же самое, что расцвет научных школ и международный авторитет. Авторитет в мировой науке — это ученые, элита университета, а не жадные менеджеры, тотально «обувающие» ученых. Вторые должны быть подмастерьями, точащими перья для интеллектуалов. Но у нас, как всегда, наоборот» (Демидова, 2015). Аналогичный конфликт развернулся в РГГУ. В этой ситуации существенно активизировался профсоюз «Университетская солидарность», неоднократно инициировав пикетирование Госдумы и Министерства образования, протестуя против незаконного увольнения, предлагая варианты

решения проблем. Любопытно, что официальный сайт Межрегионального профсоюза работников высшей школы содержит рубрику, название которой позаимствовано из опыта протестных движений 2011–2012 гг.— «Рабы не мы, мы не нЕмы» (О ситуации в РГГУ, 2013).

Российские университеты за последние двадцать лет пережили немало вызовов и метаморфоз, которые стимулировали не только настроения и действия протеста против конкретных акций руководства вузов и правительства, но и волну дискуссий о судьбе и предназначении университета в современной России (Волохонский, Соколов, 2013; Раков, 2016). Позиция российских ученых в отношении проблемы современного университета нередко выстраивается в противопоставление традиций, когда западной ориентации приписывается взгляд на университетское образование как индустрию образовательных услуг, в отличие от российской ориентации, основанной на государственной ответственности за сферу университетского образования (Наливайко, 2008).

Как правило, российские университеты в подобного рода дискуссии противопоставляются благополучным, с точки зрения отечественных участников дискуссии, западным университетам. Однако и в самых успешных и процветающих университетах Запада все больше распространена критика ситуации в вузах. Недавно была опубликована наделавшая шуму статья оксфордского профессора Терри Иглтона «Медленная смерть университета» (Иглтон, 2015), который поставил проблему конца университета «как центра человеческого критического суждения». Иглтон грустно констатировал факт капитуляции классического университета «перед жёсткими приоритетами глобального капитализма». Он представил картину современного британского университета, в котором «вместо управления преподавателями существует правление иерархии, во многом в стиле Византийской бюрократии, младшие преподаватели — не более чем мальчики на побегушках, а проректоры ведут себя, словно они управляют «Дженерал Моторс». Старшие преподаватели теперь стали старшими менеджерами, и их высокомерие разбухло от разговоров о ревизиях и бухгалтерской отчётности». Помимо обширного роста бюрократии в британском высшем образовании оксфордского профессора возмущает ситуация, в которой для преподавателей «меньше стимулов посвящать себя преподаванию и масса причин обеспечивать что-то для производства, штампуя крайне бесполезные статьи, начиная с ненужных онлайн журналов, почтительно прибегая к внешним грантам на исследования вне зависимости от того, нужны ли они в действительности, и проводя время от времени по часу, набивая дополнительные фразы в свои резюме» (Иглтон, 2015).

Он не оспаривает необходимости университета откликаться на нужды общества. Но, на его взгляд, это существенно отличается от того, чтобы «считаться станцией обслуживания неокапитализма». Более того, реальным нуждам общества больше соответствовал бы поиск действительно эффективной модели университета, а не копирование неолиберальных шаблонов в университетской сфере (Иглтон, 2015).

Эти рассуждения и оценки вызвали значительную реакцию российских ученых и преподавателей. На наш взгляд, она заслуживает того, чтобы быть воспроизведенной, поскольку это живая и непосредственная дискуссия, отражающая разнообразие позиций в университетской среде. Виталий Куренной характеризует текст Иглтона как яркий, «в котором представители многих российских вузов без труда опознают и свои реалии». В то же время он упрекает оксфордского левого интеллектуала в том, что он ностальгирует о традиционалистском, домодерновом порядке. В ответ на полученные на его пост комментарии в Facebook Куренной говорит уже о российских реалиях, в которых видит не только плохое: «1) сегодня мы имеем необычайный рост искусства преподавания во всех смыслах — методическом, контрольном, артистическом, если хотите, тем более, что онлайн курсы сделали эту кухню прозрачной; 2) да, публикаций много — это плохо? Хотелось бы поменьше? 3) в университетах есть конкуренция, но она в науке и образовании есть всегда, зачем же сетовать по этому поводу?» (Персональная страница Виталия Куренного, 2016). Вступившая в онлайн-дискуссию Анна Воскресенская утверждает: «Ясно, что деградация — это продукт американизации образования. Идея была оставить его без государственного финансирования, чтобы университеты перешли на самоокупаемость. Только в Америке это работает, при высоком уровне доходов и соответствующей традиции, без потери качества. А у нас университеты, оказавшиеся вынужденными зарабатывать и выживать, становятся слабыми конкурентами таких агентов, как кафе, ночные клубы и бани». Ей вторит Дмитрий Дорогов, рассуждая «о победе идеологии технократической рационализации над идеологической автономией университета в его праве быть ничьей землей, а не подчиняться внешнему неолиберальному менеджменту» (Персональная страница Виталия Куренного, 2016). На страничке другого московского профессора Владимира Миронова также развернулась дискуссия по поводу тезисов Иглтона. Так, разместил комментарий Артем Скоробогатов: «как британский профессор могу подтвердить, что всё правда от первого до последнего слова. Однако способов борьбы со всем этим никто пока не предложил». Вячеслав Артюх реагирует на эти слова: «а они вообще есть? а может так: технократическая цивилизация диктует новые правила игры в образовательной сфере. Кто не успел, тот опоздал. Старый марксист Иглтон опоздал и теперь высказывает свое удивление и непонимание. Вот молодежь, которой жизненный опыт не мешает потому, что его попросту нет — та сразу вписывается в новые реалии» (Персональная страница Владимира Миронова, 2016). Онлайн дискуссия отражает разнообразие идеологических и ценностных взглядов, с позиций которых и дается оценка тезисов Иглтона. Важно то, что дискуссия ведется на страничках известных профессионалов, являющихся признанными авторитетами в сфере высшего образования.

В критике реформ высшего образования в России по-прежнему существенное место занимают Болонский процесс и включение России в Болонскую систему. Как отмечает Михаил Маяцкий, «литература по вопросу делится на две неравные части. С одной стороны, административный восторг технотронных

отчетов и радужность перспектив; с другой — отчаяние и резиньяция, подспудные и малотиражные, но тем более несомненные» (Маяцкий, 2009). Разницу в восприятии он рассматривает с позиции «старой гвардии», не по возрасту, а по приверженности «прежней идее университета, согласно которой, по словам Гумбольдта, «не профессоры для студентов, а они все — для знания» (курсив автора — Λ .Ф.). «Старая гвардия обреченно ведет арьергардные бои. Новое чиновничье рвение с невинной синевой в глазах весело разрушает построенное веками», прикрываясь словами об «открытости», «успешности», «эффективности», «инновации» и «динамизме». Маяцкий упрекает европейских политиков в том, что они необоснованно и без обращения к экспертным оценкам приняли решения о включении высшего образования в список услуг GATS (General Agreement on Trade in Services) в рамках Всемирной торговой организации. Тем самым представление о знании как всеобщем благе оказалось нарушено в пользу знания как услуги. Между тем в официальных документах Болонского процесса по-прежнему декларируется, что высшее образование как всеобщее благо является не только экономической, но также социальной и политической проблемой. Эта позиция отражена в Пражском коммюнике, где подчеркивается важность контроля со стороны общества за реализацией этого принципа. Всеобщее благо определяется как антипод коммерческой услуги. Та же точка зрения выражена и в Берлинском коммюнике.

Дискуссии по поводу образования как всеобщего блага и протесты по поводу низведения его до уровня услуги ведутся в европейских университетах не одно десятилетие. Представляется изрядным публицистическим приемом со стороны ряда российских авторов отнесение усилий по достижению «открытости», «успешности», «эффективности», «инновации» и «динамизма» современного университета всецело к риторике рьяных чиновников и разрушителей традиций. Университеты действительно принимают данные принципы как ответы на вызовы окружающей среды, важные для сохранения позиций института в современном мире (Curaj, et al, 2012).

Упрощенным, на наш взгляд, выглядит и вывод, будто в западных университетах студент превратился в покупателя, а университет — в супермаркет (Маяцкий, 2009). Правда, в критическом анализе процессов интернационализации высшего образования нередко используются понятия «макдональдизация высшего образования» и «макуниверситет» (Ямпольская, 2014). Так, Л.И. Ямпольская рассматривает университет в контексте глобализации и заявляет: «Интернационализированный университет — это рыночно ориентированная высшая школа... Являясь некоммерческой организацией по своей природе, университет активно использует коммерческие возможности ... все атрибуты коммерции: реклама, оценка эффективности работы факультетов, развитие на внебюджетной основе дополнительного образования, активизация внимания и проявление все большего интереса не только к фундаментальной науке, но

и к ее прикладным сферам» (Ямпольская, 2014). Представляется, что само по себе это направление деятельности университета не представляет угрозы его традиционным ценностям и предназначению, как и использование в речевых практиках таких категорий как «культура качества», «экспертиза», «эффективность», «рентабельность». Однако правомерна обеспокоенность аналитиков: как бы продвижение по этому пути не превратило университет «в предпринимательскую структуру по производству практических, возникающих как необходимые в конкретных ситуациях знаниях. В таких трансформациях можно видеть угрозу культурной, гуманитарной миссии университета. Университет, наука, знание инструментализируются: все становится предметом применения, все относится к области технических вопросов. Новое знание — больше уже не результат стремления постичь истину, а итог поиска приемлемого в данной ситуации решения» (Ямпольская, 2014).

Как уже говорилось, и на Западе университет обвиняют в том, что он превращается в «транснациональную бюрократическую корпорацию» или работающую по типу глобальной фирму. Джиджи Роджеро приводит пример использования таких выражений применительно к университету, «как место непосредственного изготовления прибавочной стоимости», «инкубаторы качественно новой рабочей силы». Он считает, что в современном мире университет заимствует у корпораций критерии развития, формы управления, средства коммуникации и цели (Роджеро, 2011). Его размышления озаглавлены «Из руин в кризис» с реминисценцией по поводу книги канадского профессора Б. Ридингса «Университет в руинах», который понимал под руинами университета потерю современным знанием опорных точек, а университетом — утрату идеи универсализма. В качестве альтернативного неолиберальному варианту ученые видят «образование, направленное к справедливости, критическому самосознанию и мышлению, культуре диалога на равных, осознанию заново важности и ценности жизни с тем, чтобы смягчить негативные эффекты господствующего технократического типа образования и знания, и прежде всего его радикальный отказ от этической и политической ответственности» (Кирабаев, Тлостанова, 2011). Ценностные критерии в этом альтернативном варианте выступают на первом месте.

В современных публичных дискуссиях по поводу высшего образования сталкиваются разные, зачастую противоположные, точки зрения. Характеризуя дискуссию в Европе, направленную против глобализации (американизации) высшего образования, Митчелл Эш указывает: «Общим знаменателем для тех и других оказывается защита европейских достижений — если говорит консерватор, то это великие интеллектуальные элитарные традиции, а если говорит левый, то это структуры социального государства и свободный доступ к высшему образованию — защита перед лицом кажущейся угрозы извне» (Митчелл, 2013). Для него основной момент дискуссий очевиден: «это вопрос об отношении между государством и гражданским обществом, чему в сфере образования со-

ответствует вопрос, является ли высшее образование частным или общественным благом» (Митчелл, 2013). Закономерно, что данная дискуссия проходит не только в университетских стенах или на страницах академических изданий.

Общим местом является то, что применительно к образованию практически каждый человек считает себя экспертом, а высшее образование остается условием социального продвижения. Анализ ситуации показывает, что проблемы данной сферы имеют больше общего, чем различного. «Инфляция дипломов..., коммерциализация высшего образования, влекущая за собой высокие административные расходы, стандартизацию экзаменов, гипертрофированные потребности во внешнем финансировании и чудовищный рост числа платных вузов; кроме того, гонка за «корочками», которые становятся более важными, чем само образование..., диплом, который может оказаться бесполезным при попытке трудоустройства в реальном мире» — так описывает проблемы американской высшей школы М. Гилман, пришедший в университет в 2005 г., после досрочной отставки из МВФ, и обнаруживший, что мир высшей школы «стал отраслью индустрии, все более подверженной процессам глобализации, ориентированной на массовое рыночное производство» (Гилман, 2013).

Другой американский интеллектуал, известный своими левыми взглядами, Наом Хомский, обрушился на власть с жесткой критикой практик менеджмента современным американским университетом: «Когда университеты стали превращаться в корпорации (а это систематически происходило на протяжении последних 25 лет в рамках общего неолиберального наступления на население), то в принятой ими бизнес-модели значение стала иметь лишь итоговая сумма в бухгалтерской ведомости» (Chomsky, 2014). Он определил как наступление на социальные права переход на годовые контракты. Введение подобной практики в российских вузах вызвало аналогичную реакцию преподавателей. Новая контрактная система расценивается как несправедливая, ставящая под угрозу стабильность занятости и дающая в руки администрации средство давления на преподавателей.

В анализе современного университета Хомским есть серьезные отличия от позиции многих других аналитиков. Он считает, что «следует отбросить саму идею о том, что когда-то якобы был некий «золотой век». Было по-другому, в чемто, может быть, и лучше, но все равно далеко от совершенства. Традиционные университеты были, например, жестко иерархическими структурами и в них практически не допускалось демократическое участие в процессе принятия решений» (Chomsky, 2014). Такое суждение справедливо не только в отношении американских университетов плющевой лиги, но и в плане знаменитого Оксбриджа.

Отечественным авторам можно вспомнить призыв Николая Бухарина к советским вузам «штамповать интеллигенцию, как на фабрике», который в значительной мере стал практическим руководством. В истории российских университетов тоже не было «золотого века». Любой период, который кажется таковым с сегодняшней точки зрения, при ближайшем рассмотрении оказывается насыщен

серьезными и острыми проблемами. Каждый раз представлялось, что тяжесть этих проблем обрушит хрупкое устройство тонкого университетского мира. «Исторически существование университетов отличалось некоей двойственностью,— продолжает историческую ретроспективу Йохан Сиберс.— Так, с одной стороны, они являются автономными центрами обучения, которые не подчиняются никаким другим императивам, кроме развития знания. Но, с другой стороны, они остаются зависимыми от общества, будучи инструментами воспроизводства элит, профессиональных корпораций и структур власти» (Клягин, 2015).

Смерть университету, медленную или быструю, предрекают уже не одно столетие. Тем не менее каждый раз этот удивительный мир демонстрирует свою жизнеспособность, реактивность, способность меняться, сохраняя при этом свои ключевые характеристики, важнейшей из которых остается производство знания как всеобщего блага. При этом изменению подвергается и содержание знания, и понимание всеобщего блага. Неизменными остаются призывы со стороны университетского мира помнить о важности этого блага, о недопустимости вытеснения конкуренцией и соперничеством, как недавно сформулировал Зигмунт Бауман, известный способностью поставить диагноз обществу в целом, «человеческого, слишком человеческого стремления к сосуществованию, основанному на дружественном сотрудничестве, готовности делиться, взаимности, обоюдном доверии, признании и уважении» (Бауман, 2015).

Важная тенденция, которая все активнее проявляется в современной ситуации, — это переход от теоретических дискуссий и дебатов к конкретным предложениям по формированию новой модели университета, основанной на иных, чем неолиберальная модель, ценностях. Профессор университета Глазго Уилли Моли, специалист по эпохе Возрождения, призывает порвать с так называемой «корпоративной этикой», которая, как червь, подтачивает высшее образование. Под «корпоративной этикой» он подразумевает модель целе-ориентированного и контролируемого менеджментом образования, которая существенно ограничивает свободу ученых. Разрыв с такой моделью даст больше свободы ученым, чем администраторам. В 2012 г. комитет, уполномоченный шотландским правительством и возглавляемый ректором университета Роберта Гордона в Абердине Фердинанда фон Продзински, подготовил серию радикальных предложений по реформе высшего образования, включавших выборность управляющих университетами органов, 40% квоту для женщин в этих органах, замораживание жалования ректоров. Моли называет эти предложения проявлением «нового этоса», который может превалировать в университетах современной Шотландии. И сторонники, и противники реформ отмечали наличие общих проблем в управлении вузами: продвижения маркетизации, разрушения идеалов свободного образования и социальной демократии, ощущения, что ими управляет какая-то удаленная элита (Matthews, 2014).

«Все больше сотрудников университетов начинают задумываться о дефиците демократичности в их институциональных структурах», — замечает Йохан Сиберс, считая необходимым «добиваться того, чтобы университеты управлялись теми, кто определяет их порядок: студентами и преподавателями. Причем управление должно строиться на основе тех демократических принципов, которые отражают природу университета. Неолиберальная менеджерская модель, основанная на приватизации, конкуренции, финансовых стимулах и максимизации результатов, создает в университете атмосферу, которая пагубно влияет на качество образования и качество исследований» (Клягин, 2015). Звучат в унисон этим призывам суждения российского профессора, со-руководителя профсоюза «Университетская солидарность» Павла Кудюкина: «Фундаментальная проблема вузовской жизни — постоянное свертывание элементов университетской автономии и академической свободы... Вузовские преподаватели буквально стонут от роста всякого роста бюрократической писанины, которую навязывают как государственные органы, так и «своя» администрация» (Если люди не будут..., 2014). Он говорит о необходимости организации «невидимого сообщества» — университетских преподавателей, противодействия увольнениям, в том числе по идеологическим мотивам.

В логике рассуждений Сиберса речь идет не просто о борьбе против коммерциализации, маркетизации и бюрократизации, а о «культурной политике сопротивления»: «Мы можем развивать такие практики и сферы деятельности, которые позволят искать альтернативные образцы общественной жизни, даже если они пока ограничены во времени и пространстве. Мы должны создать такую «площадку» для академической мысли и исследований, где они были бы самодостаточны и самоценны, а не подвергались инструментализации в рамках чего-то внешнего» (Если люди не будут..., 2014).

Библиографический список

- 1. Бауман, 3. (2015). *Идет ли богатство немногих на пользу всем прочим?* Москва: Изд-во Института Гайдара.
- 2. Виноградов, К. (2014, 13 октября). Письмо десяти. *Поток. Студенческий портал Физтеха*. Режим доступа: http://miptstream.ru/2014/10/13/letter-of-ten/
- 3. Волохонский, В., Соколов, М. (2013). Политическая экономия российского вуза. *Отечественные записки*, 4, 31–48. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/4/politicheskaya-ekonomiya-rossiyskogo-vuza
- 4. Гилман, М. (2013). Несколько разрозненных мыслей о высшем образовании. Отечественные записки, 4, 221–225. Режим доступа: http://www.strana-oz.ru/2013/4/neskolko-razroznennyh-mysley-o-vysshem-obrazovanii
- 5. Гущин, А. (2015, 30 октября). 84 преподавателя Физтеха против ректора МФТИ. Поток. *Студенческий портал Физтеха*. Режим доступа: http://miptstream.ru/2015/10/30/profi-riot/

- 6. Демидова, О. (2015, 10 июня). «Шоковая терапия» УрФУ. *URA.RU Российское информационное агентство*. Режим доступа: http://ura.ru/articles/1036265045
- 7. «Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические» (2014). *Историческая экспертиза*. Режим доступа: http://istorex.ru/page/esli_lyudi_ne_budut_borotsya_za_svoi_trudovie_prava_to_oni_poteryayut_i_prava_obschedemokraticheskie
- 8. Иглтон, Т. (2015, 30 апреля). Медленная смерть университета. *ПолиСМИ*. Режим доступа: http://polismi.ru/politika/evrosoyuz-titanik/1118-medlennaya-smert-universiteta. html
- 9. Кирабаев, Н., Тлостанова, М. (2011, 6 декабря). Пути преодоления кризиса современного университета. *Электронная библиотека Руниверс*. Режим доступа: http://www.runivers.ru/philosophy/logosphere/199391/
- 10. Кларк, Б. Р. (2011). Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.
- 11. Клягин, С. (2015, 1 декабря). Сиберс Йохан: Онтологическое благородство. *Сигма*. Режим доступа: http://syg.ma/@sierghiei-kliaghin/iokhan-sibiers-ontologhichieskoie-blaghorodstvo
- 12. Маяцкий, М. (2009, 20 апреля). От Болоньи до Болоньи, или тупиковый процесс. *Русский журнал*. Режим доступа: http://www.russ.ru/pushkin/Ot-Bolon-i-do-Bolon-i-ili-tupikovyj-process
- 13. Митчелл, Э. (2013). Бакалавр чего, магистр кого? «Гумбольдтовский миф» и исторические трансформации высшего образования в немецкоязычной Европе и США. *Новое литературное обозрение*, 122. Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/14e-pr.html
- 14. Наливайко, Н. В. (2008). Тенденции развития современной российской образовательной политики. В Г.И. Петрова, М. Н. Баландин (ред.). *Классический университет в неклассическое время: Труды Томского государственного университета*. Том 269. (с. 98–101). Томск: Издательство Томского университета.
- 15. О ситуации в РГГУ (2013, 27 мая). *Университетская солидарность*. Режим доступа: http://unisolidarity.ru/?p=1161
- 16. Остапенко, А., Ткач, Д., Хагуров, Т. (2014а). Классика универсальности или ремеслуха специализации. *Образовательные технологии*, 1, 5–9.
- 17. Остапенко, А., Ткач, Д., Хагуров, Т. (2014b). Останется ли в России классический университет классическим? *Педагогический журнал Башкоторстана*, 51 (2), 13–16.
- 18. Персональная страница Виталия Куренного. (2016). *Facebook*. Режим доступа: https://www.facebook.com/vitaly.kurennoj?fref=ts
- 19. Персональная страница Владимира Миронова (2016). *Facebook*. Режим доступа: https://www.facebook.com/vladimir.mironov.14?fref=ts
- 20. Плаксина, Н. В. (2015). Миссия университета в системе высшего образования Великобритании. *Проблемы современного образования*, 3, 24–31.
- 21. Раков, В. (2016). Universitas. *Пермский университет*. Режим доступа: http://www.psu.ru/universitet/ob-universitete/universitas-1
- 22. Ридингс, Б. (2009). Университет в руинах. Минск: БГУ.

- 23. Роджеро, Д. (2011). Из руин в кризис: об основных трендах в жизни глобального университета. Неприкосновенный запас. *Дебаты о политике и культуре*, 77 (3). Режим доступа: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/po7-pr.html
- 24. Фадеева, Λ . А. (1996). Демократия и идеал университета. Мир образования, (5–6).
- 25. Ямпольская, Л. И. (2014). *Концептуализация классической «идеи университета»* в неклассическом варианте. Томск: Издательство Национального исследовательского Томского политехнического университета.
- 26. 26. Albach, Ph. & Umakosi, T. (Eds.) (2004). *Asian Universities: Historical Perspectives and Contemporary Challenges*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- 27. Barnett, R. (2013). Imagining the University. London: Routledge.
- 28. Birnbaum, R. (1983). *Maintaining Diversity in Higher Education*. San Francisco: Jossey-Bass.
- 29. Brewer, D. J., Gates, S. M. & Goldman, C. A. (2002). *In Pursuit of Prestige: Strategy and Competition in U. S. Higher Education*. New Brunswick, NJ: Transaction Press.
- 30. Chomsky, N. (2014, February 28). *On Academic Labor. CounterPunch*. Retrieved from: http://www.counterpunch.org/2014/02/28/on-academic-labor/
- 31. Collini, S. (2012). What Universities For? London: Penguin.
- 32. Curaj, A., Vlasceanu, L., Scott, P. & Wilson, L. (Eds.). (2012). European Higher Education at the Crossroads: Between Bologna Process and National Reforms. London: Springer.
- 33. Dill, D. D. (2003). Allowing the Market to Rule: the case of the United States. *Higher Education Quarterly*, 57 (2), 136–157.
- 34. Matthews, D. (2014, June 12). What Might Independence Mean for Scotland's Universities? *Times Higher Education*. Retrieved from: https://www.timeshighereducation.com/features/what-might-independence-mean-for-scotlands-universities/2013795.article
- 35. Nixon, J. (2011). *Higher Education and the Public Good: Imagining the University.* London; New York: Continuum.
- 36. Perkin, H. (1989). The Rise of Professional Society. England since 1880. London: Routledge.
- 37. Smelser, N. (2013). *Dynamics of Contemporary Universities: Growth, Accretion and Conflict.* Berkeley: University of California Press.
- 38. Van de Graaf, J. H., Clarck, B. R., Furth, D., Goldschmidt, D. & Wheeler, D. (Eds.). (1978). *Academic Power: Patterns of Authority in Seven National Systems*. New York: Praeger.

Статья поступила в редакцию 12.08.2015.

A MODERN UNIVERSITY: THE CONFLICT OF VALUES AND MODELS

Fadeeva L.A.

Fadeeva Liubov Alexandrovna, Perm State National Research University, 614990, Russia, Perm region, Perm, ul. Bukireva, 15. E-mail: lafadeeva2007@yandex.ru.

The work has been done under the Russian Humanitarian Scientific Fund project N=14-03-00501 "European universities in the changing world: institutional transformation and the strategies of cooperation with communities".

The article considers scholarly discussion and public debates about the future of a modern university in terms of the conflict of values. The author believes that this conflict is expressed in knowledge being regarded as a service or a common good and that at every step of the university history the conflict has its specificity. The author considers the modern situation as an unprecedented one with regard to the conflict acuteness, activation of protest sentiments, which cover various countries and regions and have a global character. In the author's opinion, it indicates the increase of the constructive contest between the university community and the university neoliberal model. Such a contest is attended with the searches for an efficient new model, based on the values, typical to the traditional university. It is important that it concerns namely axiological element of the contest. The neoliberal model achievements are that its response mechanisms to the market demands and environment needs may be efficient. But such model components as commercialization, managerization, bureaucratization, loss of the university autonomy and traditional academic freedoms result in a protest. The author thinks that the brand new feature of the modern situation is the fact that theoretically-philosophic and moralizing grounds for this model critics get to be accompanied with more and more active forms of contest against the model and for another, spiritually and organizationally democratic model of the university.

Key words: university, values, models, searches, contest, conflict.

References

- 1. Albach, Ph. & Umakosi, T. (Eds.). (2004). *Asian Universities: Historical Perspectives and Contemporary Challenges*. Baltimore: John Hopkins University Press.
- 2. Barnett, R. (2013). Imagining the University. London: Routledge.
- 3. Bauman, Z. (2015). *Idet li bogatstvo nemnogikh na pol'zu vsem prochim?* [Does the Richeness of the Few Benefit us All] Moscow: Institute of Gaidar Publ.
- 4. Birnbaum, R. (1983). Maintaining Diversity in Higher Education. San Francisco: Jossey-Bass
- 5. Brewer, D. J., Gates, S. M. & Goldman, C. A. (2002). *In Pursuit of Prestige: Strategy and Competition in U. S. Higher Education*. New Brunswick, NJ: Transaction Press.
- 6. Chomsky, N. (2014, February 28). *On Academic Labor. CounterPunch.* Retrieved from: http://www.counterpunch.org/2014/02/28/on-academic-labor/
- 7. Clark, B. R. (2011). *Sistema vysshego obrazovaniya: akademicheskaya organizatsiya v kross-natsional'noy perspective* [The Higher Education System: Academic Organization in Cross-National Perspective]. Moscow: Higher School of Economics Publ.
- 8. Collini, S. (2012). What Universities For? London: Penguin.
- 9. Curaj, A., Vlasceanu, L., Scott, P. & Wilson, L. (Eds.). (2012). European Higher Education at the Crossroads: Between Bologna Process and National Reforms. London: Springer.
- 10. Demidova, O. (2015, June 10). "Shokovaya terapiya" UrFU ["Shock Therapy" of the Ural Federal University]. *URA.RU Rossiyskoe informatsionnoe agentstvo* [URA.RU Russian News Agency]. Retrieved from: http://ura.ru/articles/1036265045
- 11. Dill, D. D. (2003). Allowing the Market to Rule: the case of the United States. *Higher Education Quarterly*, 57 (2), 136–157.
- 12. Eagleton, T. (2015, April 30). Medlennaya smert' universiteta [Slow Death of the University]. *PoliSMI*. Retrieved from: http://polismi.ru/politika/evrosoyuz-titanik/1118-medlennaya-smert-universiteta.html

- 13. "Esli lyudi ne budut borot'sya za svoi trudovye prava, to oni poteryayut i prava obshchede-mokraticheskie" ["If People Don't Fight for the Labor Law, They Will Lose Also the Rights All-Democratic"] (2014). *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Examination]. Retrieved from: http://istorex.ru/page/esli_lyudi_ne_budut_borotsya_za_svoi_trudovie_prava_to_oni_poteryayut_i_prava_obschedemokraticheskie
- 14. Fadeeva, L. A. (1996). Demokratiya i ideal universiteta [Democracy and Ideal of University]. *Mir obrazovaniya* [World of Education], (5–6).
- 15. Gilman, M. (2013). Neskol'ko razroznennykh mysley o vysshem obrazovanii [A Few Random Thoughts on Higher Education. Fatherland Notes]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye Zapiski Journal], 4, 221–225. Retrieved from: http://www.strana-oz.ru/2013/4/neskolko-razroznennyh-mysley-o-vysshem-obrazovanii
- 16. Gushchin, A. (2015, October 30). 84 prepodavatelya Fiztekha protiv rektora MFTI [84 Teachers of Physics and Technology Faculty Against the Rector of Moscow Institute of Physics and Technology]. Potok. Studencheskiy portal Fiztekha [Potok. Student's Portal of Physics and Technology Faculty]. Retrieved from: http://miptstream.ru/2015/10/30/profi-riot/
- 17. Kirabaev, N. & Tlostanova, M. (2011, December 6). Puti preodoleniya krizisa sovremennogo universiteta [Overcoming of Crisis of Modern University]. *Elektronnaya biblioteka Runivers* [Runivers Electronic Library]. Retrieved from: http://www.runivers.ru/philoso-phy/logosphere/199391/
- 18. Klyagin, S. (2015, December 1). Sibers Yokhan: Ontologicheskoe blagorodstvo [Sibers Johan: Ontologic nobility]. *Sigma*. Retrieved from: http://syg.ma/@sierghiei-kliaghin/iokhan-sibiers-ontologhichieskoie-blaghorodstvo
- 19. Matthews, D. (2014, June 12). What Might Independence Mean for Scotland's Universities? Times Higher Education. Retrieved from: https://www.timeshighereducation.com/features/what-might-independence-mean-for-scotlands-universities/2013795.article
- 20. Mayatskiy, M. (2009, April 20). Ot Bolon'i do Bolon'i, ili tupikovyy protsess [From Bologna to Bologna, or Deadlock Process]. *Russkiy zhurnal* [Russian Journal]. Retrieved from: http://www.russ.ru/pushkin/Ot-Bolon-i-do-Bolon-i-ili-tupikovyj-process
- 21. Mitchell, A. (2013). Bakalavr chego, magistr kogo? "Gumbol'dtovskiy mif" i istoricheskie transformatsii vysshego obrazovaniya v nemetskoyazychnoy Evrope i SShA [Bachelor of What, Master of Whom? The Humboldt Myth and Historical Transformations of Higher Education in German-Speaking Europe and the US]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 122. Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nlo/2013/122/14e-pr. html
- 22. Nalivayko, N. V. (2008). Tendentsii razvitiya sovremennoy rossiyskoy obrazovatel'noy politiki [Tendencies of Development of Modern Russian Educational Policy]. In G. I. Petrova, M. N. Balandin (Eds.) Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Classical University in Nonclassical Time: Works of Tomsk State University]. Vol. 269. (pp. 98–101). Tomsk: Publishing House of Tomsk University.
- 23. Nixon, J. (2011). *Higher Education and the Public Good: Imagining the University*. London; New York: Continuum.
- 24. O situatsii v RGGU [About a Situation in Russian State University for the Humanities]. (2013, May 27). *Universitetskaya solidarnost'* [University Solidarity Russia]. Retrieved from: http://unisolidarity.ru/?p=1161

- 25. Ostapenko, A., Tkach, D. & Khagurov, T. (2014a). Klassika universal'nosti ili remeslukha spetsializatsii [Classics of Universality or Training in Craft]. *Obrazovatel'nye tekhnologii* [Educational Technologies], 1, 5–9.
- 26. Ostapenko, A., Tkach, D. & Khagurov, T. (2014b). Ostanetsya li v Rossii klassicheskiy universitet klassicheskim? [Whether there will be in Russia a Classical University Classical?] *Pedagogicheskiy zhurnal Bashkotorstana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan]. 51 (2), 13–16.
- 27. Perkin, H. (1989). The Rise of Professional Society. England since 1880. London: Routledge.
- 28. Personal'naya stranitsa Vitaliya Kurennogo [Personal Page of Vitaly Kurenny]. (2016). *Facebook*. Retrieved from: https://www.facebook.com/vitaly.kurennoj?fref=ts
- 29. Personal'naya stranitsa Vladimira Mironova [Personal Page of Vladimir Mironov] (2016). *Facebook*. Retrieved from: https://www.facebook.com/vladimir.mironov.14?fref=ts
- 30. Plaksina, N. V. (2015). Missiya universiteta v sisteme vysshego obrazovaniya Velikobritanii [The Mission of the University in the Higher Education System of Great Britain]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* [Problems of Modern Education], 3, 24–31.
- 31. Rakov, V. (2016). *Universitas. Permskiy universitet* [Perm State University]. Retrieved from: http://www.psu.ru/universitet/ob-universitete/universitas-1
- 32. Readings, B. (2009). *Universitet v ruinakh* [The University in Ruins]. Minsk: Belarusian State University Publ.
- 33. Roggero, G. (2011). Iz ruin v krizis: ob osnovnykh trendakh v zhizni global'nogo universiteta [From Ruins to Crisis: About the Main Trends in the Life of Global University]. *Neprikosnovennyy zapas. Debaty o politike i kul'ture* [NZ. Debates on Politics and Culture], 77 (3). Retrieved from: http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/po7-pr.html
- 34. Smelser, N. (2013). *Dynamics of Contemporary Universities: Growth, Accretion and Conflict.* Berkeley: University of California Press.
- 35. Van de Graaf, J. H., Clarck, B. R., Furth, D., Goldschmidt, D. & Wheeler, D. (Eds.). (1978). *Academic Power: Patterns of Authority in Seven National Systems*. New York: Praeger.
- 36. Vinogradov, K. (2014, October 13). Pis'mo desyati [Letter of ten]. *Potok. Studencheskiy portal Fiztekha* [Potok. Student's Portal of Physics and Technology Faculty]. Retrieved from: http://miptstream.ru/2014/10/13/letter-of-ten/
- 37. Volokhonskiy, V. & Sokolov, M. (2013). Politicheskaya ekonomiya rossiyskogo vuza [The Political Economy of Russian Higher School]. *Otechestvennye zapiski* [Otechestvennye Zapiski Journal], 4, 31–48. Retrieved from: http://www.strana-oz.ru/2013/4/politicheskaya-ekonomiya-rossiyskogo-vuza
- 38. Yampolskaya, L. I. (2014). *Kontseptualizatsiya klassicheskoy "idei universiteta" v neklassicheskom variante* [Conceptualizing of Classical "Idea of the University" in Nonclassical Variant]. Tomsk: National Research Tomsk Polytechnic University Publ.

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗА ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ СФЕРЫ ИСКУССТВА 1

Дикая Л. А., Карпова В. В.

Дикая Людмила Александровна, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, д. 13. Эл. почта: dikaya@sfedu.ru.

Карпова Виктория Викторовна, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Нагибина, д. 13. Эл. почта 5603691@mail.ru.

В статье рассматривается феномен искусства как особая форма освоения и преобразования мира путём превращения материала действительности в художественные образы. Авторами обоснована актуальность изучения нейрофизиологических коррелятов создания художественного образа представителями разных сфер искусства (художники, актёры). Описаны методика и процедура проведения эмпирического исследования. В исследовании приняли участие 60 человек в возрасте 23-27 лет: художники (23 человека), актёры (17 человек) и специалисты, не работающие в сфере искусства (20 человек). Для моделирования творческой деятельности использована художественная техника монотипии. При проведении эмпирического исследования использован метод ЭЭГ.

На основе проведенного сравнительного анализа показано, что нейрофизиологические корреляты создания художественного образа различаются на разных этапах творческого процесса и имеют специфические особенности для представителей определённых профессий (художников и актёров). У актёров распределение функциональных связей коры головного мозга имеет преимущественно правополушарную локализацию, у художников связано с включением и правого, и левого полушарий.

Ключевые слова: искусство, художественный образ, художники, актёры, монотипия, ЭЭГ, кора мозга, полушария мозга.

Искусство — неотъемлемая часть жизни человека, специфическая область человеческой деятельности, через которую познается объективная реальность. Способом и формой освоения действительности искусства является художественный образ. Художественный образ — слияние непосредственно данных, чувственных характеристик действительности и той идеи, в которой выражается общая позиция художника.

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ, проект № 2141

Создания художественного образа, представленного в различной знаковой форме (картина, танец, музыкальное произведение), требуют художественная, конструкторская, музыкальная, танцевальная, актёрская деятельность. Каждый из этих видов профессиональной деятельности имеет свои структурные особенности, свои средства для создания и реализации художественно ценного содержания образа, свои методы обучения профессионалов. Так, основа профессионализма художника — специальная компетентность, обусловливающая уровень развития способности владения композицией на основе развитого композиционного мышления и практической изобразительной деятельности. Творческая деятельность актёров, наоборот, находит свое выражение в формировании сценических образов зачастую через импровизацию, что даёт свежесть и непосредственность дальнейшего исполнения.

Всё более возрастающая востребованность профессий художественного типа делает актуальной задачу изучения феномена искусства, исследования уникальных возможностей человеческого мозга создавать произведения искусства в разных сферах творчества. Понимание мозговых механизмов процесса творчества позволит проводить психофизиологическую диагностику с целью профориентации, прогнозировать успешность обучения, подбирать и реализовывать программы развития творческого потенциала.

В современной психологии представлено немало работ, посвящённых поиску психофизиологических механизмов творчества (Бехтерева, Нагорнова, 2007; Родионов, 2013; Jung-Beeman, Bowden, Haberman, Frymiare, Arambel-Liu, Greenblatt et al., 2004). Преимущественно такие исследования проводятся с использованием методов томографии (структурной магнитно-резонансной, функциональной магнитно-резонансной, позитронно-эмиссионной) и электроэнцефалографии (ЭЭГ). В качестве задач, моделирующих творческую деятельность, предлагаются, как правило, дивергентные задачи (Свидерская, Антонов, Бутнева, 2007). В последние годы повысился интерес исследователей к изучению функционирования мозга в процессе творчества у представителей сферы искусства: художников (Дикая, Карпова, 2014; Bhattacharya, Petsche, 2005), музыкантов (Dikiy, Dikaya, Skirtach, 2014), танцоров (Fink, Graif, Neubauer, 2009).

Однако, несмотря на рост научного интереса к изучению функционирования мозга у представителей сферы искусства, вопрос о мозговых коррелятах профессиональной творческой деятельности остаётся открытым.

Научные работы последних лет указывают на противоречивость представлений современных исследователей о роли полушарий головного мозга в связи с творчеством. Так, результаты одних исследований указывают на доминирование правого полушария при творческой активности (Bhattacharya et al., 2005; Martindale et al., 1984), других — левого (Gonen-Yaacovi et al., 2013). В научной литературе также представлены работы, результаты которых подтверждают как тесную межполушарную интеграцию (Jaušovec, 2000), так и независимое

функционирование полушарий мозга во время творчества (Свидерская и др., 2007; Jung-Beeman M. et al., 2004).

Можно заключить, что существует значительная неоднородность результатов изучения функционирования мозга человека при выполнении творческой деятельности, поэтому трудно прийти к точным заключениям. Также наблюдается дефицит исследований, направленных на изучение динамики активности мозга на разных этапах творческого процесса.

Цель исследования — изучение нейрофизиологических коррелятов создания художественного образа представителями разных профессий сферы искусства.

В качестве гипотез были выдвинуты следующие предположения:

- основные этапы процесса создания художественного образа могут отражаться в динамике функциональной активности мозга у представителей сферы искусства;
- динамика мозговой активности на разных этапах процесса создания художественного образа может быть обусловлена видом профессиональной деятельности представителей сферы искусства (художников, актёров).

В исследовании приняли участие 60 праворуких испытуемых в возрасте от 23 до 27 лет женского пола. Все участники исследования в зависимости от своей профессиональной принадлежности были разделены на три группы: художники — 23 человека; актёры — 17 человек; специалисты, не работающие в сфере искусства,— 20 человек. Все специалисты сферы искусства имели высшее или среднее специальное образование и опыт работы в этой области не более 2-х лет. Учёт данных показателей даёт возможность говорить об определённом уровне развития профессионализма выполнения творческой деятельности и вместе с тем избежать влияния фактора профессиональной деформации личности испытуемых.

Все участники исследования были предварительно ознакомлены с процедурой исследования и подтвердили добровольное согласие на его прохождение.

Для моделирования творческой художественной деятельности использовалась техника монотипии. Монотипия — это импровизация на тему свободного пятна. Техника заключается в случайном отпечатывании красок на бумаге. Впоследствии из случайных отпечатков, которые ничего конкретного не изображают, но стимулируют работу воображения, формируется композиция (Бондарева, 2009). Преимущество метода состоит в том, что при его использовании не человек подстраивается под задание, а, наоборот, задание преобразуется человеком в средство самовыражения. Монотипия даёт возможность человеку самостоятельно создавать новое, может помочь вызвать внутреннюю побудительную силу художественного творческого процесса, позволяет находить решение задачи путём инсайта, следовательно, даёт возможность моделировать истинный творческий процесс.

Во время эмпирического исследования испытуемым предлагались 8 монотипий. Для обеспечения возможности выбора подходящих для реализации задуманной композиции средств исполнения участникам были предложены разнообразные художественные материалы (пастель, акварель, гуашь, цветные карандаши и др.).

В процессе исследования его участники, согласно предварительной инструкции, должны были на основе одной из предложенных монотипий создать в своём воображении художественный образ, затем продумать его детали, найти выразительные средства для последующего изображения. Время для создания художественного образа не ограничивалось. Так как основная часть исследования проводилась с открытыми глазами, в качестве фона использовали спокойное состояние с открытыми глазами.

При выполнении задания у испытуемых регистрировали ЭЭГ при помощи энцефалографа «Энцефалан», версия «Элитная-М» производства МТБ «Медиком» (Таганрог), в 21 стандартном монополярном отведении с ипсилатеральными ушными референтами.

Регистрацию ЭЭГ проводили в спокойном состоянии с открытыми глазами и на разных этапах создания художественного образа (время просмотра монотипий, фрустрация, обнаружение образа и продумывание его деталей).

Анализировались отрезки ЭЭГ длительностью 10 секунд, не имеющие артефактов. Рассматривались когерентные связи биопотенциалов коры мозга между отведениями в диапазонах частот: θ (4–8Гц), α_1 (8,0–10,5 Гц), α_2 (10,5–13,0 Гц), β (13–35 Гц).

Когерентные связи между отведениями для каждого частотного диапазона были сгруппированы: внутриполушарные короткие, внутриполушарные длинные, межполушарные в передних и задних отделах коры, межполушарные диагональные, межполушарные между симметричными отведениями.

Для статистической обработки данных применялись многофакторный дисперсионный анализ ANOVA/MANOVA и сравнительный post-hoc анализ по критерию Фишера. Обработка осуществлялась при помощи пакета компьютерных программ Statistica 12.0.

Посредством дисперсионного анализа рассматривался эффект взаимодействия факторов: Группа (художники, актёры, специалисты, не работающие в сфере искусства) × Этап решения задачи (спокойное состояние, просмотр монотипий, фрустрация, обнаружение образа и продумывание деталей образа) × Вид когерентной связи.

В нашем исследовании получены следующие результаты:

Анализ когерентных характеристик в диапазоне θ -ритма показал, что высокие значения внутри- и межполушарной когерентности между определёнными

областями мозга обнаруживаются с различной динамикой их распределения на разных этапах создания художественного образа во всех исследуемых группах.

У представителей сферы искусства в диапазоне θ -ритма на этапе просмотра монотипий по сравнению со спокойным состоянием наблюдается снижение коротких внутриполушарных связей в левом полушарии ($p \le 0.05$), а также межполушарных связей: у художников — межполушарных длинных симметричных; у актёров — межполушарных передних, задних, длинных симметричных ($p \le 0.05$). В обеих творческих группах на этапе просмотра монотипий обнаружены выраженные короткие связи в правом полушарии ($p \le 0.01$), а у художников также межполушарные передние связи ($p \le 0.05$).

У художников на этапах нахождения образа и продумывания деталей композиции в θ -диапазоне наблюдается усиление коротких связей в левом полушарии ($p \le 0,05$) и задних межполушарных связей ($p \le 0,01$). У актёров этап обнаружения образа характеризуется увеличением силы коротких левополушарных связей, межполушарных передних и длинных симметричных связей, этап продумывания деталей композиции характеризуется увеличением силы когерентности межполушарных задних и коротких симметричных связей ($p \le 0,05$).

У специалистов, не работающих в сфере искусства, в процессе решения образной творческой задачи по сравнению со спокойным состоянием изменений в θ -диапазоне не выявлено, высокие значения внутри- и межполушарной когерентности наблюдаются в процессе всего исследования.

Функциональная роль θ -ритма современными исследователями не только связывается с регуляцией эмоций, но может являться признаком направленного внешнего внимания, готовности испытуемого к выполнению деятельности, отражать рабочее напряжение, создавать условия повышенной нейронной пластичности, необходимой для активной переработки, передачи и запоминания информации (Коробейникова, 2011). На основании вышеизложенного нами было сделано заключение о том, что показатели когерентности в θ -диапазоне могут отражать рабочее напряжение процесса создания художественного образа, а также являться признаком направленного внешнего внимания у участников нашего исследования.

Так, у представителей сферы искусства в диапазоне θ-ритма выявлены локальные зоны рабочего напряжения: на этапе просмотра монотипий в задних отделах правого полушария, которые задействованы в процессах переработки образной информации, а также в формировании интегральных образов, связанных с объединением элементов в пространственно симультанные образы; на этапах создания образа и продумывания его деталей в связях левого полушария, отражающих вовлечённость механизмов анализа информации. Выявленное усиление когерентных связей в правой передней области, межполушарных передних связей на разных этапах творческого процесса может отражать особенности вовлечения механизмов произвольного внимания у представителей разных сфер искусства.

При анализе когерентности в α_1 -диапазоне выявлен высокий уровень внутриполушарного взаимодействия в обоих полушариях на всех этапах создания художественного образа во всех исследуемых группах.

При этом на разных этапах творческого процесса у представителей каждой профессиональной группы выявлено усиление межполушарного взаимодействия в задних отделах коры мозга ($p \le 0.01$): у художников — на этапе нахождения образа, у актёров — во время просмотра монотипий, у специалистов, не работающих в сфере искусства,— на этапе фрустрации. У художников на этапе нахождения образа наблюдается также увеличение силы когерентности передних межполушарных связей ($p \le 0.01$).

Функциональная роль α_1 -ритма связывается современными исследователями с общим активационным состоянием, реализацией интуитивных процессов, внутренней обработкой информации, торможением иррелевантной информации для выполнения текущей задачи (Бехтерева и др., 2007; Фарбер, Мачинская, Курганский, Петренко, 2014; Fink, Schwab, Papousek, 2011).

Выявленное в настоящем исследовании усиление когерентных связей в задних межполушарных связях согласуется с современными представлениями Д. А. Фарбер об изменении синхронизации α-ритма в модально специфических корковых зонах (Фарбер и др., 2014), а также с данными А. Финка с соавторами, согласно которым усиление α-ритма отражает торможение отвлекающего и мешающего информационного потока от зрительной системы (Fink et al., 2011). Выявленное в нашем исследовании усиление межполушарных передних связей у художников на этапе обнаружения образа также может свидетельствовать о подавлении познавательных процессов, не имеющих непосредственного отношения к выполнению задания.

Анализ когерентных характеристик в диапазоне α_2 -ритма показал различные для каждой исследуемой группы значения внутри- и межполушарных связей между определёнными областями мозга в процессе создания художественного образа.

У художников во время просмотра монотипий высокие значения когерентности отмечаются в коротких внутриполушарных связях левого полушария, значимость которых снижается на этапе нахождения образа ($p \le 0.05$).

У актёров на всех этапах творческого процесса наблюдаются низкие значения когерентности в передних связях левого полушария (p<0,05) и высокие значения в коротких связях правого полушария (p<0,01).

У специалистов, не работающих в сфере искусства, на этапе просмотра монотипий наблюдается усиление коротких передних связей в левом полушарии, на этапе фрустрации — увеличение силы межполушарных передних и задних

связей ($p \le 0.05$). Этапы обнаружения образа и продумывания деталей композиции характеризуются снижением силы коротких передних связей в левом полушарии и межполушарных передних связей ($p \le 0.05$).

Функциональная роль α_2 -ритма связывается современными исследователями со спецификой обработки информации при решении когнитивных задач. Предполагается, что правая передняя область вовлечена в спонтанную продукцию невербальных репрезентаций, а левая выполняет контроль, дополнительную оценку и анализ, обеспечивает целенаправленное извлечение информации из эпизодической и семантической памяти (Разумникова, Фиников, 2011).

На основании вышеизложенного нами было сделано заключение о том, что у художников процесс спонтанного создания образов осуществляется на более поздних этапах, во время просмотра монотипий преобладают механизмы анализа, оценки имеющегося материала (монотипий). У актёров весь творческий процесс основан на поиске возможных ассоциаций, спонтанной продукции образов.

В диапазоне β -ритма динамика распределения когерентных связей у испытуемых всех групп схожа.

На всех этапах создания художественного образа выявлен высокий уровень внутриполушарного взаимодействия в обоих полушариях ($p \le 0.01$) и низкий уровень межполушарного взаимодействия ($p \le 0.01$), что может свидетельствовать о независимой работе полушарий, раздельной обработке образной информации (Бехтерева и др., 2007).

В результате проведённого исследования изучены нейрофизиологические корреляты создания художественного образа у представителей сферы искусства (художники, актёры) на разных этапах творческого процесса.

У всех представителей сферы искусства обнаружены:

- сильные короткие внутриполушарные связи в диапазоне θ -ритма (локальные зоны рабочего напряжения): на этапе просмотра монотипий в задних отделах правого полушария, на этапах создания образа и продумывания его деталей в коротких связях левого полушария;
- сильные межполушарные связи в диапазоне α_1 -ритма (подавление познавательных процессов, не имеющих непосредственного отношения к выполнению задания): на этапе просмотра монотипий у актёров; на этапе обнаружения образа у художников;
- сильные внутриполушарные связи на всех этапах создания художественного образа в диапазоне β -ритма (уменьшение взаимодействия полушарий при поиске отдалённых образных ассоциаций, создании идеи рисунка).

У актёров в θ -диапазоне на этапе нахождения образа обнаружены сильные межполушарные передние связи (особенности вовлечения механизмов произвольного внимания). Распределение функциональных связей коры головного

мозга в диапазоне α_2 -ритма у актёров имеет преимущественно правополушарную локализацию (правополушарный (симультанный) способ обработки информации, обеспечивающей эффективное генерирование новых образов).

У художников в θ -диапазоне межполушарные передние связи одинаково выражены на всех этапах создания художественного образа (особенности вовлечения механизмов произвольного внимания); на этапах нахождения образа и продумывания его деталей наблюдается усиление когерентных связей в задних межполушарных связях. Распределение функциональных связей коры головного мозга в диапазоне α_2 -ритма у художников связано с включением правого и левого полушарий в процесс образной творческой деятельности в равной мере, что способствует интеграции спонтанной продукции образов и мысленному конструированию из них художественной композиции.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

- 1. Характер функционирования мозга при выполнении образной творческой деятельности у всех участвовавших в исследовании женщин 23–27 лет отражает их высокую эмоциональную вовлеченность в творческий процесс и сходный уровень активности коры мозга на его этапах.
- 2. Выявленные различия в функционировании коры головного мозга при создании художественного образа у художников (тесное взаимодействие полушарий мозга) и актеров (доминирование активности правого полушария) отражают разные стратегии выполнения образной творческой деятельности представителями этих профессий.
- 3. У художников спонтанному (инсайтному) созданию образов предшествует анализ предложенных монотипий, их оценка. Они создают в умственном плане общую идею художественного образа, а затем продумывают возможности объединения этой идеи с предложенной монотипией в целостный образ.
- 4. У актёров выражен симультанный способ обработки информации, обеспечивающей эффективное генерирование новых образов. Творческий процесс у них основан на поиске возможных ассоциаций, спонтанной продукции образов.

Библиографический список

- 1. Бехтерева, Н. П., Нагорнова, Ж. В. (2007). Динамика когерентности ЭЭГ при выполнении заданий на невербальную (образную) креативность. *Физиология человека*, 33 (5), 5–13.
- 2. Бондарева, О. В. (2009). Специфика преподавания и освоения дисциплины «Художественная графика и графическая композиция» студентам-дизайнерам на художественно-графических факультетах. Материалы Международной научно-практической конференции: формирование профессиональных компетенций в высшем образовании в XXI веке, 155—159.

- 3. Дикая, Л. А., Карпова, В. В. (2014). Влияние профессиональной художественной подготовки на особенности формирования функциональных связей коры головного мозга при выполнении образной творческой деятельности. *Российский психологический журнал*, 11 (4), 80–91.
- 4. Коробейникова, И. И. (2011). Связь пространственной синхронизации тета-диапазона ЭЭГ человека с разной успешностью выполнения зрительно-пространственных задач. Физиология человека, 37 (5), 26–34. doi: 10.7868/S004446771306004X.
- 5. Разумникова, О. М., Фиников, С. Б. (2011). Отражение социальной креативности в особенностях активации коры на частотах дельта-, альфа2- и гамма2- ритмов. *Журнал высшей нервной деятельности*, 61 (6), 706–715.
- 6. Родионов, А. Р. (2013). Мозговые механизмы воображения при выполнении вербальных творческих задач. *Физиология человека*, 39 (3), 35–45. doi: 10.7868/S0131164613030168.
- 7. Свидерская, Н. Е., Антонов, А. Г., Бутнева, Л. С. (2007). Сравнительный анализ пространственной организации ЭЭГ на моделях дивергентного и конвергентного невербального творчества. Журнал высшей нервной деятельности, 57 (2), 144–154.
- 8. Фарбер, Д. А., Мачинская, Р. И., Курганский, А. В., Петренко, Н. Е. (2014). Функциональная организация мозга в период подготовки к опознанию фрагментарных изображений. *Журнал высшей нервной деятельности*, 64 (2), 190–200. doi: 10.7868/S0044467714020075.
- 9. Bhattacharya, J. & Petsche, H. (2005). Drawing on mind's canvas: Differences in cortical integration patterns between artists and non-artists. *Human brain mapping*, 26 (1), 1–14.
- 10. Dikiy, I. S., Dikaya, L. A. & Skirtach, I. A. (2014). Interhemispheric functional organization of brain cortex in musicians during improvisation. *International Journal of Psychology*, 94 (2), p. 127. doi:10.1016/j.ijpsycho.2014.08.606.
- 11. Gonen-Yaacovi, G., de Souza, L. C., Levy, R., Urbanski, M., Josse, G. & Volle, E. (2013). Rostral and caudal prefrontal contribution to creativity: a meta-analysis of functional imaging data. *Frontiers in human neuroscience*, 7.
- 12. Fink, A., Graif, B. & Neubauer, A. C. (2009). Brain correlates underlying creative thinking: EEG alpha activity in professional vs. novice dancers. *NeuroImag*, 46 (3), 854–862.
- 13. Fink, A., Schwab, D. & Papousek, I. (2011). Sensitivity of EEG upper alpha activity to cognitive and affective creativity interventions. *International Journal of Psychophysiology*, 82 (3), 233–239.
- 14. Jaušovec, N. (2000). Differences in cognitive processes between gifted, intelligent, creative, and average individuals while solving complex problems: an EEG study. *Intelligence*, 28 (3), 213–237. doi: 10.1016/S0160–2896(00)00037–4.
- 15. Jung-Beeman, M., Bowden, E. M., Haberman, J., Frymiare, J. L., Arambel-Liu, S. & Greenblatt, R. et al. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2 (4), 500–510.
- 16. Martindale, C., Hines, D., Mitchell, L. & Covello, E. (1984). EEG alpha asymmetry and creativity. *Personality and Individual Differences*, 5 (1), 77–86. doi: 10,1016 / 0191–8869 (84) 90140–5.

Статья поступила в редакцию 16.08.2015.

NEUROPHYSIOLOGICAL CORRELATES OF CREATING AN ARTISTIC IMAGE OF THE REPRESENTATIVES OF DIFFERENT PROFESSIONS THE ARTS

Dikaya L.A., Karpova V.V.

Dikaya Liudmila Alexandrovna, Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University, 344038, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, M. Nagibina av., b. 13. E-mail: dikaya@sfedu.ru

Karpova Viktoriya Viktorovna, Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University, 344038, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, M. Nagibina av., b. 13. E -mail: 5603691@mail.ru

The article deals with the phenomenon of art as a special form of development and transformation of the world, by converting the material reality in artistic images. The authors proved the relevance of the study of neurophysiological correlates of creating an artistic image of the representatives of different kinds of art (artists, actors) is grounded. The technique and the procedure of empirical research are described. 60 students aged 23–27 took part in study: artists (23 people), actors (17 people), experts not working in the arts (20 people). For modeling of creative activity the technique of monotype was used. EEG method was used.

On the basis of the comparative analysis it is confidently shown that a neurophysiological correlates of creating an artistic image are different at different stages of the creative process and have specific features for members of specific professions. The distribution of functional connections of the cerebral cortex has a right hemispheric localization at the actors, is associated with the activation of the right and left hemispheres at the arts.

Key words: art, artistic image, artists, actors, monotype, EEG, brain cortex, brain hemispheres.

References

- 1. Bechtereva, N. P. & Nagornova, Zh. V. (2007). Dinamika kogerentnosti EEG pri vypolnenii zadaniy na neverbal'nuyu (obraznuyu) kreativnost' [The dynamic of coherence during tests for nonverbal (Figurative) creativity]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 33 (5), 5–13.
- 2. Bondareva, O. V. (2009). Spetsifika prepodavaniya i osvoyeniya distsipliny "Khudozhestvennaya grafika i graficheskaya kompozitsiya" studentam-dizayneram na khudozhestvenno-graficheskikh fakul'tetakh [The specifics of teaching and development of the discipline "Art graphics and graphic composition" design students at the graphic arts department]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: formirovaniye professional'nykh kompetentsiy v vysshem obrazovanii v XXI veke* [International scientific-practical conference: development of professional competencies in higher education in the XXI century], 155–159.
- 3. Dikaya, L. A. & Karpova, V. V. (2014). Vliyaniye professional'noy khudozhestvennoy podgotovki na osobennosti formirovaniya funktsional'nykh svyazey kory golovnogo mozga pri vypolnenii obraznoy tvorcheskoy deyatel'nosti [Influence of professional artistic training on the features of formation of functional connections of the cerebral cortex when the imaginative creativity]. *Rossiyskiy psikhologicheskiy zhurna*l [Russian psychological journal], 11 (4), 80–91.
- 4. Korobeynikova, I. I. (2011). Svyaz' prostranstvennoy sinkhronizatsii teta-diapazona EEG cheloveka s raznoy uspeshnost'yu vypolneniya zritel'no-prostanstvennykh zadach [The relationship of the spatial synchronization of theta-band EEG with the successful imple-

- mentation of various spatio-visual tasks]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 37 (5), 26–34. doi: 10.7868/S004446771306004X.
- 5. Razumnikova, O. M. & Finikov, S. B. (2011). Otrazheniye sotsial'noy kreativnosti v osobennostyakh aktivatsii kory na chastotakh del'ta-, al'fa2- i gamma2- ritmov.[Recognition of the social features of the creativity in the activation of the cortex at frequencies of the delta, and alfa2- gamma2- rhythms.]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* [Journal of higher nervous activity], 61 (6), 706–715.
- 6. Rodionov, A. R. (2013). Mozgovyye mekhanizmy voobrazheniya pri vypolnenii verbal'nykh tvorcheskikh zadach [Brain mechanisms of imagination when the verbal creative tasks]. *Fiziologiya cheloveka* [Human Physiology], 39 (3), 35–45. doi:10.7868/S0131164613030168
- 7. Sviderskaya, N. Ye., Antonov, A. G. & Butneva, L. S. (2007). Sravnitel'nyy analiz prostranstvennoy organizatsii EEG na modelyakh divergentnogo i konvergentnogo neverbal'nogo tvorchestva. [Comparative analysis of the spatial organization of the EEG in models of divergent and convergent nonverbal creativity] *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* [Journal of higher nervous activity], 57 (2), 144–154.
- 8. Farber, D. A., Machinskaya, R. I., Kurganskiy, A. V. & Petrenko, N. Ye. (2014). Funktsional'naya organizatsiya mozga v period podgotovki k opoznaniyu fragmentarnykh izobrazheniy [The functional organization of the brain in preparation for the identification of fragmented images]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti* [Journal of higher nervous activity], 64 (2), 190–200. doi: 10.7868/S0044467714020075.
- 9. Bhattacharya, J. & Petsche, H. (2005). Drawing on mind's canvas: Differences in cortical integration patterns between artists and non-artists. *Human brain mapping*, 26 (1), 1–14.
- 10. Dikiy, I. S., Dikaya, L. A. & Skirtach, I. A. (2014). Interhemispheric functional organization of brain cortex in musicians during improvisation. *International Journal of Psychology*, 94 (2), p. 127. doi:10.1016/j.ijpsycho.2014.08.606.
- 11. Gonen-Yaacovi, G., de Souza, L. C., Levy, R., Urbanski, M., Josse, G. & Volle, E. (2013). Rostral and caudal prefrontal contribution to creativity: a meta-analysis of functional imaging data. *Frontiers in human neuroscience*, 7.
- 12. Fink, A., Graif, B. & Neubauer, A. C. (2009). Brain correlates underlying creative thinking: EEG alpha activity in professional vs. novice dancers. *NeuroImag*, 46 (3), 854–862.
- 13. Fink A., Schwab D. & Papousek I. (2011). Sensitivity of EEG upper alpha activity to cognitive and affective creativity interventions. *International Journal of Psychophysiology*, 82 (3), 233–239.
- 14. Jaušovec, N. (2000). Differences in cognitive processes between gifted, intelligent, creative, and average individuals while solving complex problems: an EEG study. *Intelligence*, 28 (3), 213–237. doi: 10.1016/S0160–2896(00)00037–4
- 15. Jung-Beeman M., Bowden E. M., Haberman J., Frymiare J. L., Arambel-Liu S. & Greenblatt R. et al. (2004). Neural activity when people solve verbal problems with insight. *PLoS Biology*, 2 (4), 500–510.
- 16. Martindale, C., Hines, D., Mitchell, L. & Covello, E. (1984). EEG alpha asymmetry and creativity. *Personality and Individual Differences*, 5 (1), 77–86. doi: 10,1016 / 0191–8869 (84) 90140–5.

ЭСТЕТИКА ПЕЙЗАЖА ПОСЕЛЕНИЙ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО САМОЧУВСТВИЯ ЛЮДЕЙ

Кязымзаде Л. А.

Кязымзаде Лала Айдынкызы, Бакинский государственный университет, 370145, Азербайджан, г. Баку, ул. 3. Халилова, 23. Эл. почта: akazimzade@yahoo.com.

История развития человеческого общества неразрывно связана с формированием поселений и их эстетическим оформлением. Восприятие человеком мира носит целостный характер. Гармония и целостность космоса, Вселенной накладывает отпечаток на художественное мышление людей, их эстетический вкус, в том числе связанный с местом жительства. Желание жить в комфортном пространстве, эстетически привлекательном и практичном связано с эстетическими и духовными потребностями людей. Привычная среда обитания связана также с социально-психологическими качествами людей, которые формируются под влиянием многих факторов. Одним из них является эстетика среды поселении. В пилотном проекте исследовалась связь социально-психологического состояния студентов (параметры опросника САН) с оценкой ими среды проживания. Полученные данные позволяют предполагать такую связь, а также ожидать различие в механизмах ее проявления у юношей и девушек. Негативное влияние средового фактора для девушек реализовалось по трем параметрам: «самочувствие», «активность» и «настроение».

Ключевые слова: поселения людей, социально-психологическое самочувствие, эстетика городского пейзажа, эстетика сельского пейзажа, фрустрация.

В понятие социально-психологического самочувствия людей входит комплекс эмоций, ощущений, восприятий, связанных с реакцией человека или социальной группы на внешние события и явления. Отсюда формируется удовлетворенность жизнью, работой, развивается социально-политическая и трудовая активность и т.д. Как отмечают исследователи, «социальное самочувствие выступает компонентом в системе регуляции поведения человека: оно, как эмоционально-установочное состояние, формируется на основе восприятия и оценки среды жизнедеятельности человека и определяет принятие жизненно важных решений. Социальное самочувствие определяется: а) доминированием для человека той или иной социальной сферы его жизнедеятельности ... и б) уровнем субъектности человека ... в наиболее значимой для него, доминирующей сфере жизнедеятельности ... жизненными ориентациями человека»

(Грачев, Русалинова, 2007). Вопросы социально-психологического самочувствия рассматривали в рамках общих вопросов социальной психологии такие известные российские психологи как Г.М. Андреева (2000), Е.В. Руденский (2000), как проблему внутригрупповых и межличностных отношений — А.А. Грачев (2007), Я. Л. Коломинский (2000), Ю. П. Платонов (2002), В.В. Бойко (2000), Н.П. Фетискин (2002).

Одним из первых в русскоязычной литературе влияние средовых факторов на социально-психологическое самочувствие человека исследовал М. Хейдметс (1988). Имеются исследования по отдельным аспектам проблемы, к примеру, формирования ценностных представлений у детей об архитектурном пространстве города. Н. А. Платохина пришла к выводу, что проблема приобщения ребёнка к ценностям мира архитектуры разработана недостаточно, в противоположность другим видам искусства, таким как живопись, музыка, поэзия. Есть противоречия между потенциальными ценностями архитектурного пространства города и их использованием в реальном образовательном процессе (Платохина, 2002).

Социально-психологическое самочувствие человека входит как часть в более общую проблему психологического благополучия личности. В англоязычной научной среде эту проблему основательно рассматривали Е. Динер, а также Р. Ларсен, Х. Винфильд и др. (Diener, Biswas-Diener, 2008; Larsen, Diener and Lucas, 2002; Winefield, Gill and Taylor, 2012). Вопросы социального самочувствия исследовались применительно к тем жизненным условиям, которые предоставляет человеку общество.

При оценке психологического (субъективного) благополучия людей следует тщательно оценивать конкретные социальные показатели, которые охватывают такие явления как преступность, развод, проблемы окружающей среды, младенческой смертности, гендерного равенства и т.д. В целом они могут охватить многие аспекты качества жизни, связанные прежде всего с экономическими показателями уровня жизни. Тем не менее этих социальных индикаторов недостаточно для полного описания параметров благополучия людей, потому что они не отражают реальных событий их субъективного мира, таких как качество отношений, переживаемые каждым человеком эмоции и чувства; они не могут ответить на вопрос, испытывают ли люди одиночество, не подвергаются ли депрессии в своей повседневной жизни.

Есть еще один недостаток экономических и социальных мер в аспекте их влияния на психологическое благополучие — то, что они основаны на моделях рационального выбора, исходящих из того, что люди следуют набору логических правил при составлении планов развития. Однако люди не всегда совершают рациональный выбор, и не всегда экономически рациональный выбор способствует повышению психологического благополучия человека.

Общество прогрессирует в плане психологического благополучия, и сегодня политики должны основывать свои расчеты и планы в том числе и на таком показателе как повышение удовлетворенностью жизнью и уровень счастья. Благополучие людей связано, как известно, с их духовными потребностями, среди которых духовная гармония с окружающей средой и потребность эстетического наслаждения занимает немалое место.

Таким образом, психологическое благополучие связано с тем, как люди оценивают свою жизнь. Согласно Динеру (Diener, Biswas-Diener, 2008), эти оценки могут быть в форме знаний. Когнитивная часть представляет собой информацию, основанную на оценке своей жизни, когда человек дает сознательные оценочные суждения о своей удовлетворенности жизнью в целом. Аффективная часть — это позитивная гедонистическая или, напротив, негативная оценка эмоций и чувств, которыми руководствуется человек в жизни, частота, с которой люди испытывают приятные / неприятные настроения в ответ на события жизни. Люди неизменно испытывают настроения и эмоции, которые имеют положительную или негативную окраску. Большинство людей способны оценить свою жизнь как хорошую или плохую, поэтому они, как правило, также и в состоянии предложить соответствующие решения. Таким образом, люди живут на некотором уровне состояния субъективного благополучия, даже если они не часто осознают это, и психологически они практически всегда готовы дать оценку тому, что происходит с ними.

Социально-психологического благополучие определяется с точки зрения внутреннего опыта человека и его собственного восприятия жизни. Ясно, что люди ориентированы как на сиюминутные настроения, так и долгосрочные перспективы своего психологического благополучия.

В целом литература по социально-психологическому благополучию людей быстро прогрессировала с момента появления интереса к проблеме примерно пять десятилетий назад. Как показывают публикации, психологи и представители других научных сфер сделали большой прорыв в понимании факторов, влияющих на психологическое, т.е. субъективное благополучие человека современного общества. В ряду таких факторов называется и архитектура: «современная архитектура требует учёта человеческого фактора, взаимного влияния психофизиологии человека и окружающего пространства — природного и искусственного. Архитектурное формообразование невозможно вне объективно-субъективных отношений человека и пространственной среды» (Шилин, 2011). Формирование архитектурного пространства почти всегда преследовало цель удовлетворения также и эстетических потребностей. Об этом можно судить по истории развития поселений людей, начиная от самых примитивных (в современном понимании) и заканчивая современными мегаполисами. Искусство построения жилищ для людей, т.е. создания архитектурного пространства, должно было учитывать такие параметры как объект и композиция, перспектива и ракурс, свет и тень, материалы и техника, цвет и текстура внешних и внутренних атрибутов построек. Человек

как существо, гармонически сочетающее в себе природное начало и социальные качества, воспринимает мир в единстве познающего, оценивающего и практического отношения. Отношение к окружающему миру помогает сформировать и отношение к себе, что выражается в становлении самосознания, самооценки и самоопределения. Помимо того эмоционально-духовный мир человека устроен так, что его реакция на окружающую среду должна удовлетворять его мировоззренческие потребности, ценностные ориентации, эстетические запросы.

Отметим, что работ, непосредственно рассматривающих эстетические аспекты архитектурного пространства как фактора социально-психологического самочувствия людей, относительно мало, хотя проблема достаточно востребована: рост городской и агрокультурной агломераций делает актуальным вопрос эстетического измерения нашего жилого пространства — как изнутри, так и снаружи.

Об этом говорят и обзор работ по психоэкологии как новому направлению психологии, приведенный в лекционной разработке российских авторов (Романова, 2015), и незначительное количество публикаций (всего 8 на 22.12.2015) с этим ключевым словом на сайте E-Library.ru.

Целью данной статьи является рассмотрение влияния эстетики пейзажа поселения на социально-психологическое самочувствие проживающих в нем людей. Нами выдвинуто предположение о том, что географическое, этнокультурное и ландшафтное пространство места обитания отражается на самочувствии, активности и настроении людей как особый фактор, действующий совместно с уровнем жизни, самооценкой и мотивацией жизненной деятельности. Предполагается параллельный анализ развития архитектуры и дизайна городских и сельских поселений и соотношения с ним социального самочувствия людей. С целью уточнения постановки проблемы было проведено пилотное панельное исследование, в котором сопоставлены полученные данные двух видов: результаты оценки социально-психологического самочувствия и оценки окружающего городского ландшафта по ряду параметров. Исследование проведено в студенческих группах, поскольку нужны были респонденты с равными «стартовыми» возрастными, профессиональными и социально-психологическими данными.

Выборка исследования составила 28 девушек и 11 юношей — студентов третьих курсов гуманитарных факультетов Бакинского государственного университета в ноябре 2015 г. Большинство из них являются выходцами из различных регионов страны, проживающими у родственников или снимающими квартиру. Около 40% родились и проживают в городе. Участникам были предложено ответить на вопросы методики САН (диагностика оперативной оценки самочувствия, активности и настроения) (Райгородский, 2002). В данном варианте методики использовалась 7-балльная шкала.

Затем им задавались вопросы, связанные с их восприятием среды обитания:

1. Какова географическая среда проживания?

 Таблица 1

 Общая оценка окружающей среды в месте проживания

Оценка места проживания	Место проживания
Высокая оценка (девушки)	Ахмедлы (пригород Баку), городской центр (Баку), Хурдалан (пригород Баку)
Средняя или низкая оценка (девушки)	Хурдалан (пригород Баку), Сумгаит, Ясамал (часть города, окраина), Сабунчи (пригород Баку), Сураханы (пригород Баку), Забрат (пригород Баку), Бинагады (пригород Баку)
Высокая оценка (юноши)	Город Хачмаз, Завокзальная (Баку), городской 3-й микрорайон (Баку),
Средняя или низкая оценка (юноши)	Сулутепе (пригород Баку), Бина (пригород Баку), Сураханы (пригород Баку)

- 2. Какова здесь этнокультурная среда?
- 3. Каково эстетическое впечатление от среды проживания?
- 4. Каково социально-экономическое развитие?
- 5. Каковы демографические и этнические характеристики среды?
- 6. Каково санитарно-гигиеническое состояние среды?
- 7. Нравятся ли вам дизайн внешней среды и сочетание цветов места вашего проживания?

Вопросы 3, 6 и 7 выводили респондентов на непосредственно оценочные ответы.

Представим полученные результаты. Респонденты без затруднений дифференцировали оценочно среду своего проживания, относя свои оценки к определенному поселению или выделяемому жителями городскому району (см. табл. 1).

Далее выборка была сгруппирована по параметрам: оценка места проживания (высокая / средняя или низкая), пол респондента (юноша/девушка), для каждой группы рассчитаны средние по группе показатели САН (самочувствие, активность, настроение). Результаты представлены в табл. 2 и 3.

В связи с пилотным характером исследования и небольшим размером выборки на данном этапе мы можем предварительно сформулировать несколько гипотез для дальнейшей проверки.

Представляется, что:

Среда обитания и её целостное восприятие может выступать одним из факторов, формирующих уровень субъективного благополучия личности.

Влияние средового фактора на субъективное благополучие личности дифференцировано и может опосредоваться гендерными характеристиками.

Девушки в целом более чувствительны к средовому фактору места обитания, чем юноши.

Оценка среды проживания	Самочувствие	Активность	Настроение
Высокая	6,4	5,4	6,2
Средняя или низкая	5,7	3,4	5,6
Различие в показателях САН (среднее по группе)	0,7	2	0,6

 Таблица 3

 Девушки: самочувствие, активность, настроение и оценка среды проживания

Оценка среды проживания	Самочувствие	Активность	Настроение
Высокая	6,7	6,4	6,8
Средняя или низкая	4,6	4,1	5,2
Различие в показателях САН (среднее по группе)	2,1	2,3	1,6

Более высокая чувствительность девушек к факторам среды реализуется в социально-психологическом самочувствии по параметрам «самочувствие» и «настроение».

Для юношей негативное влияние средового фактора места обитания реализуется в социально-психологическом самочувствии преимущественно по параметру «активность».

Очевидно, что отсутствие в развитии городов и поселков экологически обоснованных планов, преследование застройщиками цели лишь количественного обеспечения жильем, нарушение гармонии с природой, а также отсутствие правильного эстетического воспитания, нарушение преемственности в передаче культурного опыта между поколениями могут приводить к проблемам в социально-психологическом самочувствии людей. Их характер, обстоятельства возникновения и факторы влияния заслуживают дальнейшего изучения.

Библиографический список

- 1. Андреева, Г. М. (2000). Психология социального познания. Москва: Аспект пресс.
- 2. Бойко, В. В. (2000). *Социально-психологический климат коллектива и личность*. Москва: Мысль.
- 3. Грачев, А. А., Русалинова, А. А. (2007). Социальное самочувствие человека в организации. Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, 8 (30), 7–17.
- 4. Коломинский, Я. Л. (2000). *Психология взаимоотношений в малых группах*. Москва: Тетра Системс.

- 5. Платонов, Ю. П. (2002). *Психология коллективной деятельности: Теоретико- методологический аспект.* Москва: Мысль.
- 6. Платохина, Н. А. (2002). *Архитектурное пространство как среда развития* у дошкольников ценностного отношения к родному городу: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону.
- 7. Райгородский, Д. Я. (2002). *Практическая психодиагностика. Методика и тесты.* Самара: БАХРАХ–М.
- 8. Романова, Н. Р. (2015). Психоэкология организации и жизненной среды (Лекционный материал по курсу «Управленческая психология»). *Психология онлайн*. Режим доступа: http://www.psychological.ru/default.aspx?0a1=913&0o1=0&0s1=1&p=52&s=0
- 9. Руденский, Е. В. (2000). Социальная психология. Москва: Прогресс.
- 10. Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. Москва: Изд-во Института Психотерапии.
- 11. Шилин, В. В. (2011). *Архитектура и психология. Краткий конспект лекций.* Н. Новгород: Нижегород. гос. архит.— строит. ун-т.
- 12. Diener, E., & Biswas-Diener, R. (2008). *The science of optimal happiness*. Boston: Blackwell Publishing.
- 13. Winefield, H. R., Gill, T., Taylor, A. W. & Pilkington, R. (2012). Psychological well-being and psychological distress: is it necessary to measure both? *Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice*, 2.
- 14. Larsen, R. J., Diener, E., & Lucas, R. (2002). Emotion: Models, measures, and individual differences. In R. Lord, R. Klimoski, & R. Kanfer (Eds.), *Emotions at work* (pp. 64–106). San Francisco: Jossey-Bass.

Статья поступила в редакцию 22.09.2015

AESTHETICS OF THE SETTLEMENTS LANDSCAPE AS A FACTOR OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF PEOPLE

Kazimzade L. A.

Kazimzade Lala Aydingizi, Baku State University, 370145, Azerbaijan, Baku, st. Z. Khalilov, 23. E-mail: akazimzade@yahoo.com.

The history of the human society development goes hand in hand with the settlements formation and their aesthetic design. The human view of life is holistic. The harmony and integrity of the space, the universe affect the artistic thinking of people and their aesthetic taste, including the one related to their residence. The desire to live in a comfortable space, aesthetically attractive and practical is connected to the aesthetic and spiritual needs of people. The usual habitat is also related to the socio-psychological qualities of people, which form under the influence of many factors. One of them is the aesthetics of the settlements landscape.

The pilot project investigated connection of students' socio-psychological condition (based on SUN questionnaire parameters) with their evaluation of the living conditions. Received data allows to suggest the existance of such connection, as well as to expect the difference in mechanisms of its demostration in young male and female people. Negative influence of environmental factor for males was realized according to the "activity" parameter, whereas the same influence for females was realized according to three parameters of "wellbeing", "activity" and "mood".

Key words: human settlements, social and psychological well-being, aesthetics of the urban landscape, rural landscape aesthetics, frustration.

References

- 1. Andreeva, G. M. (2000). *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt press.
- 2. Boyko, V. V. (2000). *Sotsial'no-psikhologicheskiy klimat kollektiva i lichnost'* [Social and Psychological Climate of Collective and Personality]. Moscow: Mysl'.
- 3. Diener, E., & Biswas-Diener, R. (2008). *The science of optimal happiness*. Boston: Blackwell Publishing.
- 4. Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V., Manuylov, G. M. (2002). Sotsial'no-psikhologicheskaya diagnostika razvitiya lichnosti i malykh grupp [Social and Psychological Diagnostics of Development of the Personality and Small Groups]. Moscow: The Institute of Psychotherapy Publ.
- 5. Grachev, A. A., Rusalinova, A. A. (2007). Sotsial'noe samochuvstvie cheloveka v organizatsii [Social "self-feeling" of the person at an organization]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], 8 (30), 7–17.
- 6. Kolominskiy, Ya. L. (2000). *Psikhologiya vzaimootnosheniy v malykh gruppakh* [Social Psychology of Relationship in Small Groups]. Moscow: Tetra Sistems.
- 7. Larsen, R. J., Diener, E., & Lucas, R. (2002). Emotion: Models, measures, and individual differences. In R. Lord, R. Klimoski, & R. Kanfer (Eds.), *Emotions at work* (pp. 64–106). San Francisco: Jossey-Bass.
- 8. Platokhina, N. A. (2002). *Arkhitekturnoe prostranstvo kak sreda razvitiya u doshkol'nikov tsennostnogo otnosheniya k rodnomu gorodu* [Architectural Space as Environment of Development in Preschool Children of the Valuable Relation to the Hometown] (Abstract of Cand. Dissertation). Rostov-on-Don.
- 9. Platonov, Yu. P. (2002). *Psikhologiya kollektivnoy deyatel'nosti: Teoretiko-metodologicheskiy aspekt* [Psychology of Collective Activity: Theoretical and Methodological Aspects]. Moscow: Mysl'.
- 10. Raygorodskiy, D. Ya. (2002). *Prakticheskaya psikhodiagnostika. Metodika i testy* [Practical Psychodiagnostics. Technique and Tests.]. Samara: BAKhRAKh-M.
- 11. Romanova, N. R. (2015). Psikhoekologiya organizatsii i zhiznennoy sredy (Lektsionnyy material po kursu "Upravlencheskaya psikhologiya") [Psychoecology of the Organization and Vital Environment (Lecture Material at the Rate "Administrative Psychology")]. *Psikhologiya onlayn* [Psychology online]. Retrieved from http://www.psychological.ru/default.aspx?0a1=913&0o1=0&0s1=1&p=52&s=0
- 12. Rudenskiy, E. V. (2000). Sotsial'naya psikhologiya [Social Psychology]. Moscow: Progress.
- 13. Shilin, V. V. (2011). *Arkhitektura i psikhologiya. Kratkiy konspekt lektsiy* [Architecture and Psychology. A Brief Abstract of Lectures]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering Publ.
- 14. Winefield, H. R., Gill, T., Taylor, A. W. & Pilkington, R. (2012). Psychological well-being and psychological distress: is it necessary to measure both? *Psychology of Well-Being: Theory, Research and Practice*, 2.

НАШИ АВТОРЫ

Глухова Александра Викторовна, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета, Воронеж, Россия.

Дикая Людмила Александровна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Карпова Виктория Викторовна, соискатель кафедры психофизиологии и клинической психологии Академии психологии и педагогики Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, Россия.

Кязымзаде Лала Айдынкызы, докторант кафедры психологии Бакинского государственного университета, Баку, Азербайджан.

Мармилова Екатерина Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, учёта и аудита Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия.

Мирошниченко Инна Валерьевна, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Морозова Елена Васильевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Пражак Гергё, доктор философии, научный сотрудник факультета социологии, кафедра социальной психологии, секретарь междисциплинарной докторской программы по социологии Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, заведующий лабораторией факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Садилова Алена Викторовна, аспирант кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Фадеева Любовь Александровна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Чепели Дьёрдь, доктор социологических наук, профессор факультета социологии, кафедра социальной психологии, руководитель междисциплинарной докторской программы по социологии Будапештского университета им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.

Шлапеко Екатерина Андреевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Института экономики Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия.

OUR AUTHORS

Csepeli György, Dr. Sci. (sociology), Eötvös Loránd University Budapest, Faculty of Social Sciences, Department of Social Psychology, Chair for Interdisciplinary Social Research Doctoral Program, Budapest, Hungary.

Dikaya Liudmila Alexandrovna, Candidate of Science in Psychology, Associate Professor of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Fadeeva Liubov Alexandrovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Political Science of the Perm State National Research University, Perm, Russia.

Glukhova Aleksandra Viktorovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University, Voronezh, Russia.

Karpova Viktoriya Viktorovna, Post-graduate student of Psychophysiology and Clinical Psychology Department of Academy of Psychology and Pedagogy of Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Kazimzade Lala Aydingizi, doctoral student, Psychology Department of the Baku State University, Baku, Azerbaijan.

Marmilova Ekaterina Petrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Departments State and Municipal Government, Accounting and Auditing of the Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Miroshnichenko Inna Valeryevna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Morozova Elena Vasilyvna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Department of State Policy and Public Administration of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Prazsák Gergő, PhD, research fellow, Eötvös Loránd University Budapest, Faculty of Social Sciences, Department of Social Psychology, Interdisciplinary Social Research Doctoral Program, Budapest, Hungary.

Ryabchenko Natalya Anatolyevna, Candidate of Political Sciences, Head of Laboratory of the Faculty of Management and Psychology of the Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sadilova Alena Victorovna, Post-graduate student of the Department of Political Science of the Perm State National Research University, Perm, Russia.

Shlapeko Ekaterina Andreevna, Candidate of Political Sciences, Researcher of Institute of Economics, Karelian Research Centre of Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ax): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется Библиографический список, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

B TEKCTE

Используйте метод цитирования «**дата** — **автор**» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) по-казывают, что...
 - In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
 - Walker (2000) compared reaction times...
 - Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждению сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: aвтора, pedaктора (если он есть), rod издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите *название* на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите *редактора* на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], *1*, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. Спортивный психолог, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia?
 Psychology Today, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), cc. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

книги

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies.* (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Аюсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). Handbook of consumer psychology. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialny i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы *журнала* или *книгоиздателя*.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа http://chsu.kubsu.ru/index.php/r u/archive-n/2013/2013-3
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/20 13/2013-3
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, *4* (2): 43-50. Retrieved from http://ojs.lib.swin.edu.au/index. php/ejap/article/view/8/157

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. Эксперт Сибирь, 25 (422). Режим доступа http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology, 40* (8). Retrieved from http://www.apa.org/monitor/

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from http://www.latimes.com
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). Газета.ру, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16 a 6071105.shtml

• Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16 a 6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rossyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologitcheskyi podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), Encyclopedia
of play in today's society. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

• Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute
of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009).
Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/
disorders/autism/detail autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

• Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from http://eric.ed.gov

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

• Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity.* (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствие с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412H.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.